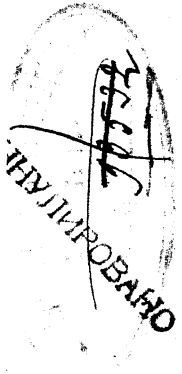
В. В. СВЯТЛОВСКИЙ.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕНЕГ
И
ДЕНЕЖНЫХ ЗНАКОВ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА .. 1923 .. ПЕТРОГРАД

209

Государственное Издательство
типография
ПЕЧАТНЫЙ ДВОР
Петроград

Библиотека Аграрного Института

Гиз. № 4847. II. 11/VI—23 г.—7000. Петрооблит. № 6494.

Часть I.

ГЛАВА I.

1. Вопрос о происхождении денег в экономической науке.

Для целого ряда эпох вопрос о деньгах является вопросом особенно острым и животрепещущим. Денежная смута и связанная с нею революция в ценах не раз заставляли искать в науке выхода и спасения. Поэтому экономическая мысль очень рано поставила вопрос о *сущности* и *природе* денег. История первых шагов современной науки о народном хозяйстве — первая ее литература — была, по сути, историею денежного вопроса. Однако, различные решения о существе денег и денежных знаков обходили вопрос об их *происхождении*. Он был впервые поставлен только в 19 столетии.

Первоначально наука подошла к вопросу рационалистически. Деньги считались или продуктом безмолвного соглашения людей или продуктом *изобретения*. Согласно последней теории, деньги могли появиться как результат творческого замысла какого-нибудь гениального древнего законодателя. Они были выдуманы, изобретены в итоге мыслительного процесса.

Оставалась только неустановленною та страна, которой человечество было обязано столь великим и полезным открытием, да имя самого «изобретателя». (Неизвестную страну должна была установить особая наука о весе, составе и технике денег — *метрология*). Другая теория, — *теория соглашения* или договорная, —

объясняла происхождение денег молчаливо состоявшимся соглашением между людьми относительно выполнения определенными предметами известных денежных функций. Другими словами, деньги признавались результатом договора, заключенного между собою людьми, убедившимися в том, что для передвижения ценностей в меновом обороте необходимы особые орудия — деньги. На этой точке зрения стоял, между прочим, английский философ и экономист Джон Локк, полагавший, что человечество, согласившись придать особую ценность золоту и серебру, ввело металл в употребление в качестве орудия обращения и платежного средства.

Теория изобретения была впервые формулирована немецким ученым археологом профессором Августом Беком. В 1838 году в Берлине вышло его сочинение: «Метрологические изыскания веса и меры древности в их взаимоотношении». Бек доказывал, что первые единицы веса монет были определены теоретическим путем и были введены, как результат административных распоряжений. Несомненно, что эта теория была навеяна воспоминаниями о деятельности Великой Французской Революции, именно таким путем разрешившей вопрос о новой метрической системе. Бек колебался назвать страну, где впервые были изобретены деньги, и предоставлял догадки ученому миру. Мнения по этому поводу разделились. Ассириологи, основываясь на раскопках Ниневии и Вавилона, приписывали эту честь древним мудрецам и жрецам Месопотамии. Египтологи полагали, что установление мер впервые произошло на заре математики в древнем Египте и покоилось на измерениях Большой Пирамиды и на определении веса определенного количества воды Нила.

С изложенной теориею, переработанной затем учеником Бека — Брандесом, соглашались все. Нашелся только один европейский ученый, который совершенно иначе отнесся к этой проблеме, — это был Карл Маркс. Его основная точка зрения — исторического материализма и исторического развития — и здесь выясняла вопрос.

Не опровергая прямо теории изобретения, а игнорируя ее, Маркс гениально наметил схему иного решения вопроса о происхождении денег и привел ряд фактических данных в доказа-

тельство верности своих соображений. Они изложены в знаменитом первом томе его «Капитала».

Как известно, на первых ступенях культуры человечество было вынуждено при обмене прибегать к меновому посреднику, содействовавшему обращению особенно необходимых предметов. Поэтому Маркс совершенно справедливо полагает, что «сношение, при котором владельцы товаров выменивают и сравнивают их собственные предметы с различными другими предметами, никогда не имеет места без того, чтобы в границах этого сношения разные товары различных владельцев не выменивались и не сравнивались, как ценности с одним и тем же третьим товаром.» Такой третий товар, становясь эквивалентом для различных других товаров, содержит непосредственно, хотя и в узких границах, общую или общественную эквивалентную форму. Эта общая эквивалентная форма возникает и исчезает вместе с кратковременным общественным соприкосновением, которое ее вызвало к жизни. Попеременно и временно присоединяется она к тому или к другому товару. С развитием товарного обмена она особенно прочно присваивается особенным родам товаров или *кристаллизуется в денежную форму*. На каком именно сорте товаров она удержится — это, в конце концов, совершенно безразлично». Вместе с тем Маркс удачно объясняет, что именно составляет наиболее примитивные формы денег: «*Денежная форма присваивается наиболее важным предметам обмена*, получаемым от чужих народов, которые в действительности нечто иное, как естественные формы явлений обмена отечественных продуктов. Точно также *они являются важнейшими предметами потребления*, составляющими главный элемент отечественного отчуждаемого владения, как напр., скот» [1]).

Глубоко верные историко-социологические замечания Маркса, открывавшие новые горизонты, не повели, однако, к дальнейшим изысканиям ни его современников, ни позднейших экономистов. Официальная наука попрежнему продолжала стоять на рационалистическом обосновании вопроса, не считаясь с тем фактиче-

---

[1]) *Marx, K.* Capital, B. I. Гамбург, 1883, стр. 53.

ским материалом, который со времени Маркса начал все более накопляться в трудах археологов и этнографов.

Типичным образчиком общепринятой рутины является «властитель дум» новой школы экономистов, грозившей полным опровержением «заблуждений социалистов» — профессор венского университета Карл Менгер, вместе с Бем-Баверком, являющийся главою так называемой «*австрийской*», или субъективной, или *психологической* школы в политической экономии. Воззрения Менгера сравнительно недавно изложены в III томе «Handwörterbuch'a der Staatswissenschaften» в статье «Geld», т.-е. в известном Словаре Конрада, настольном для каждого европейского экономиста. Здесь повторена та же теория изобретения, несмотря на указания Маркса и на данные описательной (так называемой генетической) социологии, этнографии и истории первобытного хозяйства. [1]).

Не касаясь всех существующих теорий денег, упомянем еще только одну теорию денег, а именно «*хартальную*» немецкого экономиста профессора *Кнаппа*, изложенную им в труде «Государственная теория денег» («Die Staatliche Theorie des Geldes», 1905). Кнапп полагает, что деньги — создание правового строя, а их употребление для платежей определяется правовыми нормами, иначе—покоится на велении государства. Кнапповская теория произвела сильное впечатление при своем появлении и послужила поворотным пунктом в истории денежного вопроса. После Кнаппа появился ряд новых исследований и точек зрения, сводку которых в 1922 году дает немецкий экономист Дебманн [2]).

2. Новейшие иоследования.

Первое исследование, произведенное в направлении, намеченном Марксом, было произведено английским ученым *Але-*

---

[1]) См. *W. Lotz*. Die Lehre vom Ursprunge des Geldes, статья в жур. «Jahrbuch für Nat. und Statistik» за 1894 (III Folge, Bd. 7, S 357), также *Schurtz:* Grundriss einer Entstehungs-Geschichte des Geldes. 1898, и *В. В. Святловский:* «Примитивные деньги и их происхождение» в журн. «Народное Хозяйство» за 1900 г., кн. I, II и XI.

[2]) *Dobman*. Geldtheorien seit Knapp. Лейпциг. 1922.

ксандром Дель-Маром; в его труде «Money and civilisation», Лондон, 1886, дается сводка фактического материала, к этому времени известного, по вопросу о происхождении денег. Но Дель-Мару не хватает решительности в обобщениях и выяснении некоторых отдельных вопросов.

Все это имеется у *Риджвея,* нанесшего окончательный удар теории Бека. Труд Риджвея, выдающийся по содержанию и обработке, носит название: «Происхождение металлического обращения и измерений веса» («The origin of metallic currency and weight standards», 1892) [1]).

Здесь дается талантливая сводка обширного материала о происхождении денег у первобытных и древних народов.

Примитивным деньгам уделено особенное внимание. Классические авторы и вещественные памятники греко-римской культуры, системы веса и денег у Гомера в древней Греции вообще, деньги в Китае, в Малой Азии, в Египте, в Вавилоне, в Сирии и в Палестине, у римлян и ирландцев тщательно изучены и освещены. Между прочим Риджвей дает также остроумную гипотезу одинаковости стоимости быка и таланта в Греции во времена Гомера (т.-е. с X — VIII в. до Р. Х.), так как все ценности тогдашнего цивилизованного мира измерялись одною и тою же величиной — быком, а ценность таланта повсеместно держалась одинаковой высоты. Сочинение Риджвея дает возможность подвести некоторые итоги. Ценность и измерители веса являются не результатом творчества и изобретения, но продуктом долгой естественно-исторической и культурной эволюции. Между примитивными деньгами, так называемыми деньгами-товарами, напр., скотом, и чеканною монетою цивилизованных народов существует полное соотношение, в известном смысле преемственная связь. Это помогает уразумению сходных явлений в других, или позднее изученных, как например Ассирия, Ни-

[1]) С этой работою впервые познакомил русских ученых покойный дерптский профессор *А. И. Миклашевский* («Деньги» (дис.), Москва, 1895). Точно также она использована в главе по истории денег в моей работе по истории хозяйства киевского периода истории России: «Примитивно-торговое государство, как форма быта», Петроград, 1914.

невия или Халдея [1]), или же совсем незатронутых Риджвеем странах, напр. в России, так как, к сожалению, автор совершенно не коснулся славянских древностей, дающих обширный и весьма характерный материал по этому вопросу.

Риджвей также не в достаточной мере использовал обширную *этнографическую литературу*, описывающую различные формы обмена и системы первобытных денег у диких народов.

Поэтому необходимо обратиться и к этому весьма важному источнику.

Этнографы неоднократно отмечали наличность своеобразных денежных единиц у примитивных народов. *Рихард Андрее* в начале 80-х годов в своих «Этнографических параллелях» начал обобщать материал, намечая уже целые группы однородных денег (Steingeld, Muschelgeld, Zeuggeld, Eisengeld, Heiliges Geld) и пр.

Почти единовременно этому вопросу посвятил специальный сводный труд Франц Илвоф [2]), который пытался связать этнографические данные с экономическим обоснованием. Это направление завершают Оскар Ленц [3]) и Генрих Шурц [4]), дающие схемы общих обзоров эволюции.

Имеется ряд специальных работ, дающих описание первичных форм денег у отдельных народностей, находящихся на первых ступенях культурного развития. Так разработка истории денег стала делом не экономистов и юристов, а этнографов и археологов, дающих богатый фактический материал, т.-е. эмпирическое изучение вопроса. Это вполне соответствует тем общим воззрениям, которые господствуют в настоящее время в социальной науке. Обществоведение уже отказалось от рационалистического взгляда при выяснении истории учреждений, т.-е. давно отказа-

---

[1]) См. наприм. *М. Б. Никольский: Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи.* Древности Восточные. «Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического Общества», т. III, вып. 2, СПБ., 1908 г.

[2]) *Ilwof Franz:* Tauschhandel und Geldsurrogate. Грац. 1882 г.

[3]) *Lentz, Oscar:* Ueber Geld bei Naturvölkern в Virchow-Wattenbach'ском «Собрании общепонятных научных докладов», новая серия, том X-й, 1893 г., тетрадь 226-я.

[4]) *Schurtz, H.:* Grundriss einer Entstehungsgeschichte des Geldes. Веймар, 1898 г.

лось от мысли, что явления, наблюдаемые нами в социальной среде, представляют собою результат соглашения, изобретения или законодательного предписания. Эволюционная точка зрения является в настоящее время основной, на которой построена социальная наука, и наиболее последовательная научная точка зрения — марксистская — вся проникнута историзмом и пониманием важности эволюционного принципа.

Такого рода данные легли в основу излагаемой дальше общей картины развития первых денежных знаков и их систем. Всем своим содержанием эта картина вновь вполне подтверждает строгую научность исторического материализма и безошибочность того метода исследования, которые завещал современной науке один из лучших ее методологов — Карл Маркс [1]).

В своей статье «Примитивные деньги и их происхождение» («Народное Хозяйство» за 1900 г., кн. I, II и IV), а также в работе «Примитивно-торговое государство, как форма быта» (Петроград, 1914), я уже излагал содержание новейшей научной постановки вопроса о происхождении денег. Я поддерживал принцип *объективного и эволюционного* начала, считая ошибочным *субъективный* бсковский принцип «изобретения». Эволюционное начало особенно важно для исследования экономического прошлого древней Руси, дающей исключительную в своем роде картину быстрого развития денежных форм, от простейших до самых сложных.

В настоящей первой части нашего очерка излагается общая историко-сравнительная картина развития денежных систем у европейских народов, начиная от наиболее первичных и первобытных и кончая сложными формами современного цивилизованного общества. Так как деньги имеют более древнее происхождение, чем алфавит, то их история представляет собою важный исторический вид культурного развития и может служить предметом не только экономических занятий, но и работы по истории материальной культуры и генетической социологии.

---

[1]) Маркса, как методолога, знают очень немногие, тем более, что его *прямые* методологические указания появились и в печати только лет двадцать после его смерти, см. его: «Einleitung zur Kritik der Politischen Oekonomie».

Во второй части очерка излагаются результаты применения того же метода к данным, касающимся только России. Они подтверждают безошибочность подхода Маркса к проблеме о происхождении и развитии денег.

Желающим углубить свое изучение предмета, *помимо книг, указанных в тексте*, рекомендуется еще нижеследующая *литература*:

Отцом античной нумизматики был *Eckhels*: Doctrina numorum veterum. Вена. 1790.

Средневековье начал обстоятельно изучать *Ioachim Lelewel*· Numismatique du moyen âge. 1835.

Нумизматическую библиографию современности можно найти в следующих больших основных трудах:

1. *Lipsius.* Bibliotheca numaria, 1801. 2 тома.
2. *Leitzmann.* Bibliotheca numaria (книга с 1800—1866), 1867.
3. *Bohrfeld.* Numismatisches Literaturblatt, с 1880 г
4. *Engel-Surrure.* Traité de numismatique du moyen âge, с 1901, их же Répertuaire des sources imprimées etc. 3 т. 1887.

По античной нумизматике·

1 *Mionnet.* Description de medailles antiques, 1807. 15-томный труд.
2. *Barclay V. Head* Historia numorum, Оксфорд, 1887.
3. *Th. Mommsen.* Geschichte des römischen Münzwesen. 1860.
4. *Brandis.* Das Münz, Mass und Gewichtswesen in Vorderasien bis auf Alexander d. Gr. 1866.
5. *Lenormant.* La monnaie de l'antiquité, 1878 и след. 3 тома.
6. *Fr. Hultsch.* Griechische und römische Metrologie. 1886.
7. *H. Nissen.* Griech. und röm. Metrologie. 1892.
8. *Babelon.* Traité des monnaies grecques et romaines. 1901.
9. *Halke.* Handwörterbuch der Münzkunde. 1909.

Для изучения общих вопросов по изучению денег:

1. *Brendicke.* Einführung in die Münzkunde, Штутгардт, 1901.
2. *Dannenberg.* Grundzüge der Münzkunde. 1899.
3. *Halke.* Einleitung in das Studium der Numismatik, 1889.
4. *Sallet.* Münzen und Medaillen 1898.
5 *Babelon.* Notice sur la monnaie. 1898.
6. *Blanchet.* Nouveau manuel de la numismatique. 2 т. 1890.
7. *Engel et Serrure.* Numismatique. 4 т. 1891—1899.
8. *Ambrosoli.* Manuale de numismatica. 1895.
9. *Laue Poule.* Coins and medails. Лондон. 1892.
10. *Рыкачев, А. М.* Деньги и денежная власть.
11. *Трахтенберг, И. А.* Бумажные деньги. Москва (Московский рабочий). 1922 г. В этой единственной до сих пор научной книге, написанной марксистом по вопросу о деньгах, важна по нашему вопросу глава III — «История денег» (стр. 50—69).

ГЛАВА II.

Первобытный обмен и его развитие.

Принятое экономическою наукою понятие о так называемом «первобытном хозяйстве» получило со времени Карла Бюхера, предложившего свою упрощенную и неверную теорию эволюции, особое значение. По его теории вся история хозяйственного развития человечества — от седых времен древности до средневекового хозяйства — составила одну первоначальную эпоху. Конечно, как первоначальная ступень экономического развития, как первый этап последующей эволюции, это «первобытное хозяйство» сравнительно понятно и легко противополагается более сложным позднейшим хозяйственным формам. Но взятое как отдельная ступень эволюции, оно не может быть принято даже условно, так как объединяет слишком разнородные формы и охватывает чрезмерно продолжительный период времени; оно требует расчленения на ряд отдельных ступеней. В рубрику первобытного хозяйства оказываются сброшенными вместе и хозяйственный уклад античного мира, и быт германцев эпохи Тацита, и уклад ирокезов Моргана, и строй аборигенов Огненной Земли, и хозяйство древней Ассирии. Само собою понятно, что обобщать все это в одну группу «первобытного хозяйства» более, чем неверно.

Здесь необходимо прежде всего выделить весь античный мир, начиная с так называемого античного средневековья, и эпоху расцвета восточных деспотий. Затем и для оставшихся групп приходится разбираться в формах по степени их сложности. Действительно ли первобытное хозяйство чуждо обмена? Та ступень первобытного хозяйства, на которой появляется обмен и его орудие — деньги, представляет собою уже ступень сравнительно высокого экономического развития. Обитатель Неандертальской пещеры, люди «ледникового» периода, аборигены Австралии не знают ни обмена, ни денег. У них нет семейного уклада в нашем смысле слова, нет внутренней дифференциации. Семья, род, клан — это уже сложные институты, элементы более высокой культуры. Достигнув ее, уже достигают многого, но тем не менее

и здесь нет еще обмена, ибо все замыкается интересами своей хозяйственной ячейки. К соседним подобным же организациям существует только одно отношение, именно — *хищническое*. Товарообмена, торговли еще не может быть, так так царствующий внутри рода патриархальный быт с его работою на главу рода, на землевладельца, его домашних и подчиненных не знает употребления денег, да и не имеет в нем надобности. Этому нисколько не противоречит факт нахождения многочисленных чужих изделий на различных территориях с населением, чуждым друг другу. Они явились здесь продуктом того же хищничества. Например, у аборигенов Австралии можно и теперь констатировать отсутствие какой бы то ни было мены, вместо обмена господствует насилие. Все необходимое оружие и простейшая утварь изготовляются из диорита, имеющегося здесь в изобилии. Естественные богатства страны служат для удовлетворения остальных потребностей.

Меновые отношения возникают с появлением на арене двух важнейших исторических основ современной цивилизации: *личной свободы* и *движимого имущества*. Они появляются с момента миролюбивых сношений двух кланов, родов или племен между собою. Обмена внутри рода, семьи или клана не существовало: торговля начинается только с появления *чужого* товара из чужой страны.

Итак, внешняя торговля всегда предшествует внутренней. Позднее эволюционный процесс развивается и внутри страны, внося в нее разложение и, в свою очередь, способствуя дальнейшему развитию. Здесь отправными пунктами являются отношения, возникающие при наследовании, делении добычи, дарении и пр. Особенно важную роль внутри первобытной общины играл обычай гостеприимства и связанное с ним — дарение [1]). Дарение приводило к отдариванию, что постепенно переходило в прямой обмен. Такой обмен у многих народов еще долго сохранял свои генетические признаки. Отчетливое и полное развитие процесса

[1]) *Haberland, K.* Die Gastfreundschaft auf niederen Kulturstufen, в «Ausland'e» за 1878 г., стр. 282; *Mucke Joh. Richard*: Urgeschichte des Ackerbaues und der Viehzucht, Грейфсвальд, 1898 г., подчеркивает значение дарений и Карл Бюхер в своих «Четырех очерках из области народного хозяйства».

обмена наступает много позднее, с появлением рынков. Эта стадия развития обмена уже не может обходиться без своего основного орудия — без денег. Деньги, таким образом, раньше всего — орудие обмена, орудие обращения первобытных товаров; в первичной стадии — сами товары. Отсюда точный термин — *товаро-деньги.*

Развитие товаро-денег идет двумя путями: с одной стороны развиваются, так сказать, *внутренние* деньги, циркулирующие среди отдельного племени или на отдельном острове, с другой — *внешние*, служащие для внешнего товарообмена. Немецкий этнограф Генрих Шурц предложил называть первые Binnengeld, вторые — Aussengeld.

Когда появляются обе формы обмена, обмен вообще внутри племени еще очень слаб, вся хозяйственная деятельность сосредоточена на обмене с чужими. Поэтому-то у многих, даже сравнительно развитых народов — обмен между родственниками считается актом непристойным и по возможности заменяется дарением.

Внешняя торговля зарождается в верхах племени; она по своему типу — аристократична. Первоначально торговый товарообмен ведет только верховный глава рода, патриарх семьи, старейшина рода. Главным предметом обмена служит то, что впоследствии получило название предметов роскоши. Глава племени выменивает свое «богатство» на чужое. Вначале этот акт совершается от имени и в интересах всего племени. Позднее все имущество сородичей рассматривается просто, как личная собственность главы. Обогащение при обмене содействует заинтересованности в нем производящих этот важный хозяйственный акт.

Таким образом, торговля первоначально возникает между *чуждых* друг другу, а не в среде своих. Каждый с жадностью стремится достигнуть возможно большего, и первая же сделка устанавливает определенные отношения между меняемым.

Первичная и простейшая форма обмена это—«простая мена» «товара на товар», т.-е. тот процесс, о котором рассказывают бытописатели древних народов, путешественники в странах, населенных дикими народами, и то, что мы сами наблюдаем в дни хозяйственной разрухи, когда жизнь возвращается к своим перво-

бытным формам. Появляющийся атавизм обнажает давно, казалось бы, изжитый уклад далекого прошлого.

Мене вещи на вещь, товара на товар свойствен свой смысл, свое чувство меры, не всегда понятные современному человеку.

Привычный обмен принимает установившуюся форму. Все приравнивается к определенному виду товара. Этот обыкновенно чужой товар становится обычным мерилом, тем «меновым эквивалентом», который становится единственным критерием во всех жизненных случаях. Такой товар, — товаро-деньги, охотно принимается всеми членами одной и той же общины или же несколькими единоплеменными общинами, — это свой, излюбленный товар. Он же обычно теряет всякий смысл, переходя в руки другой группы общин, где имеется иной масштаб, иные потребности, а, следовательно, и другие способы их удовлетворения, т.-е. другими словами, где в употреблении и другие деньги.

Итак, условный предмет — посредник обмена, вернее, примитивнейшая форма денег у различных народов различна; она определяется местными хозяйственными условиями. Поэтому *все могло быть деньгами, так как все могло быть товаром.* На некоторых островах Тихого океана (Каролинских о-вах и Архипелаге Бисмарка) у каждого племени, часто даже в каждой деревне, в ходу совершенно особый вид денег. Известный сорт раковин, жемчуг, шерстяная ткань, на которые в месте одного ночлега путешественнику можно было все купить, на расстоянии дня пути утрачивают всякий смысл. Но, в общем, среди разнообразных предметов первобытного обмена, роль денег играют продукты окружающей природы, как напр., *зерна какао, каменная соль, раковины, кольца, бруски металла,* или предметы, сделанные с большим искусством, как напр. *треножники, котлы, медная проволока, железные лопаты, глиняная посуда, чашки* и проч.

Определенный хозяйственный предмет или предмет украшения, став измерителем остальных ценностей, играет роль как бы основной денежной единицы.

При этом большую роль играла одушевленность предмета. Если это был предмет *неодушевленный,* то он так и оставался *единственною* основною единицею, лишь бы из него можно

было легко и свободно составлять любые кратные величины, напр., соль, раковины, опиум. Если же предмет был *одушевленный*, то всегда брались *два*, напр., в древнем Риме бык и баран. в древней Ирландии бык (séd) и мешок с ячменем (miach).

Если таких предметов несколько, то появляется более сложная система — *система примитивных товаров-денег.* Обыкновенно одним из звеньев этой системы является металл, который постепенно вытесняет другие предметы. Но появление в обращении, в качестве денег, металла — является уже новою ступенью в эволюции денег. Металл в слитках, обручах, брусьях начинают *взвешивать* и *вес* вытесняет счет, — что является новым более точным понятием для оценок при платежах и меновых отношениях.

Исторический период европейской культуры уже застает взвешивание металлов. В древней Месопотамии за 4 тысячелетия до Р. Х. мы уже находим расценки и платежи исключительно серебром на вес. То же в античной Греции или древней Индии. То же позже в Великом Новгороде до 1420 года.

С появлением идеи веса, счет на штуку основной единицы сменяется взвешиванием, что уже приводит к чеканке определенных весовых единиц, т.-е. к *монете.*

Интересной иллюстрациею и подтверждением вышеизложенного хода развития представляет собою эволюция денежных систем в Китае.

Денежными единицами в древнем Китае были *топоры* и *раковины* [1]). Затем появился металл — бронза, которой при отливке придавали форму миниатюрных *ножей* и *мотыг.* Первые такие монеты из бронзы появились в VII — VIII в. до Р. Х., причем для удобства в этих монетах, как и в сменивших их позднее круглых бронзовых монетах делалось отверстие для нанизывания их на веревку. В IV веке до Р. Х. бронзу вытесняют благородные металлы. Золотые и серебряные слитки, оцениваемые на вес, держатся до появления европейцев, с проникновением которых в Китае появляется счетное разменное серебро

[1]) Проф. *А. И. Иванов.* Китай. Путеводитель по музею Антропологии и Этнографии Академии Наук. 1915, стр. 44.

и позднее чеканная полноценная монета (доллары). Но золото и поныне обращается только по весу, в виде листов и трубочек. Крупное серебро (1 цзинь = 16 лань = $1^1/_4$ фунта) тоже еще ходит по весу.

Первоначально деньги и товар тождественны, они — «синонимы». Типичное отличие денег от товара создавалось постепенно, выделяя первоначально известные категории товаров, легче подходившие к роли условных измерителей. Первыми деньгами были *всевозможные предметы движимой собственности* (res mancipi), т.-е. все отчуждаемые элементы первобытного хозяйства: — рабы, скот, орудия и оружие; иногда, впрочем, не все, а та их часть, которая (как напр., римский peculium) допускалась в личную собственность. Вторая группа предметов, ставшая вскоре предметами обмена, — *предметы внешней торговли*: соль, металлы, ткани, украшения. Среди последних вышел победителем более прочный, стойкий и красивый товар — металлы, а из них вскоре одни металлы благородные.

Так выясняется история происхождения денег. Первоначальною формою их были примитивные *товаро-деньги*, разнообразные по своему виду и формам. Эти деньги считались на штуку, т.-е. давали очень грубый способ измерения и оценки.

Первичное многообразие товаро-денег сокращается к нескольким более удобным формам, каковы, например, рабы, скот, раковины, домашние орудия, материи. Следующий этап развития — появление металлов. Они постепенно, но настойчиво вытесняют все остальные формы товаро-денег. Наконец, за металлом остается пальма первенства. Благородные металлы выступают ныне, как влиятельная группа, но уже работающая на новый лад. Металл взвешивают, а не считают. Это уже само по себе целый переворот. Теперь остается пройти последний этап — от куска клейменого металла до хорошо чеканенной полноценной монеты. Такова мировая схема развития. Это те вехи, по которым прошли в своем росте все страны мира.

ГЛАВА III.

Первобытные товаро-деньги и их виды.

Французский ученый Ленорман, разбирая средневековую нумизматику, справедливо заметил, что «деньги настолько необходимы в ежедневном обиходе, что даже самые крайние варвары всегда это чувствовали и спешили подражать культурным народам, вводя монеты» [1]). То же может быть сказано и относительно более ранних периодов человеческой истории, но здесь мы уже все чаще приходим к первоисточникам, к тем естественным условиям, которые только и возможны при первой инициативе в этом направлении. Совершенно понятно поэтому, что первобытные формы денег, *товаро-деньги*, необычайно разнообразны и находятся в зависимости от естественной обстановки и местных условий: у инков Мексики роль денег играли бобы какао и золото, у индейцев Северной Америки — кожи морской рыбы, у исландцев — треска, у самоедов — олени, у понгвесов в Африке — слоновая кость и слитки железа, у абиссинцев — каменная соль и сахар, в Центральной Америке — табак и хлопок, в Монголии — кирпичный чай, в Перу — куриные яйца, в Китае — опиум, у целого ряда диких племен — ткани (одеяла), на островах и побережьи Тихого океана — раковины различных видов, наконец, скот, куски меди и золота, ножи, ожерелья, утварь и т. д.

Но самая обыкновенная «условная величина» первобытного обмена внеевропейских стран — это человек: раб, пленный, родич; ту же роль в южной Европе начала цивилизации играла *штука скота — бык*.

При этом необходимо заметить, что измерителем в этой условной скале ценностей первоначально почти никогда не служил какой-либо один вид предметов. Обыкновенно главнейших денежных форм бывает несколько, преимущественно две: напр., рыба и олени, рыба и скот, скот и металл, меха и металлы, раковины и скальпы птиц, раковины и жемчуг и т. д. Но их могло быть и значительно больше, так как весьма часто у первобытных племен определенные обязательства улаживаются определенною же

[1]) *Lenormand.* Monnaies et médailles. Париж, 1865 г., стр. 203.

Библиотека

формою денег. Но иногда известная форма удерживается и в изменившихся условиях самого обмена и является своеобразным переживанием, приобретающим иногда обязательную и полурелигиозную форму. В иных же случаях такое переживание чисто-формальное, так сказать, лингвистическое. Новые формы, удерживая старые наименования, приобретают новое хозяйственное значение. Наиболее распространенною формою первобытных денег-товаров были: украшения, ткани, оружие, домашняя утварь, скот. В дальнейшем изложении приняты во внимание преимущественно те формы, которые являлись распространенными и в древней Европе.

В других частях света действовал несколько иной цикл денег-товаров. Так в Восточной Африке самые употребительные деньги— *материи*, *стеклянные изделия*, латунная и железная проволока. Во время путешествий Спека, Бертона, Беккера (по Африке) роль монеты исполняли различные материи, главным образом, — ввозные ткани merhani (американские), — простой сорт миткаля (kamki), синяя ткань; затем специальные ткани, «имеющие имя», как говорят негры... Мелкие стеклянные изделия, бусы, еще более употребительны, чем материи. Они очень разнообразны, их имеется не менее четырехсот образцов.

Рассмотрим каждый из европейских видов товаро-денег.

На первом месте необходимо поставить украшения, так как стремление к украшениям составляет один из наиболее сильных и примитивных инстинктов человечества. При этом необходимо отметить, что и первобытная торговля начинается не с предметов первой необходимости, а именно с украшений. На украшения шло все: металлы, бронза, золото, серебро, медь, железо, раковины, дерево, перья, кусочки стекла, фарфора, зубы и т. д.

1. Раковины и раковинная валюта.

Хитиновидный покров молюсков — *раковины* с древнейших времен служили простейшим и наиболее примитивным видом украшения и одною из первичных и наиболее распространенною формою денег. Многочисленные ожерелья, находимые в раскоп-

ках так же, как и шейные украшения современных дикарей, одинаково состоят из нитей с нанизанными на них ракушками одинакового типа. Так, например, обычный денежный знак у дикарей Соломоновых островов состоит из раковин величиной с пуговицу, хорошо обточенных и нанизанных на нитки длиною в сажень; они бывают белые и красные, смотря по сорту раковин и носят название «белых» и «красных» денег. Современная этнография знает целый ряд раковинных ожерелий, служащих у приморских и островных народов деньгами. Эти ожерелья носят разные названия: *чангос, каури, цимбис, бонгес* и т. д., судя по сорту раковин. Особенно давно и широко была распространена небольшая белая раковина, двух-трех сантиметров длиною, знаменитая денежная раковина cyrgaea moneta и сродная с нею cyrgaea annulus, известная под именем *каури*, по-английски cowrie-shell, понемецки Kauriemuschel. Это — разновидность так называемой «змеиной головки» или «ужовки». Одним из главных мест ее ловли являлся Индийский Океан, особенно в местностях около Малединских и Лакедивских о-вов. Отсюда каури через Индию, Цейлон, Сиам и Африку широко распространилась по всей северной половине земного шара. Каури находили в развалинах Ниневии, в русских курганах, в погребальных урнах северной Германии, в Швеции и Англии. Несколько тысячелетий эта раковина служила излюбленным видом денег у ряда народностей и настолько привилась в некоторых местностях, что желавшие там торговать должны были предварительно скупать эту раковинную валюту. В 19 столетии торговому люду цивилизованной Европы пришлось организовывать приобретение каури для ведения торговли с народцами Африки. Особенно были энергичны Лондон и Гамбург. В Индии в 80-х годах 19 столетия на один шиллинг давали до 4 тысяч штук каури. В середине 50-х годов того же века в Ливерпуль доставлялось до 300 тонн этой раковины ежегодно, чтобы затем израсходовать ее в африканской торговле. В начале 70-х годов Гамбургская фирма Годефруа при помощи каури импортировала пальмовое масло. Ежегодно отправлялось в Занзибар несколько судов за грузом каури, затем каури выменивались на западно-африканском берегу на нужное высококачественное растительное масло. Эта предварительная покупка

нужного для мест обмена товара теперь так понятна и так знакома русскому обывателю, стремящемуся угадать вкусы и желания наших отечественных туземцев.

Каури измерялись количеством, нитями, в виду их одинаковости. Устанавливалась особая раковинная система. На западном берегу Африки нитка с 40 нанизанными каури составляет единицу меры — «шнур».

50 «шнуров» составляют «голову» (2.000 штук каури),
10 «голов» » «мешок» (20.000 шт. каури),
3 «головы» стоят один доллар.

За старую женщину платили один «мешок», за молодую — от 3-х до 5 «мешков». Это цены сравнительно высокие, ибо по этому расчету на доллар давалось не более 6 тыс. раковин. В других местах на ту же сумму давали вдвое больше раковин. Но в Судане, напр., на доллар давали не более 2 т. штук.

На о. Цейлоне в 60-х годах одна тонна каури обходилась в 70 фунтов стерлингов. В 1868 — 1870 г.г. через порт Лагос (западная Африка) было ввезено свыше $8^1/_2$ тыс. тонн каури.

Каури распространены в виде украшений в Индии, в России, в Германии. Здесь, именно в Саксонии, каури украшают уздечки гусарских коней, пояса у мясников. В Индии этою раковиною украшают сбрую лошадей и слонов. Сравнительно недавно каури были в большом ходу по верхнему течению Нила и по окраинам Сахары, но теперь вытеснены бумажною тканью, талерами Марии Терезии и разными бусами, массами импортируемыми из Англии.

Другая распространенная раковина, тоже известная и у древних и современных первобытных народов, — *бонгес* или «фарфоровая» раковина. Лайярд нашел ее среди древностей Мессопотамии, а знаменитый путешественник XII века Марко Поло нашел ее в употреблении на дальнем Востоке.

Из книги Ja King видно, что раковины каури лежали в основании древнейшей денежной системы Китая. Ужовка, бывшая в ходу и в Индии, где ее считали по 5.000 на рупию, встречалась археологами и в различных местностях России. В настоящее время эти же раковины служат украшением первобытных

народов Америки, Африки и островов Тихого океана, а также некоторых инородцев, живущих в пределах нашего отечества. Судя по коллекциям русских музеев, ожерелья из раковины ужовки носят чуваши, мордва и ижоры. Употребление таких ожерелий у чувашей было отмечено на выставке VIII археологического съезда (коллекция музея Казанского университета). Московский Дашковский Этнографический музей и на манекенах и в своем описании (стр. 32 и 34) дает прямые указания на ношение ужовки мордвою и ижорою.

Раковины ужовки овальной формы и отделываются для употребления в качестве денег сравнительно мало. Другие раковины подвергаются с этой целью большей обработке, доходящей иногда до большой затраты труда, а отсюда ценимы уже по времени их обработки. Красные, белые и черные раковины, служащие для денежных целей, шлифуются, просверливаются и обтачиваются в плоские кружки или в длинные, цилиндрической формы, бусы. Нанизанные на подобие стекляруса бусы составляют не только деньги, но также и украшения и условные знаки при передаче известий.

Во всей *Меланезии* роль ужовки играет «diwara», грубо отшлифованные раковины видов Nassa и Capidula [1]). Их нанизывают на ротанг, связка определенной длины имеет установленную ценность. Здесь же известны *фальшивые* раковинные деньги, — это необточенные или полуобточенные раковины, которыми играют дети или которые изготовляют для продажи иностранцам.

В *Микронезии* — роль денег играет раковина *Spodulus*, из которой шлифуют тонкие розовые пластинки, просверленные в центре [2]).

Нанизанные раковины цилиндрической формы и нашитые на кожаный пояс носят название «вампум» (wampum, wampon) и составляют почетное украшение, племенное сокровище и гордость. Вампум — знак власти вождя, служивший при переговорах символом объявления войны или заключения мира.

---

[1]) *Е. Л. Петри. Океания.* Путеводитель по музею антропологии и этнографии. 1915, стр. 15.

[2]) Там же, стр. 16.

На вампуме раковины каури располагались в виде узора или грубого изображения птиц и зверей.

Сохранился первый «вампум», который узнали европейцы (Champlen) при первом посещении Канады и страны ирокезов, размером 2″ × 41″. Сохранилось еще несколько исторических поясов. Один, 1784 года, сделанный по случаю заключения трактата между американским правительством и шестью нациями. Его размер $5^1/_2$″ × 72″. Больших размеров (10,5″ × 25″) знаменитый «Wampumbelt» ирокезов, описанный в песне о Гайавате и ему приписываемый. Его изображение дает проф. Л. Лафлин в своем сочинении «Основы денег» (L. Laughlin. The principles of money, 1903, стр. 12).

Вампумы были распространены на востоке северной Америки, в штатах, тяготеющих к Нью-Йорку и Бостону.

В первые дни колонизации Северной Америки эти связки раковин или вампумы служили деньгами также и среди белых. Худшие и низшие сорта вампума выделывались также из камня, стекла, кости, рога и даже дерева, т.-е. были как бы суррогатами раковинных денег. Американское правительство делало попытки урегулировать ценность вампума, но последняя постоянно падала. Так шло до 1641 года, когда вампум был объявлен легальным средством обмена в штате Массачузетс. Согласно постановлению 1641 г. вампумы считались разменной монетой и должны были быть принимаемы на сумму не свыше 40 долларов. Года два спустя то же произошло с вампумами в других колониях Новой Англии. В штате Нью-Йорк раковинные деньги продержались почему-то дольше. Официальная регламентация вампума относится здесь к 1693 году.

Голм сообщает относительно тех же денег у племени Делаваров из Нового Джерсея: «В торговле они ценят эти нитки (vampum) по их длине». Каждый фут равняется по ценности пяти голландским гульденам, считая 4 ракушки за каждый штивер. «Коричневые раковины ценятся больше других; белая ракушка равняется по ценности медной деньге, но коричневая равняется по ценности серебряной... Белая раковина стоила один штивер, а черная — два. Их способ мерить нитку — по большому пальцу, от конца ногтя и до конца сустава укладывается шесть раковин».

В настоящее время вампумы вышли из употребления в качестве денег и служат и у индейцев только украшением. Любопытно, что в свое время европейцы пытались подделывать эти деньги, но тщетно, так как индейцы немедленно обнаруживали фальсификацию.

Более консервативною оказалась западная окраина Северной Америки, где индейские племена начали понемногу европеизироваться только в конце XIX века.

Здесь по всему тихоокеанскому побережью между юго-востоком Аляски и Калифорниею денежной единицей служили раковины «*хайква*» или «*денталии*» (Dentalium-Shell, вернее — dentalium preciosum). Они имеют вид продолговатого конуса или небольшого рога и слегка согнуты серпом в одну сторону [1]), нечто вроде миниатюрного слонового клыка. О племенах Калифорнии Пауэр говорит следующим образом: «Вместо денег здесь пользуются *красными скальпами*, так называемого, зеленого дятла, которые ценятся от $2^1/_2$ до 5 долларов за штуку, [2]) и *раковиной денталия*, у которой пробсверливают край и нанизывают на нитки; самые короткие экземпляры стоют 25 центов, а самые длинные около двух долларов, при чем цены быстро возрастают вместе с длиною раковины».

Связки раковин денталии делаются обыкновенно длиною в человеческую руку. Такая связка носит название: al-li-ko-chik'a, что на языке племени Ярок значит буквально — *индейская монета*. Это название в употреблении на громадном пространстве тихоокеанского побережья, хотя племена, здесь живущие, говорят на совершенно различных языках.

От Северной Калифорнии до арктических стран береговые племена собирали эти раковины, полировали их и, нанизывая на нитки, употребляли в качестве денег, циркулировавших здесь

---

[1]) *Powers*: Tribes of California, стр. 21.

[2]) «Головка» красноперого дятла, собственно череп птички, в виду ее редкости оценивался в пять долларов. Такое же чисто символическое значение имели черепа буйволов, оленей, тигров и обезьян у племени Мишми, в Ассаме. У начальников их можно видеть сотнями и по количеству «голов» измеряется богатство; на эти черепа можно приобрести ножи, украшения, рабов.

при торговом обмене, подобно вампуму на восточном побережьи. Имелись известные правила, касающиеся величины и размера раковинных денег. Эти правила определяли ценность до и после нанизывания. Эта система, «аликошик», как ее называли туземцы Калифорнии, оказалась настолько остроумна, что и белые промышленники усвоили ее как деньги.

Нитки денталиума служат также украшением, это — ожерелья, одеваемые обоими полами на шею и в волосы. Ими отделывают также одежду, сбрую, оружие. Иногда нить вдевали в ноздри. В настоящее время денталиум сохранился как пережиток и только старики сохраняют его, и то скорее как символ. Ценность раковин определяется в Калифорнии по суставам левой руки, что блестяще подтверждают данные ассирийской метрологии. Длиннейшие из известных теперь раковин были около $2^1/_2$ вершков длины. Некоторые из них достигали от складки последнего сустава мизинца до складки по ладони против большого пальца, ценность каждой раковины в то время равнялась 5 долларам. Раковины этой длины назывались «денкет». Следующие по размеру назывались niketukûtcoi и были около $2^3/_8$ вершка. Они стоили около $1^1/_2$ доллара каждая. Раковина около $1^1/_8$ вершка называлась tewolahit. Ее ценность равнялась 25 — 50 американским центам. Раковины, меньшие по размеру, не считались деньгами и не имели украшений.

Длина раковин меньше, чем обозначенная первая, была определяема по складкам среднего и других пальцев левой руки. Такие раковины нанизывались на нитки длиной от ногтя большого пальца и до плеча. Одиннадцать раковин наибольшого размера заполняли эту длину и потому назывались moanala. Двенадцать раковин следующего размера составляли такую же нитку и назывались moananat.

13 раковин, называвшихся moanatak, и 14 наименьших, называвшихся moanadink, было наибольшее количество составлявших нитку. Эти нитки были приблизительно 25 вершков длины. В виду того, что не все руки одинаковой длины, стало необходимым для каждого человека, достигшего совершеннолетия, установить ценность складок на его руке «по деньгам» определенной длины. Для этого служил ряд линий, развитых на левой руке. Эти линии показывали длину 5 раковин различной ценности. Линии были

подразделены на синие для moanala длинной и красные для moanala короткой и т. д. Это был главный способ оценки денег. Первые пять раковин нитки измерялись прикладыванием колец первой раковины у ногтя.

Раковина riakba циркулирует в качестве денег на громадном побережьи Тихого океана, от Калифорнии до Аляски, она обращается в перемежку с раковинными деньгами из Oliva biplicata или Colcol, но некоторые другие раковины играют также роль денег. В южной Калифорнии встречаются также в роли денег и украшений внутренние средние части раковин: Fulgur carica, Sycotypus canalicata и Saxidomus auratus [1]). У индейцев близ озера Кунти, в Калифорнии употребляется Saxidomus auratus, обработанный в пластинку трением камня и нанизанный по 80 штук, что являлось монетною единицею равною одному доллару; у индейцев Сономы (Sonoma County) с тою же целью служил Saxidomus gracilis [2]). На островах южной части Тихого Океана ту же роль исполняют раковины Littarina obesa и Nerita polita.

Тот же обычай существует и в Бенгале. Раковины земноводного моллюска (Achatina monetaria) режутся на круглые пластинки с отверстием в центре, нанизываются на бичевку и служат монетным типом в торговле и при уплате податей. Из них же делается головной убор, называемый Quirandas de dongo, служащий украшением обоего пола. В известных обитаемых доисторических пещерах (как Aurignac, Baillargnes и пр.) собраны были обломки раковины Cardium edula, с отверстием посредине, имевшие повидимому то же назначение, что и северо-американский вампум из Venus mercenarium. Употребление раковин в роли денег необходимо признать и широко распространенным и очень древним явлением. De Cessac нашел в курганах и гробницах отдаленнейших эпох украшение и изделие аналогичного типа из раковин очень ценных видов, как Cyrgaea Spadicola, Caurillaria Cooperi, Troduscus Norrisci и др. [3]).

---

[1]) *George W. Tryon:* Structural and systematic Conchology. Филадельфия, 1882 г., стр. 149.

[2]) *G. Brown - Coode* The fisheries and fishery industries of United States. Вашингтон, 1884, стр. 696 и 708.

[3]) Об них подробнее *Paul Fischer*: Manuel de Conchyliologie ou histoire naturelle des Mollusques vivants et fossiles. Париж, 1887, стр. 114.

Раковинная валюта имела соотношение с валютами *меховою* и металлическою *монетною*. Перевод «по курсу» с валюты на валюту был не сложен. Одно из племен Британской Колумбии приравнивало большую связку раковинных нитей в 7 футов, имевшую особое наименование (naki-lik), 24 бобровым шкурам. Другое племя (Микок) ценило один ярд нитей в 5 долларов, а их соседи (Иокущ) небольшую раковинную нить, мерою от конца среднего пальца до локтя, в 25 центов.

Мне рассказывали на западе Канады, где я был проездом в 1908 году, что в старину хорошие нити «аликошика» ценились очень высоко. Появление их в обращении в большом количестве вызвало понижение цен на нити и удорожание товаров. «Аликошик» теперь почти что исчезла из обращения. Ее по прежнему ценят только старики-индейцы.

В Калифорнии, у племени Памо, распространены круглые раковинные деньги двух сортов: большие в сантиметр и малые— с горошину. Оба сорта — белые, из раковин Saxidomus auratus и saxidomus gracilis. В Калифорнии употреблялись также мелкие раковины Olivella («коль-коль»), а также полоски, вырезанные из больших красивых раковин Haliotis.

У племени чинуков денежною единицею служила раковина *riakba* или Hay-a-qua, у некоторых прибрежных колумбийцев (Британской Колумбии) — длинная белая раковина с мыса Флеттера.

Близко к раковинам подходят *бусы*, играющие у некоторых племен роль денег. У племени анду (Африка) в ходу бусы из раковин, стекла, кусков эмали; в центральной Африке, в Кавелэ, — бусы «софи», это—«нечто напоминающее по своему внешнему виду маленькие кусочки лимонного чубука». К базару приносят целые мешки бус, они идут в обмен на другие товары у людей, пришедших за покупками; когда же торг кончается, владельцы бус, принесшие их на базар, получают их обратно от рыночных торговцев, и зарабатывают на обеих сделках, как менялы.

2. Ткани.

Ткани, в виде кусков определенного размера, одеяла и пр., также составляли и составляют одну из форм примитивных денег. В настоящее время в Африке, Америке и в Австралии дикие

племена охотно пользуются тканями, как измерителями ценностей. Наш экономист Н. Зибер в своих «Очерках первобытного хозяйства» приводит ряд интересных рассказов различных путешественников по этим странам, где типично иллюстрируются функции тканей в роли денег. Ряд примеров собран Спенсером во II томе его «Основ Социологии», Летурно в его «Эволюции торговли» и встречается у многих путешественников по Африке и Азии, между прочим, у Пржевальского. В отношении тканей особенно типична Африка: в одной из ее стран (в Уганде) *небеленый коленкор* является и главным предметом торга и измерителем ценностей.

Единицею служит мера «локоть», т.-е. длина руки от конца локтя до большого пальца. На островах Самоа той же цели служили особая материя из растительных волокон «тапа» (tapa), при чем, — что весьма странно, — особенно ценятся куски старой, закопченной. То же на Новых Гебридах, где роль денег исполняют *цыновки*, которые тем ценнее, чем они старее и закопченнее. В Азии (у Хилкасов и в Тибете) *шарфы* считаются самою ценною собственностью и составляют род денежных знаков. В Китае около 1100 года циркулировала *Чин-Чу*,—куски шелковой материи в два фута и 2 дюйма ширины и 40 футов длины, принимавшиеся за единицу. У нас в древней Руси ткани также имели строго определенную стоимость и ходили в качестве денег. Это, так назыв., *паволоки*, имевшие всегда определенную длину и ценность. Существует рассказ, что в древней Руси 2 паволоки равнялись 1 рабу или 20 золотым солидам, т.-е. одна паволока равнялась 10 золотым солидам (1 солид = русскому золотнику). Паволоки, как ткани драгоценные, ходили и в древней Руси и в Византии наравне с золотом и серебром, с которыми они упоминаются всегда вместе («злато, серебро и паволоки», aurum, argentum et pallia) во всех древних памятниках. Паволоками вносили дань, оплачивались военные издержки, выкупались пленные и т. д. Разбирая статью мирного договора 945 года русских с греками, где установлено платить, как и прежде, две паволоки за раба, *Круг* [1]) говорит, что «из сего видно, что паволоки, о которых здесь

[1]) *Круг, Ф.:* Критические розыскания о древних русских монетах, изданные Имп. Акад. Наук. СПБ., 1807 г., стр. 115.

говорится, должны были быть куски тканья известной длины и доброты, которых цена была установлена и почти не изменялась, посредством которых определялась цена и другим вещам, как это делается еще в других землях». Круг приводит в пример распоряжение норвежского короля Гаральда Гардраде, который, отправляя в Исландию четыре корабля муки, приказал, чтобы «шиффунт муки» продавать «по 100 кусков материи, а не дороже». В Крыму оценка на материи существовала еще в XIII веке. Так, по свидетельству Рубруквиса, воз соли, запряженный двумя лошадьми, стоил два куска определенной ткани. «Славянская хроника» Гельмгольда передает такие известия, что у жителей острова Рюгена *куски холста* служили деньгами [1]). У жителей южной Сибири по китайской границе до недавнего времени было в обычае вести счет на куски «*китайки*», штуки китайского шелка.

3. Домашняя утварь.

Домашняя утварь не раз фигурировала в числе предметов, игравших роль первобытных денег. Появление домашней утвари в качестве денежных знаков несомненно вытекало из признаков богатства при натуральном хозяйстве — количества людей, которых может накормить хозяин дома. Такая оценка богатства была обычною в средние века. Знаменитый «делатель королей» граф Варвик хвалился тем, что в его замках ежедневно садится за стол 30 тыс. человек.

То же явление можно наблюдать и у первобытных племен Полинезии, где денежными знаками являлись *заступы*. В Кордофане (Африка) в качестве денег обращаются *топоры*, на о. Цейлоне и Малединских о-вах — *рыболовные* крючки; последние играют роль денег на всем побережье Индийского океана от о. Цейлона до Персидского залива, где Лари является как бы родиною их. Так по крайней мере Риджвей объясняет их название *ларина*. Ларины делаются также из серебра определенного веса.

---

[1]) «Nec est in comparandis rebus consuetudo numorum sed quidquid in foro mercari volueris *panno lineo comparabis*». *Гельмгольд:* Chronica Slav., кн. I, глава 35).

Из домашних орудий играли и играют роль денег *мотыги*. Они входят в целую систему товаро-денег в Сиаме. Так 30 стрел стоят одну мотыгу, щит — горшок и 3 мотыги.

Наиболее обстоятельные сведения о домашней утвари в качестве денег сохранились из античной Греции. Здесь обращались, судя по данным Илиады (п. XXIII, стих 851) — топоры, котлы, треножники и мотыги. Они находились в определенном соотношении между собою, на них оценивались лошади и рабы и ими платились подати и штрафы Стоимость взрослого раба приравнивалась 6 металлическим котлам. Один котел считался равным по стоимости семи глиняным горшкам, емкостью в 15 метров каждый. Ценность посуды определялась вместимостью, о чем в Илиаде, — п. XXIII, стихи от 264 по 268 — имеются точные указания. Один горшок состоял из «muck», какой-то неизвестной и невыясненной до сих пор величины (может быть «связки»?), а каждый «muck» равнялся 10 «mats», т. е. 10 ручных мотыг для обработки почвы.

В 1886 году, при раскопках на острове Крите, где сохранилась пра-эллинская культура, были найдены таблицы законов древней Гортины или Гурнии, где штрафы предписывается взимать котлами (λέβητες) и треножниками (τρείποδες). Как всегда бывает, монеты явились символами, сохранившими древние отношения. На Критских монетах выбивались эмблемы, напоминающие котлы и треножники. Правда, монеты с ясным изображением котла нет, на монете изображен какой-то неопределенный круглый предмет, который нумизмат Своронос, исследователь монет о. Крита, принимает за «лебэтос». Но до нашего времени дошла Критская дидрахма города Кносса, на которой ясно вычеканен штемпель с изображением треножника.

4. Меха и шкуры.

У народов, населяющих лесистые и горные местности, денежною единицею служат *шкуры* убитых животных, особенно их пушистый *мех*. Меховые ценности или, как их у нас называют, *«кожаные деньги»*, являлись орудием обмена и в древнем Карфагене, и в древней Руси, и у современных диких народов крайнего Севера. У наших соседей скандинавов в древнее время мехами платился

налагаемый судами штраф; за оскорбление словами давали в казну — *лисью* шкуру, за удар — *куницу*, за нанесение раны— *соболь*. Киргизы считают ценности на *волчьи* и *овечьи* шкуры.

В замечательном словаре, посвященном описанию «американдов» (туземцев Северной Америки), есть сведения, что обычной ценностью были меха, главным образом *мех бобра*. Даже по Атлантическому побережью меха употреблялись с ранних времен наряду с «вампумом».

Еще в 1613 году меха были основой торговли между французами и индейцами. В 1670 году, — это наиболее раннее известие, — мех бобра стоил: пакет табака, четверть фунта пороху, шесть ножей или известное количество мелких синих бус. Мех бобра являлся ценностью у большинства племен крайнего Севера Америки. Две хороших связки мехов от 10 до 12 выдр и 4 — 5 кож диких кошек приравнивались одному бобру. На востоке мех бобра, как денежная единица, был оставлен тотчас по появлении белого человека, но в богатых мехом местностях северной Канады меха сохранились в качестве основной ценности обмена сперва между французами и индейцами, потом англичанами и индейцами [1]). Перед мировою войною, когда я был в Торонто, — на севере Канады все ценилось на бобровый мех, стоящий в среднем около 50 долларов за штуку.

Следы употребления мехов вместо денег сохранились у сибирских вогулов, у которых «белка» значит «копейка» а «сто белок» — один рубль. В XVIII веке на Фарерских островах счет денег велся на «skihs», т.-е. *бараньи шкурки*, при чем одна шкурка считалась равною 4 датским шиллингам, хотя, в действительности, счет на шкурки и обмен на них не производился.

Из других предметов природы и потребления, обращавшихся среди народов в качестве денег, необходимо упомянуть *рыбу* (в Исландии — *треска*, 2 фунта трески — единица веса), *соль* (Китай, Сахара, Абиссиния, — в плитках и брусках от $^1/_2$ до 1 ф. веса), *чай* (в Монголии), *перец* (Перу, Боливия), *рис* (Филиппины) и др.

---

[1]) Handbook of American Indians, Вашингтон, т. I, 1907, стр. 447.

5. Скот.

У всех кочевых и варварских народов орудием обмена издавна служил *скот*. Количеством штук скота измерялось богатство; «человек, не имеющий скота» — обозначал нищего, (по английски «impecunious» — «бесскотный» — бедняк). В качестве денежной единицы — шел не только рогатый скот, но и верблюды, лошади, овцы. Латинское название денег «pecunia» происходит от слова pecus, скот. Русское «товар» от соответствующего слова, обозначающаго «скот».

Об употреблении в древней Руси скота, как единицы денежной меры, будет подробно сказано во второй части нашей книжки, посвященной истории развития денежных систем в древней Руси. В общем, наличность денег-скота в древней Руси можно только установить, не более. Иное дело — древняя Греция, где в поэмах Гомера (VIII век) денежною единицею являлась штука скота — бык или корова, равные по ценности одному таланту золота.

Вообще все страны, прилегавшие к Средиземному морю, знали в ту эпоху одну общую устойчивую валюту: бык — талант, что тогда было равно одному вавилонскому шекелу, или двум аттическим драхмам, или весовому золоту в 130 грам.

Позднее, в эпоху Солона, ценность быка повышается, хотя он и продолжает еще служить денежною единицею. По законам Солона, устанавливается новое соотношение между ценностью скота и металлических денег. Штраф в одного быка приравнивается уже 5 драхмам, в одного барана — 1 драхме. Первоначальная идентичность быка и гомеровского таланта очень важна, так как она объясняет происхождение наиболее раннего металлического единства веса древней Греции.

В древней Германии можно до 10 века проследить «коровьи деньги» — *kùgildi*, включенные в штрафную систему Рипуарской Правды [1]).

---

[1]) О деньгах-скоте имеется ряд сочинений, лучшие из них *Ilwof*, F.: Tauschhandel und Geldsurrogate in alter und neuer Zeit. Грац, 1882. *Haupt*, Histoire monetaire de notre temps, Париж, 1886. *Seebom*, *F.* Tribal custom in the Anglo-Saxon law. Лондон. 1902. *Ebengreuth.* Allgemeine Munzkunde und Geldgeschichte. Мюнхен, 1904.

Та же система измерения наблюдается и у современых примитивных народов. Так, у зулусов (юго-восток Африки) роль денег играет (помимо рабов) домашний скот. У путешественника Ливингстона, искавшего Стенли, зулусы спрашивали, сколько коров у королевы английской, желая тем определить ее состояние. То же явление наблюдалось и у древних ирландцев, у римлян и у самоедов нашего севера. Гакстгаузен передает, что осетины Северного Кавказа в его время вели весь свой счет на коровы, приравнивавшихся каждая к 5 рублям. Остатки этой системы сохранились, как то будет видно из дальнейшего, и в древне-русских памятниках. Этим сохранением мы обязаны, так называемому, закону переживания имен, состоящему в том, что каждая новая денежная система еще надолго удерживает прежние наименования [1]). Поэтому у ряда народов более поздние деньги называются «скот». По-*древне-еврейски* и скот и деньги — называются одинаково: kesseph; тоже в древней *Франции* — scet; по-*санскритски* оба названия — rura и rupia; по-*зендски* — pasu; по-*латыни* — pecus и pecunia, по-*гречески* оба κτῆνος. В древне-*германских* наречиях имеются два слова, обозначающие и скот и богатство (деньги), одно это — готское — faihu, англо-саксонское — feoh (откуда английское — fee), голландское — vee, древне-скандинавское — fe, немецкое — Vieh; другое: готское — skatts (тоже: животные, казна, сокровище, подать), древне-скандинавское — skattr, современное немецкое слово Schatz — сокровище, имущество, скот; по-древне-польски — scotus, skotec (24-я часть гривны или 2 гроша). То же переживание имен имело место, как мы подробнее увидим ниже, в древне-русском быте, и русское «*скот*», вероятно, заимствованное с германского, служило древнейшим наименованием денег, а старейшая монета называлась «*скотец*», о чем подробнее в моей работе «Примитивно-торговое государство», Петроград, 1914, стр. 52 и след.

[1]) Имена денежных единиц остаются еще долго после того, как они сами вышли из действительного употребления, как мы это замечаем в таких обыкновенных (английских) выражениях: «биться об заклад на гинею» или «стоит грот» (groat — старинная монета в 4 пенса), хотя монет этих уже нет в обращении. То же наблюдается во Франции (су) и в Германии (талер). В русском языке алтын (в слове пяти-алтынный), «нет ни алтына» и гривенник (гривенка) — такие же продукты переживания имен.

6. Рабы.

Человек еще в доисторическое время служил предметом торговли, товаром. С момента появления рабства, как системы, начинают покупать и продавать живого человека, раба. Работорговля вскоре становится наиболее выгодным промыслом, так как этот товар всегда был в спросе. Сделки на древних невольничьих рынках были источником обогащения работорговцев. Поэтому в ряде случаев «эпохи первоначального накопления» раб являлся основною денежною единицею, к которой приравнивались все остальные стоимости при рабовладельческом хозяйстве. Выше всего ценились здоровые, сильные, молодые мужчины, в античном мире — рабы - специалисты отдельных профессий и рабы образованные,—книжники, философы. Рабыни ценились по их физической красоте и молодости. В древней Руси ценились кощей (челядин, холоп) и чага — рабыня. Рабы приравнивались по ценности в определенном соотношении к другим видам товаров-денег. У Гомера, напр., стоимость рабыни равна стоимости четырех быков, по древне-ирландскому законодательству — одна женщина — трем коровам.

Перечисленные здесь виды товаров-денег не исчерпали всего бесконечного разнообразия первобытных денег, игравших важную роль в натуральном хозяйстве человека. Культурное развитие на этой ранней ступени цивилизации не остановилось. Усложнение жизни вызвало и усложнение отношений и установление взаимоотношений между разного рода скалами товаро-денег. Постепенно сложились целые системы товаро-денег, связанные с определенною формою местного хозяйственного уклада и включавшие в свою основу *две* или *несколько* основных единиц.

ГЛАВА IV.

Системы товаро-денег.

При «системе» товаро-денег какой-нибудь один важный вид менового товара, наприм., скот (бык, корова), играл роль основной единицы, животные разного возраста — частей этой единицы.

К ним приравнивались части другой скалы другой единицы, например, металлической. В итоге создается целая сеть, целый «переплет», несомненно, облегчавший торговые сделки. Устанавливалось соотношение самых разнообразных ценностей данного хозяйства. Товарный тариф являлся поэтому одинаковым и при сделках купли-продажи, и при богослужении, и в суде. Жрецу платили сообразно системе денег-товаров; с нею же сообразовались и при наложении наказания. Особенно интересны в этом отношении тарифы Зенд-Авесты, где плата врачу, сообразно достоинству пациента, расположена по ступеням системы товаров-денег. То же и в законах Уэльса и Ирландии: судебное взыскание, Boroimhe, у кельтов буквально значит «*коровья такса*». В Исландии между 1415 и 1426 годами была издана особая такса, переводившая цены всех предметов на количество штук *трески*,—основной монеты острова для расчетов между европейцами.

Многих исчезнувших систем мы не знаем. Так, наприм., на Каролинских островах роль денег играли *жерновоподобные камни*, достигавшие иногда непонятно громадных размеров. В музее в Гонолулу я видел такой камень размерами до полутора аршин в диаметре.

На Пемвских островах вместо денег обращались бусы «киду» разной формы из стекла, эмали и камня; на архипелаге Фиджи— связки *зубов акулы;* в древнем Китае — куски высоко ценившейся полированной *черепахи;* на о. Мадагаскаре, у ряда племен Вест-Индии, восточной Африки и северной Австралии — *кораллы;* у племени Митма, в Ассане, роль денег играют *черепа буйволов, оленей, тигров и обезьян.* Янтарь и слоновые клыки, железные цепы и семена растений, хлебные злаки и ткани — также разновидности примитивных денег.

Таковы семена растений Coix lacrima в Новой Гвинее, *клювы попугаев* в Аляске, *оливковое масло* в Леванти, *кокосовые бобы* в Центральной Америке, *миндаль* в Южной Европе, *табак* в Боливии, *рис* на Филиппинских островах, *финики* в африканканском оазисе Сива, *куски кристаллов бензойной смолы и пчелиного воска* на о. Суматра, *красные и желтые перья* в древности на Гавайских островах.

Перья красных попугаев служат деньгами на о. Санта-Круц; перышки, растущие около глаз курицы — на Банковых островах, а красные волосы под ухом лисицы — на островах Лойяльти, на Тихом Океане [1]).

Это перечисление было бы не полно, если бы не вспомнили о *деревянных талантах* в древней Антиохии, о *железных гвоздях* шотландских деревень, о *голубых листах и зеленом чае* Монголии, о *соли* в средневековом Марокко и в современной Абиссинии.

Если основных единиц товаро-денег было у одного и того же народа несколько, то устанавливались известные соотношения. Во времена денег-скота другой излюбленной формой у народов кочевых и пастушеских всегда служил и человек: «монетою» являлся не один только скот, но и рабы. Поэтому и в скалу ценностей входили в перемежку рыбы и домашние животные, и другие ценности, между стоимостью которых были строго определенные отношения.

Так, в древней Ирландии параллельно употреблялись две монетные единицы: главная — бык, séd, и вспомогательная miach, мешок с ячменем. Так как рабовладение, согласно исследованиям Моргана, Спенсера, Гроссе, Феликса и Людвига Штейнов, возникло несколько позже скотоводства (ибо только с развитием последнего возникла необходимость в большем количестве рук), то и появление второй ценности в примитивной скале было явлением, несомненно, более поздним. А когда уже производились набеги с целью превращения побежденных в пленных, т.-е. захват не для съедения, а для приобретения слуг, без которых, по словам Трейчке, не могла развиваться культура,— начал появляться в обращении и металл. С появлением металлического обращения металлы вытесняют другие, менее удобные товаро-деньги. Медленно и постепенно устанавливается двойственная система товаров, старых товаро-денег и нового металла, в определенных взаимоотношениях. Отсюда в истории ряд случаев как бы параллельного существования двух систем: старых

---

[1]) *Е. Л. Петри: Океания.* Путеводитель по музею антропологии и этнографии Импер. Академии Наук. Петроград, 1915, стр. 16.

денег (товаров) и новых (металлических), более высшего типа. Последние постепенно вытесняли первые, сохраняя лишь старые, утратившие уже смысл, наименования, — эти бесспорные в данном случае указания на их *генезис*. Помимо указанной причины такое взаимоотношение могло возникнуть и тогда, когда более культурные соседи заносили свою высшую систему к народу, довольствовавшемуся собственною более примитивною формою денег. Не говоря уже о, так сказать, повседневном наблюдении этнографии, устанавливающей первоначальные соотношения между европейскими деньгами и туземными деньгами местных народов и постепенное вытеснение последних первыми, можно указать и на ряд примеров из европейской истории. Так, древнее кельтско-ирландское хозяйство во времена Цезаря подверглось влиянию римской системы, и создалась двойная система товаров-денег. С одной стороны имелась своя бытовая «монета», ценность — взрослая рабыня — единица меры, встречающаяся) впрочем, и у других народов, с другой — новое римское серебро. При этом одна рабыня равнялась 3 взрослым коровам (bo mor), она же равнялась 6 молодым коровам (sam haisc), она же равнялась 12 овцам. В эту систему входили: «годовой удой молока с одной коровы», который оценивался в двух-летнего теленка (colpach); овца = $^1/_2$ молодой коровы; годовалый теленок dairt = $^2/_3$ двухлетнего. С появлением римского серебра в этой системе появилось новое соотношение, а именно к римскому серебру [1]).

1 рабыня, cumhal, или, по-латыни, ancilla,—равнялась	3	коровам или 3 «унгам» серебра [2]).
1 корова, bo mor	»	1 унге—унции серебра.
1 раб	»	1 унге золота.
1 crosóg ($2^1/_4$ пингинна)	»	удою овцы.
	»	18 гранам серебра.
	»	13,5 гранам тройского фунта.

[1]) О древне-кельтской валюте: *Sir William Bentham:* Survey of the Coinage of Ireland; — *W. Ridgeway:* The origin of metallic currency and weight standards. 1892; — *Petric:* Ecclesiastical Architecture of Ireland; — *O'Curry:* Manners and Customs of Ancient Irish.

[2]) Унга серебра весом в 576 гран пшеницы равнялась 24 скрупулам, одна скрупула — 3 пингиннам или пенни, а 1 пенни — 8 гранам веса или 8 зернам пшеницы.

1 унга	равнялась	32 удоям овцы или 432 гранам тройского веса.
1 овца	»	3 скрупулам серебра.

Обе эти системы можно свести в одну, стройную, как то и сделал Риджвей [1]).

Нельзя не заметить, что почти те же ценности, которые фигурируют в древне-ирландской системе, встречаются и в Русской Правде. В статье «А се уроце скоту» назначается: за кобылу — 60 кун; за вола — 50 кун; за корову — 40 кун; за третьяка — 25 кун; за теленка, овцу, поросенка — 5 кун; за барана — ногата, за коровье молоко — 6 ногат [2]).

Законы англо-саксов также приравнивали фунт серебра к рабу, а один серебряный maucus к быку [3]).

Древне-норвежская система времен Гакона Доброго знала систему рабов, коров и оружия, но и она со временем превратилась в весовую: при этом

1 пенинг	равнялся	13,5	гранам	тройского фунта
10 пенингов	»	1	örtugu	= 136.7 гранам
3 örtuga	»	1	оре	= 470 »
8 öre	»	1	марке	= 3280 »

Исландская система исходила от характерной местной бытовой единицы — одной штуки *рыбы трески, cod*, к которой приравнивались все иноземные товары. Железные подковы на 5 лошадей стоили 20 штук трески; черные мужские ботинки — 4 рыбы, тонна пива — 120 рыб, то же — 48 локтей сукна и т. д. Все это имело место еще в XV веке, когда указанные соотношения вошли в правительственный регламент.

---

[1]) А именно. рабыня равнялась 3 унцам серебра; взрослая корова = 1 унцу = 24 скрупулам; молодая 3-летняя корова = $^1/_2$ унцу = 12 скруп.; двухлетняя корова = 6 скруп.; годовалый теленок = 4 скруп.; удой молока летний и осенний = 6 скруп.; овца = 3 скруп.; козье молоко летнего и осеннего удоев = $1^3/_4$ пингинна; овечья шерсть = $1^1/_2$ пин.; овечье молоко = $^1/_2$ пин.; козленок = $^2/_3$ пин. Ср. *Ridgeway:* Op. cit., стр. 33.

[2]) См. *Н. Калачов*: Предварительные юридические сведения для полного объяснения Русской Правды. Вып. 1. Изд. 2. СПБ., 1890, стр. 150.

[3]) *Thorpe:* Laws of Anglo-Saxons. 1880.

В Дарфуре, в Африке, в настоящее время действует следующая система товаро-денег (скот, рабы, ткани):

1 лошадь = 2 или 3 взрослым рабам (1 раб = 6 быкам);
» = 12 » 18 быкам, смотря по качеству;
» = 30 бумажным тканям.

С постепенным развитием культуры в странах, где параллельно с обращением товаров-денег из предметов окружающей среды развилось и обращение металлов, могли складываться и иные соотношения: металлу могли придавать форму, вес, а иногда то и другое от предмета, который он заменял и вытеснял из обращения. Так, напр., в Бирме, по указанию профессора Рис-Давидса (Numismatica Orientalia, т. I), в древнейшее время роль денег играла все та же знаменитая раковина *каури*. Ее затем вытеснил серебряный слиток, имевший форму и величину этой раковины; и только позднее такой слиток уступил место дисковому (монетному) серебру. Несколько экземпляров бирманского раковинного серебра хранятся и в Британском музее, и их по виду трудно отличить от раковин. Тот же смысл имеют и *рыболовные крючки из серебра* (ларины), обращавшиеся в свое время на громадном пространстве от Ирана до Цейлона в качестве денег. Вместе с началом обращения благородных металлов, появляется и новый важный элемент культуры — вес. Мы уже видели из приведенных выше денежных систем, что некоторые из них были тесно связаны с весом, с этим новым принципом измерения, заменившим собою старинный счет.

ГЛАВА V.

Металлы в роли денег.

Металлы в роли товаро-денег появляются несколько позднее других товаров, служащих для обмена, так как добывание их — дело сравнительно высокой культуры. Раз появившись, металл становится серьезным конкурентом для всех остальных видов примитивных денег, которые он постепенно и неуклонно вытес-

няет. Дальнейшая история развития денег и денежных знаков явится историей металлических денег. Здесь можно проследить три этапа: 1) обращение разных металлов в качестве товаро-денег, 2) постепенное вытеснение всех видов металла — золотом и серебром, 3) начало чеканки круглого металлического денежного знака — монеты.

Монетное дело или, как немцы его называют, Münzwesen, тоже имеет свою историю, изучаемую нумизматикою. Но нумизматика не покрывает собою всего денежного дела, тем более, что с течением времени появляется новый этап развития: бумажные деньги.

Металлы, употреблявшиеся в качестве денег, разнообразны. Кроме благородных металлов: *золота*, *серебра* и сплава их — *электрона*,—а также *платины*, роль денег играли куски *железа*, *меди*, *олова*, *свинца*, позднее — никкеля, бронзы и других сплавов.

До того времени, когда металлам была придана форма «*монеты*», металлами пользовались в виде *кусков*, *брусков*, *пластин*, *полос*, *проволоки*, *колец* и даже *порошка* (золото). Рассмотрим вкратце употребление в качестве денег каждого из перечисленных металлов в отдельности.

1) *Железо*. По сведениям Аристотеля («Политика») и Поллукса употребление железа в качестве денег в их эпоху было заурядным явлением. Общеизвестно указание на наличность исключительно такого сорта денег в древней Спарте, на чем строилась, между прочим, легенда об особой преднамеренной суровости спартанского быта. На европейском континенте сведения о железных деньгах сохранились для племени бриттов. Современные путешественники по тропическим странам рассказывают о железных деньгах у различных народностей Западной и Центральной Африки.

Здесь, между прочим, в качестве денег обращаются части железных цепей, в Дарфуре—железные кольца («железные жемчужины»), лопатообразные деньги, кованые мотыги, связки проволоки. В Сенегале в конце XVIII века были в ходу полосы железа, которые приравнивались по весу к ценности обмениваемого товара. Так говорили: «полоса табаку», «полоса рома» и т. д. Около устья р. Нигера роль денег исполняли железные

подкововидные полукружки. У племени Мнонгве денежным знаком являлась связка таких полукружков, в восемь-десять штук. Еще недавно этнографы отметили железные деньги у некоторых племен верхнего Нила, где они имеют форму наконечников копья, округленной лопатки и даже «плоской тарелки с небольшой ручкой и с якореобразным придатком на противоположном конце» *(Д. Анучин)*. Разменной монетой в некоторых местах Африки служат небольшие ромбоидальные железные пластины, весом около 200 граммов.

«Укуэк», или железный брусок, служил в старом Калабаре мерилом ценности, ныне он заменен медью, причем четыре медных бруска соответствует одному железному.

Повидимому переход от счета на штуку к счету на вес, явившийся крупным культурно-революционным актом в истории развития денег, имел место и в области применения железа. Есть предположение, что основная греческая монетная единица *обол* произошла от штуки железа определенного размера, а следовательно и веса. Ὀβελός по гречески значит *гвоздь, острие, кончик копья*. Из оболов или «обелисков», железных наконечников, состоял вклад, внесенный Фейдоном, басилевсом Аргосским, в храм Геры, в середине VIII века до Р. Х. Фейдона считали в Греции «*изобретателем*» денег и, повидимому, он и ввел в Пелопонессе *железные весовые деньги*. По сведениям, сообщаемым Плутархом и Ликургом, знаменитые своею неуклюжестью деньги древней Спарты требовали при перевозке железа на 40 мин парной упряжи. Повидимому, это были архаические остатки старой системы, реформированной в Греции Фейдоном. *Железными кирпичами* определенного веса египтяне брали налог с Сирии.

2) *Медь*. Этот металл употреблялся в качестве денег в древней Мексике, в древнем Китае, в древнем Риме, у некоторых африканских племен, а также, впоследствии, в качестве разменной монеты у большинства цивилизованных народов.

В древней Мексике монетою служили пластинки формою буквы *T*, шириною в три-четыре пальца. В древнем Китае—медь «*кешь*»—отливалась в виде рукоятки от ножа, с отверстием для нанизывания. В Африке меди придавалась форма брусочков с большой палец толщиною и двух вершков длиною. У племени

ням-ням — вырезались разной величины кольца из английской полосовой меди.

3) *Свинец.* О свинцовых деньгах передают поэты античного мира. Средневековье не знает свинцовой монеты. В 1635 году, в Америке, в штате Массачузетс, для мелких платежей были узаконены свинцовые шарики, ценою на наши деньги в полторы копейки. То же наблюдается в Азии, в Бирмане, где разменною монетою служат куски свинца.

4) *Олово.* В древности оловянные деньги отливал тиран Сиракузский Дионисий и некоторые римские императоры. В раннем средневековье оловянные деньги чеканили английские короли. Точно также оловянные деньги были хорошо известны в древней Мексике и на острове Ява. У современных народов Африки и обитателей прибрежья Молукского пролива олово и теперь играет роль денег. В современном Дарфуре, с тою же целью, — олово обращается в виде колец.

5) *Золото и серебро.* В седой древности в роли денежного эквивалента появляются излюбленные в нумизматике всех времен и народов благородные металлы. Наиболее распространенная денежная форма золота и серебра—слегка обработанные изделия: слитки, брусья, «гривны», прутья и кольца. Кое-где золото обращается также в виде порошка, например, в древней Мексике, где при этом золотой порошок насыпался в стволик гусиного пера.

Золоту и особенно серебру обычно первоначально придают внешнюю форму того товара, который был наиболее употребителен в древнейшую эпоху в качестве денег. Так, в древнем Китае и в древней Бирме отливались кусочки серебра в виде *раковины каури*, которая до того играла в своем естественном виде роль денег.

В Сиаме и в Лари с той же целью придавали серебру вид раковин и рыболовных крючков, тоже служивших денежными знаками.

Все же наиболее общей и древней формой употребления золота и серебра в виде денежных ценностей была отливка колец, что было особенно удобно при делении их на части. Деление производилось весьма примитивно и поэтому вес отдельного куска был неточен. Немецкий ученый Зетбер, специально взвесив большое

количество золотых колец разных времен и народов, — не нашел в них никакого определенного веса, что и понятно. Ясно, что золотые кольца и их части первоначально ценились просто «на глаз», по их величине. Но древние микенские золотые кольца, найденные и описанные археологом Шлиманом, имели весовое соотношение не только с талантом, но даже со сходными кольцами Скандинавии.

Обыкновенно — это золотые, реже серебряные шейные украшения (ожерелья), иногда ручные и ножные браслеты или запястья. У древних славян они были известны под названием *гривен* и являлись в одно и то же время и украшением и измерителями ценностей. Необходимость выработала им общий тип. Древнескандинавский, ирландский, персидский, славяно-русский тип шейных гривен ничем не отличается от таковых же малоазиатских в древности или полинезейских в наши дни.

Обычный тип первичных благородно-металлических денег — это прутья и спиральные кольца. Их обнаруживают во множестве в гробницах Палестины, Египта, Микенах, в кельтских, скандинавских и тевтонских могилах. Их и поныне употребляют многие современные варварские народы. Это их лучшие украшения.

О спиральных золотых кольцах, как о значительном богатстве, сохранились смутные предания у различных народов. Знаменитое «кольцо нибелунгов», «золото Рейна» и кольцевое золото саг Скандинавии — были по всей вероятности особенно бережно хранимыми запасами подобного рода золотых слитков. Золотые обручи и золотая проволока играют и до сих пор роль денежных знаков у народцев Центральной Африки.

История денег являлась своего рода отбором отдельных местных товаров для выполнения функции денег. Сфера распространения первобытных денег при распространении современной европейской цивилизации представляет собою все более сужающийся оазис. С каждым годом область старых хозяйственных отношений становится все меньше и уже, уступая место «европеизации» и нивеллировке.

В настоящее время уже нигде на земном шаре не выделывается старых раковинных денег, особенно тем путем первобыт-

ной работы, без применения стальных инструментов и станков, отсутствие которых было так характерно *до прихода «белых»*. Но многие *«пережитки»* еще сохраняются: так, например, в Абессинии и ее окрестностях и до сих пор в ходу *серебряный талер Марии Терезии* 1780 г., который вот уже полтораста лет неустанно требуется наивными туземцами Северной Африки; поэтому и по-сейчас европейцы чеканят талер *Марии Терезии*, с меткою 1780 года, иначе торговля в тех местах производима быть не может.

Довольно точно устанавливается и область распространения первобытных денег в течение истории. Для древнего Египта, Вавилона, Ассирии, Персии, Греции и Рима установлено время перехода от первобытных товаро-денег к металлическому обращению. Третье тысячелетие до Р. Х. в Египте — это время, когда господствует натуральный обмен и натуральный «продналог». И двор, и государственные чиновники, и жрецы получают свой ежедневный «продовольственный паек» натурою. Но во втором тысячелетии до Р. Х. обмен в Египте уже совершался на *медь* и *золото*. У других же народов выбирался в качестве общего измерителя ценностей какой нибудь определенный товар, — товар-эквивалент, по которому оцениваются все другие. В большинстве случаев им первоначально является *скот*. В гомеровском мире (X — VIII в. до Р. Х.) рабы и обстановка оцениваются на штуку рогатого скота. В VII веке в Аѳинах, в V в. в Риме — государственные повинности еще уплачиваются рогатым скотом и овцами, но уже проникают и их постепенно вытесняют металлы — *медь*, *железо* и оба *благородных* металла. Здесь процесс перехода к металлу значительно отстал от Вавилона, где еще в средине 3-го тысячелетия все уцелевшие хозяйственные документы свидетельствуют о металлическом обращении. Расчеты ведутся на металлические деньги, на *золото*, *серебро и электрон*, *или «белое золото»*, который тогда еще принимался за особый металл. Отношение между золотом и серебром постоянное, в среднем, как $13^1/_2$ к единице. Между тремя металлами: золотом, электроном и серебром отношение как $13^1/_2 : 10 : 1$.

Монет еще нет, металл обращается в своем натуральном виде, в форме слитков. Для счета металл взвешивают как вся-

кий товар. Куски металла делаются удобными для взвешивания и переноса, их делят на части и куют в форме прутьев, проволоки и колец. Древне-греческий «талант» тоже имеет вид кольца, он даже называется по еврейски «kikkar», что значит «*кольцо*». Эти кольца — самая обычная форма золота в Египте. При этом основная весовая единица — «*мина*», которая входит в древневосточную вавилонскую шестидесяти-кратную систему:

Один «талант» равен 60 «минам».
Одна «мина» равна 60 «текелов».

Отсюда указанная «вавилонская» система распространяется по всему Востоку и через переднюю Азию и Финикию проникает и в Египет, где подчиняет своему расчету и египетскую медь. Так открывается новая металлическая денежная эра.

ГЛАВА VI.

Металлы и их взвешивание.

Металлическое обращение имело свои особенности. Прежде всего — металлические деньги постепенно утрачивали значение счета, металл надо было уже взвешивать.

Вес золота, как в античном греко-римском мире, так и во всех странах, соприкасавшихся с ним, измерялся одною и тою же весовою величиною. Взвешивание золотых монет, колец и иных золотых предметов, служивших в качестве денег, убеждает нас, что все они основывались на одной общей единице. Так этрусские, германские, египетские (спирали) и карфагенские деньги — все весят 120 гран, микенские времен Гомера («таланты»), аттические («статиры»), фазосские, родосские, сицилийские, еврейские, персидские («дарейки»), македонские («статиры»), бактрийские («статиры») нисколько не уклоняются от общего веса; индийские (в VII веке по Р. Х.) весят 130 — 135 гран; около того же, 140 гр., весят финикийские монеты; имеются также монеты в 260 гран; конечно, они не что иное, как двойные

(130 × 2) деньги того же типа [1]). Все эти сходные единицы веса золота равнялись, согласно мнению проф. Риджвея, *ценности одного быка*, так как, по его мнению, по всему древнему миру от Ирландии до Индии, от Урала до Испании, *уровень цен для скота был одинаковый*. Отсюда, по его мнению, тождество в единице ценности, т.-е. в значении быка, равного повсеместно цене золотого таланта в 135 гран. Платежи, поэтому, могли происходить не по счету, а по весу. Так в Египте слово платить значило взвешивать, а самые гирьки, употреблявшиеся для взвешиванья, имели форму домашних животных — быков, баранов, что было несомненным пережитком времени, когда эти животные приравнивались к денежным единицам. Сохранились египетские изображения процесса взвешивания: на одной стороне голова быка, на другой — золотые кольца. Лепсиус в своих Denkmäler дает одно такое характерное изображение, приведенное затем у Риджвея (стр. 128). Такие же гирьки в виде голов животных были найдены в раскопках Трои и в древних Микенах. В Индии, с появлением металлического обращения, количество чистого металла, передаваемого при платеже, всегда взвешивалось. Здесь единицею веса служило «рати», вес которого определялся семенами Abrius precatorius. Рати весило $1^3/_4$ троских гран, 100 рати составляли общеупотребительную меру «сата-рактика» [2]). Этот вес держался в народном обиходе очень долго от эпохи Риг-Вед до начала нового времени, когда он лег в основу современной индийской системы. В 1852 году в Индии чеканились первые рупии, равные по весу старым «сата-рактика [3]). В древних законах *Ману* («Яджнавальские» и «Нарада») точно установлено еще более тщательное деление: низшая единица — песчинка пыли — trasurenu, восемь песчинок — одно маковое зерно, три маковых — одно черное горчичное зерно. Три таких зерна составляют одно белое, 6 белых — одно ячменное, два ячменных — одно рати.

---

[1]) *Ridgeway:* The Origin of Metallic currency, 1892, стр. 132.

[2]) *L. Laughlin:* «Indian monetary history» в журнале «Journal of Political economy», Чикаго, 1893. *Moleswarth:* Indian currency в трудах «Annals of the American Academy of political and social science». Филадельфия, январь 1894.

[3]) *Cahlmers:* History of currency in the British Colonies. Лондон, 1893.

Китайская система меры так же, как и индусская, покоится на весе и размерах зерна. Десяток зерен, положенных в ряд, составляют один tsun. Определенные количества тех же зерен составляют и единицы веса. В Аннаме единицею веса служило *зерно маиса.* В Африке золото взвешивается зернами Glicinum'a (красный горошек), в Адене Anthera Pavania (фасоль коралловая), на Суматре — семенами растения ради и т. д. Знаменитый в средневековой Европе тройский фунт покоился на системе *пшеничных* зерен. Один стерлинг этой системы (бушель = 8 галлонам = = 64 фунтам = 768 унцам = 360 стерлингам), по закону Генриха VII Английского, равнялся «*32 зернам пшеницы, растущей на середине поля, согласно с древними законами страны*».

Система солида—solidus'a Карла Великого, — оказавшая громадное влияние на все средневековые денежные системы, имела в основе ту же величину. Зерно сладкого рожка, растение Ceratonia siliqua, равнялось 3 зернам ячменя или 4 зернам пшеницы и называлось *кератианом;* три таких зерна составляли обол, а 24 зерна—один солид. На Кавказе, по законам царя Вахтанга IV, в основу весовой единицы бралось зерно мака. Таким образом *повсеместно исходным пунктом для веса было простое хлебное зерно.* Это указывает, что генезис веса не научный, а чисто эмпирический; рационалистические же системы (Ассирии и Вавилона) явились продуктами более высокого развития [1])

Железо взвешивалось совершенно иначе, чем золото, так как оно играло роль только как принадлежность сельско-хозяйственных орудий. Есть, впрочем, указания, что железные ножи играли роль денег в Спарте [2]), но сведения об этом крайне сбивчивы. За то достоверно известно, что ножи играли роль денег в Азии

---

[1]) Вавилоняне подчинили денежную систему весовой, а в основу последней, в свою очередь положили деление, заимствованное из *астрономических вычислений;* высшая единица (кинкар = 30 килограммам или 1 пуду 25 фунтам) делилась на мины; мина, в свою очередь, делилась на 60 шекелей. Все эти названия означали собственно вес или весовые единицы; цены определялись весовым содержанием золотых и серебряных плиток, находившихся в обороте. См. Виппер, Р.: Лекции по истории Греции.

[2]) Мелкие единицы, *драхма и обол,* повидимому, имели отношение к местной греческой весовой системе, связанной с именем Фейдона, басилевса Аргосского.

и в Китае. В Китае и до сих пор золото и серебро не служат материалом для чеканки монет: государственная власть употребляет с этой целью исключительно одну медь — «кэшь». Это круглые и четырехугольные монеты, с отверстиями посередине; они, в виду их малоценности, навязываются на шнурок, как баранки. До начала христианского летосчисления китайские деньги были совершенно иной формы, а именно несколько столетий перед тем они имели овальную форму. Объясняется происхождение такой формы исторически. Первоначально до VI века в Китае роль денег исполняли *мечи*. С течением времени гриф и клинок уменьшились, последний и совсем отпал, круглая часть рукоятки превратилась в овальную монету, при чем отверстие сохранилось. Так и получилась новая своеобразная форма китайских денег.

Золото, которым пользовались народы древности, было диллювиального происхождения, промывное. Вода горных ручьев и истоков вымывала в горах золотоносные жилы и сносила крупинки золота в дельты рек. Золото это было известно во многих местах ранее других металлов (серебра, меди и пр.), но было скоро исчерпано. Приходилось его искать в новых местностях, в новых странах. Поиски золота вынудили финикиян изыскивать новые берега и новые гавани. Геродот рассказывает о путешествиях карфагенян за Гибралтарский пролив («за столбы Геркулеса») к западному африканскому берегу, где они выменивали свои товары на золото, кладя их на землю и удаляясь. Туземцы приходили в их отсутствие и брали товары, заменяя их золотым песком. Поход Аргонавтов в Колхиду — «за золотым руном» — аллегория поисков греков новых золотоносных местностей.

Золото древности, как равно серебро и медь, циркулировали в раннем периоде истории не в качестве денег, а в качестве простого весового товара [1]). При этом необходимо заметить, что

---

[1]) С культурно-исторической точки зрения интересно то, что не только деньги-товары, что вполне понятно, но и чеканные деньги, монеты, появились весьма рано, ранее алфавита. В древнейших законодательных и архитектурных памятниках Египта, Китая, Индии, Ирана, уже содержатся многочисленные указания относительно денег. В то же самое время монеты не нуждались в надписях, так как древнейшие из них содержат разного рода примитивные рисунки. Вопрос этот разработан с большою детальностью

и взвешивание золота явилось ранее взвешивания всех других металлов. Из тех четырех металлов, о которых говорит Гомер, взвешивается только золото; серебро же, как и медь и железо, определяются на глазомер. У египтян весы применялись исключительно только для золота; все остальное, даже медикаменты, отпускалось без веса. О весе только одного золота говорится и в Риг Ведах. Этот весовой товар оказался отличным орудием культуры. С течением времени, *металлические ценности вытеснили все другие виды примитивных денег.* Этому способствовал целый ряд преимуществ металлов перед другими формами ценностей. Драгоценные металлы не так громоздки; куски металла легко делимы, легко вновь соединяемы, красивы, превосходно принимают любую форму, прочны, неизменяемы, не окисляются под влиянием времени и обладают высоким удельным весом, т.-е. в высшей степени компактны. Кроме того, самые колебания в цене происходят так медленно, что незаметны для простого наблюдения.

Итак, *металлические слитки определенного веса были первыми металлическими деньгами.* Отсюда тождество наименований весовых и денежных единиц, которое наблюдается на протяжении всей истории. Да и теперь еще фунт стерлингов в Англии, как ливр в дореволюционной Франции, сохраняют в своих названиях давно пережитый историко-культурный факт. Некоторые же весовые и денежные единицы, как *римская либра*, как *германская марка*, сыграли выдающуюся роль и в нумизматике и в метрологии многих веков и народов. Изложение истории *метрологии*, очень обстоятельной и интересной отрасли знания, не входит здесь в нашу задачу.

в сочинениях: Del Mar· An history of Precious Metals from the earliest Time to the Present. Лондон. 1880. Его же: History of Money in Ancient Countries. Лондон. 1885. Его же: Money and civilisation. 1886. Lenormand. La monnaie dans l'antiquité. 3 т. Париж. 1878. Lebbok· History of Money в журнале: «Nineteenth Century», т. VI, Лондон, 1876 г.

ГЛАВА VII.

Начало чеканки монет.

Драгоценные металлы, входя в употребление, постепенно вытеснили другие виды товаро-денег. От металлических слитков и кусков, которые определялись по весу, перешли к кускам с клеймами. Такие бруски из электрона,—$^1/_3$ серебра и $^2/_3$ золота,—найдены были археологом Шлиманом при раскопках в Микенах. Они назывались *обелиски* (ὀβελίσκοι) и были покрыты насечкой, позволявшей делить их на равные части. Клейменым долям металла придавали удобную круглую форму; так появилась монета. Постепенное превращение слитка в монету прекрасно усматривается из истории *римских* денег. В древнем Риме первоначально обращались в качестве платежной единицы («этрусские») *бесформенные куски меди определенного веса* — aes rude, затем появляются квадратные бруски различного веса с поперечными линиями и точками — aes rude formatum, позднее медные и бронзовые пластинки с изображениями с одной стороны различных животных: коровы, свиньи и т. д., aes signatum, т.-е. «меченая медь», и последняя стадия,—круги, весом в один или два фунта, с рисунком на обоих сторонах — aes libralis, откуда и происходит *либра* (фунт), как денежная единица. Переход от этих клейменых лепешек к круглым монетным деньгам был естественной ступенью развития.

В Греции драхма состояла из 6 кусков (оболов) металла, которые можно было взять кистью руки. Цезарь говорит о железных кольцах бриттов, имевших смысл денег. Персидские деньги—это круглая серебряная проволока, длиною в 60 сантиметров, скрученная вдвое, со штемпелем с одной стороны. Китайское серебро — лодкообразный слиток со штемпелем.

Древнейшие европейские монеты появляются в VIII—VII вв. до Р. Х. [1]). Историк Моммзен считает колыбелью монетного дела греческие колонии Малой Азии. Древнейшими монетами

[1]) Некоторые считают временем появления первой медальной монеты — эпоху около 900 г. до Р. Х. По греческим преданиям первая монета выбита на о. Эгине, около 895 г. до Р. Х., аргонским королем Трейдоном.

он считает монеты Ионии, Фокеи и Милета, битые в VIII веке. Моммзен основывается на том соображении, что во времена Гомера монеты в Греции еще не были известны, а в эпоху Ликурга таковые уже имелись, т.-е. первая чеканка очевидно произошла между этими двумя периодами.

Геродот (1, 97) приписывает первые монеты Лидийскому царю Гигесу и новейшие исследования, в том числе Георга Мейера, подтвержают это указание. *Первые монеты были чеканены из электрона.*

По метрологическим изысканиям F. Hultsch'a, золото входило в электрон в количестве 73, серебро 23 частей. Такое соединение обоих металлов, символ будущего биметаллизма, не было редкостью в истории. В истории Востока давно известно, что в Ассирии даже устанавливали определенное соотношение между обоими металлами. Для каждого из них имелся особый вес. В метрологических работах Hultsch'a: «Die Gewichte des Alterthums» и «Griechische und Romische Metrologie», 1882 г., и Lehmann'a: «Das altbabylonische Maas und Gewichtsystem», содержится множество ценных изысканий в этой области, указывающих на уже выработавшуюся сложность денежных и весовых отношений. Царствование Гигеса относится к началу VII века до Р. Х. Его статеры чеканены из электрона в виде выпуклых овалов; одна сторона их покрыта желобками, на другой изображена лисица, священное животное лидийского бога Бассарея. Их появление сильно содействовало развитию торговли.

Почти к тому же времени относятся «египетские» статеры, чеканенные при царе Фидоне; на них изображена черепаха, священное животное Аполлона [1]). Почти все ранние монеты древности, особенно Малой Азии и Египта, чеканены из того же электрона. На них нет ни надписей, ни изображений царей. Обычное клеймо—грубый рисунок звериной головы, колоса, рыбы. Золотые монеты крупны, неуклюжи, тяжеловесны. Вес всех известных древнему миру монет так или иначе приближается или к греческому таланту или к карфагенскому статеру. Монеты чеканились не только правительством, но и частными лицами,

[1]) *Трутовский, В. К.*, Нумизматика, выпуск I, М. 1909 г.

преимущественно купцами. Чистое золото шло в Грецию и Малую Азию или с Оксуса или с Урала. Софокл в Антигоне говорит, что электрон был из Сардиса, золото с Инда [1]).

В древних государствах Месопотамии астрономы и математики еще на заре истории заменили первобытное взвешивание металлов почти рационалистическими системами веса. Все единицы древнего веса были заимствованы из органической природы, с ее устойчивыми типами. Сходство средних размеров человеческого тела не могло не броситься в глаза. Так были установлены первые весовые единицы.

При развитии торговых отношений статеры и оболы являются чересчур крупными единицами. Жизнь требует наличности дробей обола, четверти, восьмой. К четвертому веку появляется, наконец, соответственная ***разменная*** монета. Она была из меди, первоначально равная по ценности $^1/_8$ обола.

Впоследствии народы придерживались круглой медальной монеты, но были и отступления. Средневековая история знает шести и восьмигранную монету. В Англии известны так называемые «осадные деньги» ромбовидной формы, в Зальцбурге в 1513 г. чеканились квадратные деньги, такие же обращались долго в Швеции.

В нашу задачу не входит обозрение дальнейшей истории денег, как таковых; это задача метрологии и нумизматики. Здесь интересно отметить только факты общего культурно-исторического значения. Так интересно, что чеканка монет распространилась скоро: почти во всех государствах древней культуры в течение нескольких столетий появилась своя монета [2]). Ценность ее и вес во многих странах были, по мнению Риджвея, первоначально одинаковы.

Новые государства заимствовали единицы своих систем из стран более старых. В древней Руси первоначально циркулировали иноземные деньги, ставшие в известные соотношения с сла-

---

[1]) Κερδαινεῖ, ἐμπολᾶτε τὸν πρὸς Σάρδεων ἤλεκτρον, εἴ βούλεις Θε, καὶ τὸν Ἰνδικὸν χρῦσον. «Антигона», стих 1038-й.

[2]) Слово монета — «Moneta» впервые появилось как титул богини Юноны в 279 г. до Р. Х. в Риме — в благодарность за спасительное предостережение (monitus) богов. Сами римляне называли деньги — aes — медь.

вяно-русскими первобытными формами денег. В XI веке появилась у русских собственная монета. Основы древне-русской системы были заимствованы от татар, при чем на юге восточное влияние встретилось с влиянием Византии, на севере — немцев. В эпоху средних веков чеканная монета была уже в употреблении повсеместно в Европе. «Средневековая монетная система, как известно, носила очень ясные следы более первобытного периода, в котором единственною металлическою монетою были слитки металла. Так, напр., монета «ливр» в действительности представляла фунт золота или серебра или же группу монет, весящую в совокупности 1 фунт».

ГЛАВА VIII.

Первые шаги экономической теории, как теории денег.

В конце средних веков в Европе произошел переход от старого натурального уклада к новому денежному порядку. Все хозяйственные отношения перестраивались по новому принципу — оценка всего на деньги. Возрос спрос на денежные знаки, ставший вскоре жгучим вопросом дня.

При растущей потребности в денежных знаках, золотою и серебряною монетою, в виду недостатка в благородных металлах, уже не удовлетворялись: начали чеканить монеты из более дешевого материала — из бронзы и меди, ставшие постепенно простыми условными знаками. Вскоре и этого материала не хватило. И вот началась повсеместная правительственная *фальсификация монет.* Влиянию ее подверглась, главным образом, медь. Благородные металлы, особенно золото, почти избегли этой операции. Золото употреблялось только в исключительных случаях и наиболее зажиточными группами. Оно мало шло внутрь страны и «низшим» слоям населения было почти неизвестно. Поэтому золотая монета почти не фальсифицировалась. Портили преимущественно серебро и медь. С течением времени порча монет

стала одним из видов дохода правительств различных стран [1]). Французские, итальянские и немецкие государи портили монету, подобно тому, как это делалось в эпоху великих князей в более позднее время в России. Величайшим подделывателем монет был Филипп Красивый. Благодаря его стараниям, ухудшение монетного дела вызвало вздорожание товаров и сильный хозяйственный кризис.

Мыслители и писатели средних веков, увидав результаты подобных правительственных мероприятий, выступили на защиту «старого» порядка. Таким образом, современные денежные теории возникали из борьбы с правительственною политикою ухудшения монет. В этом духе был написан знаменитый трактат учителя Карла V, епископа *Николая Орезмиуса.* Орезмиус, ссылаясь на Аристотеля, апостолов и отцов церкви, доказывает, что ухудшение монет подорвало кредит, внешнюю торговлю, доходы дворянства и духовенства [2]). В высшей степени любопытна фраза Орезмиуса: «Деньги не составляют богатства, деньги — простая меновая ценность, они получают свою ценность не от указа короля, а только от того количества благородного металла, которое заключается в каждой монете». Приблизительно тех же взглядов держались некоторые испанские и итальянские писатели. В XVI веке к ним присоединяются *Николай Коперник* [3]) и *немцы*, монахи и т. д. [4]).

Таким образом, вся серьезная европейская литература вовлекается в оппозицию фальсификации денег, создавая тем самым и первую экономическую теорию. Так началось научное изучение

---

[1]) Нумизматической литературе известны случаи порчи монеты еще в древнем мире. Так, тираны Гиппий, сын Писистрата, Дионисий I и Левкон (Босфор Киммерийский) производили свои финансовые операции довольнотаки бесцеремонно даже для своего времени.

[2]) *N. Oresmius:* «Tractatus de origine, natura, jure et mutationibus monetarum» — составлен в середине XIV века, впервые напечатан в 1513 г. в Париже, в 1884 г. переиздан под заглавием: Traité de la première invention des monnaies» (текст французский и латинский).

[3]) *Коперник, Н.,* Monetae cudendae ratio, 1525.

[4]) *Саксонские памфлеты,* 1550 г. См. *Святловский, В. В.,* Очерки по истории политической экономии. Спб., 1913 г., стр. 100.

вопроса о деньгах и так возник первый этап меркантилизма — билонная теория.

Меркантилизм был первою экономическою теорией нового, сменившего старый натурально-хозяйственный уклад, денежного строя. Товарно-денежное народное хозяйство было тесно связано с новым двигателем жизни — с кредитом. К кредиту прибегала и государственная власть, кредитуясь у всего своего населения. Тем самым создалась возможность применения высшего типа денег — *кредитных*. Как *условный* знак этот вид денег не имел фактической ценности, — товар отрывался от своего символа, — и мог быть изображен и выражен на бумаге. Так появились *бумажные деньги*, положившие начало новой, еще более сложной эпохе, — эпохе бумажно-денежных отношений.

ГЛАВА IX.

Бумажные деньги и металл.

1. История бумажных денег.

В настоящее время история появления бумажных знаков хорошо изучена. Повторять ее здесь мы не будем. Напомним только, что первые по времени бумажные деньги появились только в средние века, в Китае. Европа узнала об этом через венецианского путешественника Марко Поло, побывавшего в 1286 году в Пекине. Бумажные деньги выделывались из листьев тутового дерева и обменивались в необходимых случаях с особого разрешения на металл. Порядок выпуска и обмена бумажных денег Марко Поло описал в главе XXII его путешествия (имеется два русских перевода).

Европейский мир познакомился с бумажными деньгами в конце XVII столетия, когда в 1690 году один из северо-американских штатов (Массачузетс) выпустил бумажные дензнаки. Выпуск 1690 года был сделан в ограниченном количестве. Новые деньги принимались с большою охотою. Два последующих выпуска (1702 и 1709) прошли также удачно. Но задержка

в 1712 году установленного погашения в силу войны с Канадою вызвала обесценение знаков. Когда курс на бумажки упал на 30%, их объявили законным платежным средством, что, впрочем, не спасло их от дальнейшего обесценения. В 1750 году в штате Массачузетс было восстановлено металлическое обращение.

Война за независимость штатов вызвала кратковременное пользование бумажными деньгами во всей стране. В 1781 году металлическое обращение было восстановлено и не прерывалось до междуусобной войны 60-х годов 19 столетия, когда бумажные деньги вошли в состав денежной системы Северной Америки, причем первые двадцать лет курсировали бумажки с неразменным принудительным курсом (гринбеки), а с 1878 года бумажные деньги являлись только суррогатом и добавлением для удобства при основном металлическом обращении.

На континенте Европы бумажные деньги появились в XVIII веке. В первой четверти этого века французский делец Джон Ло убедил правительство выпустить бумажные ценности с единовременным воспрещением хранения в частных руках золотых и серебряных монет на сумму более 500 ливров. Считая бумажные деньги вообще более пригодным для обращения ценностей орудием, Джон Ло теоретически защищал бумажные деньги. Он писал следующее. «Необходимые в монете свойства следующие: 1) удобство при платежах; 2) повсеместная ценность; 3) хранение без потерь и издержек; 4) делимость без потери ценности; 5) чеканка. Билеты обладают всеми этими качествами в гораздо большей степени, чем серебро: 1) ими легче платить: 500 ливров скорее можно сосчитать бумажками, чем серебром; 2) их легче пересылать, а потому их ценность меньше будет отклоняться в различных местностях; 3) их легче хранить, вследствие небольшого объема; 4) их можно делить без потери, обменивая крупные билеты на мелкие; 5) они допускают своего рода чекан и их труднее подделывать, чем монету». Вот софизмы Джона Ло, на которых он строил свою систему. Опыт Ло был неудачен и отбил у Франции охоту к выпуску бумажных денег, но во время Великой Французской Революции правительство вынуждено было снова прибегнуть к этой нежелательной мере. Выпуск ассигнаций был произведен в огромном размере и вызвал совершенно исклю-

чительное обесценение бумажных денег. Как на пример, можно указать на 1796 год, когда ассигнации были выпущены на сумму в 40 миллиардов франков, за один франк золота платили 312,5 франков ассигнациями.

У ассигнаций Великой Революции и сменивших их территориальных мандатов своя интересная и поучительная история. Интересующихся отсылаем к работам проф. А. М. Смирнова и С. А. Фалькнера, где приведены как история их выпуска, так и объяснение мер, при помощи которых наполеоновская Франция умело вышла из чудовищной бумажно-денежной инфляции [1]).

Другой наиболее разительный пример выпуска бумажных денег в исключительном по своей величине размере дает Россия, особенно со времени начала Революции. Бумажные деньги не новость в России. Первые бумажные деньги появились в 1769 году, при Екатерине II. Было повелено: «на расходы по начинающейся войне с Турциею учредить *бумажные ассигнации*, утвердя к ним точно ту доверенность, какая есть к настоящим деньгам». Первоначально новые ассигнации понравились и даже ходили с надбавкою в цене (с «*лажем*»), но правительство увлеклось новым способом добывания средств и ассигнации начали падать в цене. Спустя восемь лет, а именно в 1777 году, размен на металл был прекращен. Ассигнации стоили тогда 97 копеек на серебро. Когда к концу царствования Екатерины II общее число выпущенных ассигнаций дошло до 157 миллионов, цена бумажного рубля упала до 68,5 копеек, что считалось не мало. Падение шло и дальше по тем же причинам. В начале 19 столетия ассигнация стоила 44 копейки металлических, а в годы «отечественной войны» 20—22 копейки. Сокращение выпуска подняло курс в 1822 году до 26 коп. В 1839—1843 гг. министр Канкрин произвел первую *девальвацию*, заменив при этом ассигнации разменными *государственными кредитными* билетами. Курс одного серебрянного рубля равнялся в 1839 году 3,5 рублей ассигнациями, этот курс был объявлен постоянным, а *серебряный рубль* был признан основною монетною единицею. В силу скопленного металлического запаса размен билетов шел безоста-

[1]) См. также *Mallet*, M. — La politique financière des Jacobins, Париж, 1913.

новочно, тем более, что выпущенное Канкриным количество билетов было обеспечено наличным разменным металлическим фондом на ту же сумму. Новые отношения продержались до 1847 года, когда начали понемногу увеличивать число кредитных билетов без соответствующего увеличения фонда. После Крымской войны, когда билетов циркулировало уже на полмиллиарда, размер был вначале сокращен, а позже совсем прекращен. «Кредитные билеты» превратились *в неразменные бумажные деньги с принудительным* курсом. В 1897 году министром Витте была вторично произведена девальвация и восстановлено металлическое обращение (золотая валюта), нарушенное вновь мировою войною. Революция вызвала беспримерный по своим размерам выпуск бумажных денег, исчисляемый ныне квадрилионами. Кроме Америки и России бумажная валюта имела в XIX столетии распространение в Австрии, где чрезмерный выпуск бумажек также, как и в России, расстраивал народное хозяйство. Бумажные деньги были осуждены экономистами. Возникла большая литература. Мерами восстановления ценности бумажных денег и средствами перехода к металлическому обращению были признаны: 1) *изъятие* излишнего против обращения количества бумажных знаков из обращения, 2) *накопление* металлических запасов, 3) *девальвация* или законодательное уменьшение ценности основной денежной единицы, обыкновенно до размеров установившегося соотношения, т.-е. до «курсовой стоимости».

Таким образом при бумажно-денежном обращении выступает вопрос о размерах и формах их обеспечения металлом или о «покрытии», служащем основанием для размена.

Современная финансовая наука называет бумажными деньгами беспроцентные кредитные обязательства государства, служащие законным средством платежа наравне с металлическою монетой и выпущенные в определенных купюрах. В виду важной роли размена их на металл, устанавливается три вида бумажных денег:

1) *разменные бумажные деньги* (их не следует смешивать с *банкнотами*, выпускаемыми частными или государственными кредитными учреждениями на основании особого покрытия).

2) неразменные бумажные деньги, без принудительного курса, признаваемые только законным платежным

средством при расчетах с казною, но необязательные при расчетах частных лиц между собою, и

3) неразменные бумажные деньги с принудительным курсом (course forcée). Последний тип, насаждающий в стране бумажную валюту, вводится каждый раз, когда размен бумажек на металл более не мыслим, а между тем необходимо искусственно удержать бумажные деньги в обращении и поддержать их рыночную высоту. Введение подобного рода бумажной валюты является всегда результатом предварительного финансового потрясения страны или плохой администрации ее финансов; такая валюта, сама по себе, симптом сильного расстройства всего денежного обращения страны.

Особого внимания заслуживают *банкноты*. Предоставление частным кредитным учреждениям права выпуска (*эмиссии*) бумажных ценностей, «*банкнот*», выяснило возможность разнородных способов покрытия или системы покрытия. Правильно обеспеченная эмиссия банкнот признается солидным и полезным способом содействия денежному обращению.

Соотношение количества бумажных денег и металлического фонда, а также установление основной единицы денежной системы или валюты являются важными вопросами сложной современной денежной системы. Они разсматриваются в специальной отрасли науки, в учении *о финансах*.

2. Валютные системы.

Металлическое обращение нашло себе наивысшее выражение в монете. Монетою называется металлический кружок определенной формы, за вес и пробу которого ручается государственная власть. Различают следующие монетные системы: *сборные* (где монеты — часть основной денежной единицы, например фунт стерлингов, распадающийся на шиллинги и пенсы), и *дробные* (где основная единица мелкая). Монеты бывают *полноценные* (вес чистого металла равен ценности, указанной на монете) и *разменные* или биллонные (вес благородного металла ниже показания дензнака).

Чеканка (выделка) монет составляет в настоящее время исключительное право центральной власти или *государственную*

регалию. Оно обставлено государственными актами, входящими в дело до мелочей. Монету чеканят на особых *монетных дворах*, строго соблюдая монетный устав. Техника монетного дела играет важную роль. Изображение на монетах носит название «*легенды*». Стороны монеты называются *аверс* («решотка») и *реверс* («орел»). В монете важно содержание благородного металла или «*фейн*», также «*корн*». Примесь неблагородного металла носит название «*лигатуры*» или «*шрота*». Отношение веса всей монеты к фейну именуется «*пробою*»; так как технически трудно отлить металлические кружки химически строго однородные, то допускают ошибки в весе и пробе, которые называют «*терпимостью*» или *remedium*'ом. Remedium определяется в сотых долях процента. Вес монеты определяется количеством ее, выделываемым из одного фунта сплава.

Основные единицы современных денежных систем — это строго определенные количества фейна в золотых и серебряных монетах. Различают следующие металлические денежные системы или валюты:

1. *Серебряную* валюту или серебряный *монометаллизм*, где законным платежным средством признается серебро. Золотые монеты могут находиться в обращении, но как добавочные знаки. Такова, наприм., была валюта в России до 1897 г., в Германии до 1873 г., в Англии до 1717 г. Это старейшая валюта, начавшая падать в течение 19 столетия с обесценением серебра. Серебряная валюта выгодна для сельскохозяйственных классов, экспортирующих хлеб за границу, в страны с золотой валютой.

2. *Золотая валюта* или *золотой монометаллизм* постепенно стала главною денежною системой цивилизованного мира. Золото при этом — единственное законное платежное средство, а серебряная монета — или разменная, или добавочный товар с колеблющимся курсом. Иногда серебро чеканится из лучшего сплава и ему при золотой валюте также присваивается неограниченная платежная сила, но без права свободной чеканки. В таких случаях валюта носит название *хромающей*.

3. *Двойная валюта* или *биметаллизм* имеется в тех странах, где законным платежным средством единовременно служат оба металла (золото и серебро) в определенных соотношениях,

наприм. 1:15,6. В случаях, когда «частный чекан» (за счет частных лиц, но средствами государства) допускается не для обоих металлов, такая двойная валюта также называется *хромающею*. Биметаллизм известен в двух формах: 1) *параллельного обращения*, когда золотая и серебряная монеты не объединены определенностью отношения одна к другой, и в стране как бы действуют единовременно две денежных системы; 2) *двойного обращения*, когда установлено определенное соотношение между обоими металлами.

Все валютные системы могут быть или с *неограниченною частною чеканкою серебра* или с ограниченною. В последнем случае ценность серебряной монеты искусственно поддерживается государственною властью на уровне высшей цены содержащегося в монетах металла.

История как обращения бумажных денег, так и постепенного установления валют в различных странах очень поучительна и выясняет многие важные хозяйственные проблемы. В итоге практики и теоретического анализа, золотой монометаллизм ныне признается валютой наиболее соответствующей ускоренному денежному обращению современного буржуазного хозяйства, а, в виду меньших колебаний цен на золото, и более устойчивою.

Изложенное дает вкратце общее представление о ходе эволюции денег и денежных знаков в общемировом масштабе. Характер этого процесса был, как мы видели, повсеместно однообразен. Эпоху первоначальных товарных эквивалентов сменила эра сходных между собою течений. Появляется своего рода стремление к интернационализму. Местные деньги уступают место более общим эквивалентам.

В этом однобразии процесса убеждает нас изложенная кратко далее история происхождения денег в России. Здесь перед нами не какой либо особый и самобытный исторический процесс, а общий всем народам ход развития, но только развивающийся на более коротком промежутке времени. К описанию этого процесса развития и переходим.

Часть II.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ДЕНЕГ В РОССИИ.

ГЛАВА I.

Древне-русские денежные системы.

I. Деньги-скот.

Изучая памятники древне-русского быта, исследователь наталкивается на остатки какой-то примитивной денежной системы, в которой роль единицы играет скот [1]). *Скот* — в то время древнейшее наименование денег, уже редкое в XI и окончательно исчезнувшее в XII веке. Роль скота в качестве менового посредника не нова. Вышеприведенные данные указывают, что здесь мы имеем дело с обычною для земледельческих и полупастушеских народов первобытною формою денег.

В чем же именно состояла эта система денег-скота? Скотоводство уже не играло видной роли в том древне-русском строе, в котором застает его документальная история. Время действи-

---

[1]) На скот, как первичные деньги в России, впервые было указано в сочинении *Christiani Crusii*: Commentarius de originibus pecuniae a pecore ante nummum signatum. Petropoli, 1774. Затем в 1881 году обновил все доводы И. Н. Мрочек-Дроздовский в своей диссертации «Опыт исследования по вопросу о деньгах Русской Правды» в Записках Московского Университета за 1881 г. Более подробно тоже изложено: *В. В. Святловский*: Примитивно-торговое государство, как форма быта. СПБ., 1914 г., стр. 52—140.

тельного существования этой системы должно быть отнесено к эпохе более ранней, к периоду пастушеского быта, для определения времени которого не имеется достаточно точных данных.

На заре русской истории на юге процветало скотоводство, чему способствовали превосходные пастбища и соседство с кочевниками-скотоводами. У пастушеских же народов скот — единственная ценность, так как это их единственная движимость [1]). Естественно поэтому, что приручение животных было первым крупным шагом к образованию капитала [2]). Моммзен в «Римской Истории» говорит: «первоначальная собственность была движимая, на рабов и животных (familia pecuniaque). — Таким образом, древнейшая римская форма приобретения собственности называется mancipatio, захват руками, и, очевидно, что она простирается только на владение движимостью. Дальнейшее доказательство этого есть древнейшее римское название богатства, а именно pecunia — деньги, от pecus — скот. В том же духе говорит и профессор К. Бюхер. «В своей окончательной форме деньги являются сложным социальным явлением, и поэтому само собою напрашивается предположение, что в них одновременно отражаются различные моменты развития. Так, например, употребление скота в качестве денег обязано своим возникновением тому факту, что у известных народов домашние животные выражали *богатство* и являлись средством к накоплению» [3]).

Скот и продукты скотоводства, помимо всей своей непосредственной пользы, в то же время служат и критерием благосостояния, мерою, с помощью которой определяется «мощь соседа [4]). Въ английском языке до сих пор сохранился пережиток этих понятий: «living money», «живая монета», — говорят о бо-

---

[1]) *Стромилов, Н.:* «Скотоводство древней Руси», в журнале: «Сельское хозяйство и лесоводство», апрельская книжка, 1871 г.

[2]) Некоторые исследования стремятся доказать, что *происхождение* скотоводства необходимо искать в религиозных обрядах, связанных с *жертвоприношениями.* Первые экземпляры будущих «домашних» животных содержатся жрецами ради ритуальных целей. См. книгу *Eduard'a Hahn'a,* также *Richard'a Micke* (Urgeschichte des Ackerbaues und der Viehzucht. 1898).

[3]) *Бюхер, К.:* Хозяйство первобытных народов, рус. пер., 1898 г.

[4]) *Штейн, Л.:* Социальный вопрос с философской точки зрения, рус. пер. Николаева. СПБ., 1889 г., стр. 59.

гатстве овцеводов и скотоводов. *Ссуды скота* создают экономическую зависимость бедных от богатых, внося дифференциацию и вражду в жизнь кочевника. Должник постепенно впадает в рабство, выгодное для богача, нуждающегося в пастухах. Ту же участь испытывают и военнопленные, которых уже *не* убивают. Рабы приобретают ту же высокую стоимость, что и скот. И вот почему система денег-скота всегда сопровождается системою денег-рабов. Например, в Илиаде цена хорошей рабыни всегда и везде одна — 4 быка [1]). Отдав в ссуду животное, богатый кочевник выгадывает, кроме того, и от приплода, приносимого животным. Приплод повсеместно принадлежит кредитору. Возникает рост и процент, размеры которого регламентируются уже в первых законодательных актах (Моисей, Зенд-Авеста, Риг-Веды, Brehon Law, первоначальное римское право, Русская Правда).

С течением времени, с некоторым ростом богатства, усиливается и потребность в скоте, заставляющая искать ее удовлетворения за пределами родной территории. Разбой и война имеют своею специальною целью — обогащение скотом. По санскритски война (gavishti) — буквально значит «ссора из-за коров». Точно также «goshuyudh», слово, обозначающее в Риг-Ведах войну, дословно значит «бой из-за коров». В трудах санскритоведа проф. Макса Мюллера приведен ряд интересных примеров, иллюстрирующих громадную роль скота у индусов времен Риг-Веды: «Санскритское слово «дора», «король», должно было обозначать сперва просто коровьего пастуха; потом это слово стало обозначать владельца загона со скотом и, наконец, начальника племени. Слово «goshtha», обозначавшее сперва загон для скота, потом получило значение собрания; «gotra» — значило последовательно загородку для скота, потом само стадо, потом, наконец, семейство, племя или расу».

Сменяющая хищнические отношения миролюбивая торговля включает в число своих объектов скот. Скот, становясь товаром, фигурирует в качестве примитивных денег. С тою же формою мы имеем дело и в хозяйственном быте древней Руси, хотя наша ранняя документальная история уже далека от того времени,

---

[1]) См. *В. Трутовский.* Нумизматика. Москва. 1909, стр. 29.

когда скотоводство играло преобладающую роль. Деньги-скот являются уже только в виде «переживания» (survivals).

Домонгольская Русь не знала слова «деньги». Повсюду (это встречается во многих древне-русских памятниках), где необходимо употребить выражения: «богатство», «деньги», «серебро», или «казна», говорится: «скот». Так, напр., в Русской Правде говорится: «Если кто будет искать на другом скота (в других списках «кун», «долга»), а должник начнет отказываться, то идти ему на суд перед 12-ью человеками, если при этом окажется, что должник злонамеренно не отдавал ему скот, то взыскать с него 3 гривны за обиду» [1]); или: «Если кто испортит у кого копье, или щит, или одежду и пожелает испорченное оставить за собою, то хозяину взять за то с него скота. Но если испортил, но у себя не удерживает, то платить ему скотом столько, сколько было заплачено за вещь». О том же находим указание и в Лаврентьевской летописи, где говорится о Ярославе, собиравшем в 1018 году в Новгороде деньги для найма норманского войска, в следующих выражениях: «Начаша собирати скот: от мужа по 4 куны, от старост по 10 гривен, а от бояр по 18 гривен и приведоша Варяги и вдаша им скот, по гривне на щит сребра». Наконец, в «Поучении» Владимира Мономаха сказано: «и миров есмь заключил с половечскых князь без одного двадцать, а при отци и без отца, а дая много скота и много порты свое». Очевидно, русский князь уплачивал кочевым монголам не скотом, а деньгами, так как у самых половцев были обширнейшие стада, и в скоте они совершенно не нуждались, сами продавая его в Русь. О том же Владимире (Лаврентьевская летопись) говорится, что он «дая скота многи», т.-е. тратил большие деньги.

Иногда, желая различить два понятия: скот, как деньги, и скот, как животные, — в старину в последнем случае прибавляли пояснение «животный». Так, например, в «Шестодневе» говорится: «орли или врани, или ноута, или кони и прокы

---

[1]) Русская Правда, список Академический, п. 13, цит. по I выпуску Хрестоматии проф. *Владимирского-Буданова*, 4 изд., 1889 г., стр. 28.

и скот животный в сей жив жизни умерет и на погибель идет» [1]).

Древнее наименование княжеской казны было — скотница, а казначей назывался скотник. В летописях под 996 годом кн. Владимир Святой повелел: всякому нищему и убогому «приходити на двор княжь и взимати всяку потребу питье и яденье, и от скотниць — кунами» [2]). «Но скотница твоя по Божьей благодати, — пишет митрополит Никифор к Владимиру Мономаху, — неоскудна есть, неистощима, — раздаваема и не оскудеема». Любовь к деньгам, сребролюбие или кунолюбие в древнейших памятниках заменяется словом «скотолюбие».

Среди монет, хранящихся и описанных русскими нумизматами, имеется ряд древне-русских монет, вполне тождественных с старо-греческими и римскими монетами, описанными Риджвеем и др. На них изображены или фантастические крылатые четвероногие, или головы быка, птицы, или же какие-то животные, похожие на куницу или белку. По этому поводу нумизмат Чертков говорит: «Четвероногие, обыкновенно изображенные на монетах грубо, казались первым нумизматам — быками, баранами, псами, свиньями, мышами и т. д. Быть может, изображения на денежке представляли именно каких-нибудь животных; но исполнение столь далеко от идеи, что мы решительно отказываемся от угадывания и будем просто употреблять четвероногое, кроме немногих случаев, где признаки несколько явственны» [3]).

Особенно типичны медные древне-русские монеты с клеймом, изображающим голову (морду) или всю фигуру. Они были впервые описаны Чертковым [4]).

---

[1]) Шестоднев, слово III. В «Чтениях Московского Общества Истории и Древн. Российских» за 1879 г., кн. III, гл. 70, стр. 30.

[2]) *Лейбович:* Сводная летопись, в I. СПБ., 1876, стр. 99.

[3]) См. *Чертков:* Описание древних русских монет, Москва, 1834, стр. 10.

[4]) *Чертков:* Описание древних русских монет. Москва, 1834, стр. 41. Он рассказывает о Псковской «серебряной» монете с бычьей мордой. В виду того, что известны до сих пор только такого рода медные монеты, проф. *М. Т. Каченовский* («Кожаные деньги») (в сборнике «Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде» М., 1849 г.) и *Сонцев* (Деньги и пулы древней Руси) — считают, что Герберштейн

Наши нумизматы причисляют их к разряду, так называемых, монет — «пул» [1]). Среди пул разных княжеств (Новгородского, Псковского, Кашинского, Московского и пр.) изображение бычьих морд имеется на пулах тверских и псковских.

Весьма возможно, что в древности именно эти монеты носили название «скотец» или «говядо». Это было наименование какой-то древне-русской монеты. Это название встречается в некоторых древне-русских памятниках, преимущественно северо-западных [2]). Так, в «Актах Западной России» [3]), в так называемом Вислицком статуте 1347 года, в ст. 107 говорится: «Мартин жаловал на Микулу: коли он орал свое поле, тоды опустил мощнью, а в ней три скотцы; Микула, сеючи то поле, изнашел тую мощнью, с тыми грошьми».

Относительно «говядо» сведения довольно сбивчивы. Этим именем назывались и животные и деньги, т.-е. мы имеем здесь дело с переносом наименования старой системы на единицы новой. В XIII столетии в проекте договора между Ганзейским Союзом и Великим Новгородом [4]) упоминаются оба значения «говядо». В постановлении Ганзейского Союза для его Новгородского отделения или в так называемых скрах (skrá) содержатся

ошибся, приняв старую медь за серебро *(Герберштейн* в Rerum Moskoviae, изд. 1600 г.).

[1]) *Казанский, П.:* Исследование о древне-русской монетной системе в XI, XII и XIII столетиях. Записки Имп. Арх. Общ. т. III. Также Сахаров, Н. Летопись русской нумизматики. ч. I. СПБ. 1-е изд. 1842, 2-е изд 1851.

[2]) См. *Сонцев:* Деньги и пулы древней Руси. М., 1862 г.

[3]) Акты Западной России, т. I, № 2, стр. 15, СПБ., 1864 г.

[4]) *Н. Лаппенберг* (Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hansa. Гамбург, 1830, стр. 29 — 42). Любопытно, что Сарториус (т. II, стр. 352) переводит выражение «три марки говядо» словами «drey Mader Köpfer»—три головки куницы. Иначе смотрит наш историк Н. Костомаров, который считает, что представление о ценности соединялось у новгородцев со штукою скота. «Скот,—говорит он,—означал вообще казну, сокровищницу, потому что в древнейшие времена скот составлял домашнее богатство хозяина. В «скрах» немецкого двора есть выражение ценности: «говядо», вероятно, штука скота или кусок мяса». *Н. Костомаров:* История торговли Московского государства. Изд. 2-е, СПБ., 1889 г., гл. «Меры, вес и монеты».

указания на расплаты печеным хлебом, окороками, маслом и «говядою». Здесь говорится: «кто перетопит воск в котле Св. Петра, тот уплати 2 марки», или в другом месте: кому священник напишет коммерческое письмо, тот должен дать ему 3 марки «говядо».

Ряд русских историков, Каченовский, Костомаров и др., видели в этом только простое мясо, а не монету. Контекст сохранившихся мест показывает, что здесь дело обстоит несколько сложнее. «Говядо» или «марка говяды», очевидно, — какая-то определенная условная величина, в роде «стерлинг» или «фунт стерлингов». На то же указывает и способ выражения. Если бы «говядо» употреблялось здесь в смысле простого мяса, продаваемого на вес, то было бы сказано: «на 2 марки, на 3 марки» и т. д., чего, однако, в действительности нет. Здесь мы имеем перед собою то же самое явление, которое мы наблюдали при рассмотрении термина скотец: «говядо» есть также пережиток более раннего скотоводческого периода, под этим наименованием ходило обычное тверское пуло. В древней Руси при заключении сделок платили не только деньгами, а накидывали еще какой-нибудь прибавок, заключавшийся по обычаю в штуке скота. Например, в одной из купчих грамот 1453 года при покупке в пожизненное владение монастырских земель, говорится следующее: «А дал я за те земли тридцать рублей, а пополика лошачка бурого» [1]). Таких примеров не мало. Так, в одной купчей (1490 г.) даются 64 рубля, «да за пополика конь, да однорядку Новогонскую». В другом акте 1506/7 года было уплачено 15 рублей, да «овца», в качестве такого же прибавка фигурируют в акте 1512 года «вол», в акте 1515 года—«корова», 1511 года—«кунья шуба». В других актах можно найти в той же роли «пуз жита» [2]). Само собою понятно, что часто «пополик» отсутствовал и сделка совершалась на чистые деньги. Так,

---

[1]) «Акты, относящиеся до юридического быта», изд. Н. Калачева, 3 т. СПБ, 1864 г., т. II, стр. 335, № 147, «о купчих».

[2]) Во всех 27 собранных Калачовым купчих XV и XVI столетий главная масса прибавок,—«пополиков»,—встречается именно в виде животных: в 2 актах 14 раз упоминается корова, вол и овца; куньи же и бельи шубы—6 раз.

в купчей Антония Римлянина, относящейся к 1147 году, говорится о покупке земли на одни только деньги.

2. Деньги - меха.

Позднее появляются известия о деньгах-мехах или кунах. Наши летописцы еще застают эпоху, когда единицею в товарообмене служили «меховые» или, как их неправильно называли, «кожаные» деньги, что вообще свойственно всем лесным странам. Ибн-Даста прямо и категорически говорит о болгарах, как о народе, у которого денежною единицею служил куний мех [1]). Ахмет из Тум в XII веке говорит о «шкурах куницы», целом мехе с передними и задними лапками и с когтями [2]).

То же явление, по английским известиям, наблюдается и поныне в обширной территории, окружающей Гудзонов залив; там меха служат главным источником существования местных «инородцев». Меховые деньги известны и в некоторых лесистых местностях Центральной Азии. В Монголии, на Памире и в Тибете обращаются кожи куниц, имеющие вид ремня с мордами и лапками, с потертой шерстью, разрезанные вдоль [3]). В книге Иова (гл. II, 4) говорится: «шкура за шкуру и все, что человек имеет, — он отдает за свою жизнь». По-эстонски «raha» обозначает одновременно деньги и шкуру; то же и полапландски. Таким образом, обращение в качестве менового посредника меховых ценностей в пределах древней Руси — явление более, чем понятное. Действительно, древняя Русь, изобиловавшая лесами, водами, «бобровыми гонами» и пр., давала широкий простор для развития превосходной лесной фауны, которая занимала значительную часть равнины. Мы знаем, что страна в то время была богата разнообразными породами мелких хищников с великолепными пушными покровами. Красивые зверьки: белка, куница, соболь, затем бобёр, песец, хорек, лисица,

---

[1]) «Главное богатство их (т.-е. болгар) составляет куний мех. Чеканной монеты своей у них нет; звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равняется двум диргемам с половиною». «Известия Ибн-Даста». Пер. с араб. проф. Д. Хвольсона, стр. 25.

[2]) *Марков, А. К.:* «Русская нумизматика», СПБ., 1905 г., стр. 16.

[3]) Там же, стр. 12.

выхухоль, рысь, а на севере еще и горностай, населяли леса обширной славяно-русской равнины и прилежащих северо-восточных окраин. Это, в свою очередь, не могло не выяснить жителям древней Руси всю важность и все высокое значение природных пушных богатств. Звероловство поэтому составляло крайне доходный промысел, и на меха древние руссы легко выменивали себе все необходимое у своих более культурных соседей. Меха русские шли громадными транспортами во все страны и служили одним из главных предметов древне-русского торга с болгарами, буртасами, хозарами и арабами с одной стороны, с Византией, Ганзою и др. странами Запада—с другой. Естественно, что и все ценности неизбежно сравнивались с тою ценностью, которая была нервом всего торгового оборота. Население естественно рано оценило меха в зависимости от их качества, редкости, сохранности и спроса. Меха, легче добываемые, дольше сохраняющие свою ценность, как предметы неодушевленные, несравненно легче транспортируемые, более многочисленные и разнообразные, имеющие громадный спрос у соседей, являлись несомненно более пригодными объектами для денег, чем скот, и потому легко обратились в измерителей ценностей.

Кроме того, помимо удовлетворения спроса иностранцев, меха играли роль и во внутренней древне-русской торговле, так как они шли на украшение и на одежду богатых людей и многочисленных князей, щеголявших друг перед другом своими нарядами. Впрочем, не одни князья и богачи носили меховые одежды. Летописи и другие древне-русские памятники свидетельствуют о распространенности мехов среди всех классов населения [1]). Меховая опушка одежды считалась большим украше-

[1]) Так мы находим в них сведения о собольих шубах, шапках и одеялах, о лисьих, куньих, беличьих и медвежьих шубах, шапках волчьих, барсовых, бобровых и горностаевых и пр. Конечно, все это принадлежало средним, более зажиточным классам, бедные ограничивались овечьими, волчьими, козьими шкурами, но и они, в виду условий климата, не являлись чем-либо необыденным. Известный исследователь древней Руси Аристов (Промышленность древней Руси, стр. 145 и след.) свел воедино многочисленные данные летописей о древне-русских мехах. «Как товар, имеющий верный сбыт, — говорит он, — меха ходили, как деньги, мехами брали штрафы, платили за проезд и пошлины торговые, за сорокоуст священникам,

нием, признаком зажиточности. Русского купца в Итиле, по свидетельству Ибн-Фоцлана, хоронили в собольей шапке. Конечно, меха, как и достаток, были различны. В то время как в дошедших до нас духовных завещаниях богачей среди дорогих тканей и камней упоминаются собольи и другие ценные меха, предсмертное распоряжение бедняка касается овечьей шубы.

Итак, на меха существовал и внешний и внутренний рынок.

Таким образом, меха в древней Руси представляли собою один из тех предметов, который всегда и притом сравнительно легко находил себе сбыт, а, следовательно, меха не только были пригодны для роли третьего эквивалентного товара, т.-е. «денег», но и обращение их, как товара, представляло обычное явление народной жизни.

Наиболее употребительным мехом оказался и наиболее прочный и красивый, именно мех куницы. Он занял место единицы меховой денежной системы. Это был в то же время и наиболее распространенный мех древней Руси и наиболее излюбленный предмет торговли. К кунице, или «куне», так или иначе приравнивали остальные употребительные в те времена меха, а именно резаны, долгея, ногата, мордка.

Меховые ценности вытеснили деньги-скот и сами были позднее вытеснены металлическими.

Итак, меха в древней Руси являлись ее деньгами. Многочисленнейшие места наших памятников послужили основанием для так называемой меховой теории, определяющей все древнерусские денежные («кунные») ценности, как ценности из того или иного сорта меха. Меховая теория усматривает во всех кунных ценностях древней Руси — меха. При этом исчезала единственно верная—эволюционная точка зрения. При верности

даже в церковь принос делали веверицами». Даниил Заточник в 1199 году дает образное сравнение, когда, обращаясь к князю, говорит: «когда ты лежишь на мягкой постели под собольими одеялами, и меня вспомни, господин, меня, лежащего под одним полотном, умирающего зимою и пронизываемого дождевыми каплями, как стрелами». Тот же мотив повторяется и в одной проповеди XII века, обличающей богача. «Ты,—говорится в ней,—облачаешься и ходишь в поволоце и кунах, а убогий рубахи не имеет на теле».

меховой теории для определенной эпохи, ею нельзя объяснить все кунные ценности и притом во все периоды хозяйственного развития древней Руси. В этом обобщении коренится неудовлетворительность этой гипотезы. Если многочисленные места памятников неоспоримо доказывают циркуляцию меховых денег, то это еще отнюдь не равносильно тому, что все древне-русские деньги, носящие «меховые» наименования («куны», «белы», «лобки», и пр.), являлись мехами. Строгий анализ тех же памятников дает неоспоримое указание на металлическую основу этих денег. Факты последней категории — исходный пункт противоположной металлической теории, считающей все древне-русские денежные (кунные) ценности тем или иным сортом металла. Отсюда спор представителей двух взаимноисключающих теорий. Мое личное мнение сводится к признанию фактических данных, лежащих в основе обеих теорий: обе теории объясняют лишь две различные ступени одного и того же эволюционного процесса [1]). Древне-русская торговля мехами, воском и рабами была прибыльна. Свои товары руссы выменивали на благородные металлы в слитках и деньгах. С развитием внешней торговли древняя Русь в значительной мере наводнялась металлами. В наиболее оживленных торговых пунктах, по многочисленным торговым путям древней Руси, в местах соприкосновения с другими торговыми народами, — пульс металлической циркуляции бился особенно сильно. Находимые в настоящее время в различных пунктах России клады драгоценных вещей и иноземной монеты достигают нескольких пудов веса. Наприм., в г. Муроме на Воеводской горе в 1868 году были найдены два кувшина — один с 11 тыс. целых серебряных монет, другой с 14 фунтами сломанных. Общий вес клада 2 пуда 23 фунта [2]). Об обращении металла свидетельствуют писатели арабские и византийские, хроники датские и норвежские. Согласно

---

[1]) Эта точка зрения излагалась мною в статье «Примитивные деньги и эволюция древне-русских денежных систем», в жур. «Народное Хозяйство» за 1900 год и в книге «Примитивно-торговое государство, как форма быта». СПБ., 1914. Отсюда взяты большинство приводимых в этой части работы фактических сведений.

[2]) См. Дело Императорской Археологической Комиссии за 1866 год, № 43.

Ибн-Фоцлану, руссы даже отказались брать в Итиле, в обмен на свои товары, что-либо кроме диргем, т. е. монет весьма важных в жизни того времени. Диргемы служили украшением, их клали в гроб покойнику, ими измеряли материальное благополучие. Заимствованные, в виду отсутствия своих рудников, путем торговли, благородные металлы, шедшие в древнюю Русь в виде иноземных монет, слитков, украшений и утвари, принесли с собою также и иноземные измерения, системы и способы расценки. Металл иноземной чеканки: восточные диргемы, позднее германские динары, византийские литры, шведские ортуги, угорские червонцы, различные ефимки и кораблянники постепенно получили доступ в Русь и сделались мерилом ценностей.

В результате металл вытеснил мех. Меховые ценности, передав металлам свои наименования, вступили с металлами в определенное соотношение. Этот переход наименований послужил для наших ученых камнем преткновения. В фразе памятника: «дано за мех двадцать бел»,—двадцать «бел» равно могут означать и двадцать шкур белок и двадцать штук белых (серебряных) монет. Так длилось вплоть до конца XIV века.

Вопрос «о кунах» расширился до вопроса о кожаных деньгах вообще. Этот вопрос о них впервые подняли в конце XVIII века наши историки Татищев и Болтин; затем началась серия работ, посвященных этому вопросу. Среди писавших о древне-русских деньгах наиболее выдаются Карамзин, Каченовский, Казанский, Прозоровский, позднее Никитинский, Мрочек-Дроздовский, гр. И. И. Толстой и многие другие. Одни видели в «кунах» и «белянах» древне-русских документов меха, другие — металлы.

За первое объяснение высказывались — Карамзин, Лешков, Ланге; в позднейшее время профессор зоологии С. А. Усов. Противоположную точку зрения поддерживали М. Погодин, Д. Прозоровский, но особенно ярым противником меховой теории явился Каченовский, который в своем замечательном по эрудиции и точному анализу исследовании «О кожаных деньгах» [1])

[1]) См. «Два рассуждения о кожанных деньгах и о Русской Правде покойного заслуженного профессора Императорского Университета *М. Т. Каченовского*». Москва, 1849 г.

считает все кунные ценности металлическими. Против «кожанной» теории высказался и гр. И. И. Толстой, принципиально не допускавший мысли о циркуляции подобного рода ценностей [1]).

3. „Кунные" гипотезы.

I. «Куна» — мех.

Меховая гипотеза опирается на приведенные уже отчасти выше общие культурно-исторические факты как общей истории, так и истории древней Руси, затем идут свидетельства современников и, наконец, специальные историко-филологические изыскания.

Существует несколько различных толкований этой гипотезы, но в главном они все между собою сходны, именно, что гривной кун (главная единица системы) был *мех куницы*. При этом наименьшею единицею системы считался мех белки. Остальные денежные ценности тоже все были меховые; качество и сравнительная стоимость их видна из самого их наименования. Так, в древне-русских памятниках упоминаются следующие виды меховых денег: куна, бела, (бель, белка, веверица, векша, векоша), ногата, резана, лобки (лобцы), мордки (морды), ушки (полушки), долгея, зубы и шкуры (скора, скорняк).

Профессор зоологии С. А. Усов полагает, что под мехом — денежною единицею древней Руси — нужно понимать не отдельную шкурку, а целую полость, плотно сшитую, из однородных частей шкурки животного, достаточную для одного одеяния, шубы. «Самая дорогая часть собольей шкурки, — говорит Усов, — спинка с передними лапами; из этих спинок и получается драгоценный хребтовый мех — это, по моему мнению, и есть куна по преимуществу. Вырезанная часть шкурки, т.-е. более дешевое брюшко с задними лапками, дает черевий мех — это резана. Наконец, — целый соболь с четырьмя лапами — дающий просто соболий мех — будет ногата» [2]).

---

[1]) См. *Гр. И. И. Толстой.* Монеты Псковские. СПБ, 1886. Примеч. к стр. 10 и 11.

[2]) Проф. *С. А. Усов.* Заметка о древних русских деньгах по Русской Правде. Москва, 1882, стр. 10.

Что касается отдельных мехов, то тот же автор полагает, что векша или веверица — это зимний мех серой белки, а бель — зимний мех восточного горностая. Что касается куны, то это вообще ценная шкурка выкунившегося пушного зверя, как векша вешняя — дешевая шкурка (рыжей белки) [1]).

Меха, по всей вероятности, обращались и в целом виде, и в связках («сороками»), и в виде больших полотнищ,, т.-е. отдельные шкурки или известные части шкурок сшивались вместе в один мех, как это и теперь делается скорняками. Получались, таким образом, меха «лапчатые», «хребтовые», «ногаты» и пр., т.-е. те наименования, которые сохранились в старинных документах и летописях. Мы знаем, кроме того, что одна «ногата» больше одной куны, что дает основание думать, что это был мех составной. Быть может, встреченное затруднение при обращении целых мехов в целях мелочного торга заставило обратиться к мысли резать их на части, откуда произошли наименования — резаны, мордки, лобки и пр. Это отчасти подтверждается интересными этнографическими изысканиями Русского Географического Общества, произведенными на северном Урале [2]). Здесь

---

[1]) «Мы знаем, что все пушные звери весною теряют большинство подпушки, и мех летний по ценности несравненно ниже зимнего. Осенью пушные звери линяют во второй раз — и тут-то приобретают они ту подпушь и ту длину ости, которые придают меху его ценные качества. На языке промышленников и охотников, пушные звери (от зайца, белки, волка до соболя и куницы) не линяют осенью, линяют они лишь весною, а осенью кунятся, — и зверь, по окончании линьки, называется выкунившимся. Куниться, выкуниваться — все слова одного корня с словом куна и даже, вероятно, происходят от последнего Думаю, что, более нежели вероятно, под словом куна должно разуметь ценную шкуру уже выкунившегося пушного зверя. Зверь пушной по преимуществу есть соболь (или, как мы видели, куница), и как скот, по преимуществу есть рогатый скот, т.-е. бык и корова, а не овца (хотя тоже с рогами), так и куна — зимний мех главного пушного зверя, т.-е. соболя и куницы. Последнее название и происходит от слова куна.

В противоположность лучшему меху, самый дешевый, плохой мех — вешний. Думаю, что таким же путем вешний мех, вешка, а с перестановкою букв — векша, стало названием летней, ничего почти не стоющей шкурки рыжей белки. Потом уже рыжая белка и сама стала называться векшей».

[2]) См. Записки Императорского Русского Географического Общества, кн. VI, стр 322.

рассказывается, что у самоедов и остяков, живущих близ города Березова, единицей их денежной системы служит рыба — мускун (маскун или muskun). За 30 мускунов дается один песец или, что тоже, 20 лапок песца. Так как самоеды и остяки ведут торг с русскими в городах Березове, Обдорске и др., то система их приравнена к русской денежной системе. Именно ко времени наблюдения, а это было в 30-х годах XIX века, один мускун равнялся 10 копейкам ассигнациями. Таким образом получалась следующая денежная система: 1 мех песца = 20 лапкам песца = = 30 мускунам = 3 рублям ассигнациями.

Отсюда ясно, что мех может быть дороже металла; в частности один песец (мех сравнительно дешевый) равен от одного до двух металлических рублей. Нечего и говорить про меха куницы или соболя, во все времена высоко ценившиеся. Сохранилась скала уплат истца в суде по законам Казимира Великого, польского короля, согласно которой мех оценен несравненно выше, чем металлические монеты «гривна» и «грош».

То же отношение несомненно имело место и в древней Руси. «Болгары, — говорит арабский путешественник по России Ибн-Даста, — народ земледельческий и возделывают всякого рода зерновой хлеб, как-то: ячмень, просо и др... Хозары ведут торг с болгарами, равным образом и Русь, привозят к ним свои товары. Главное же богатство их — куний мех»... «Своей чеканной монеты,—прямо указывает далее тот же автор,—у руссов нет. Звонкую монету заменяют им куньи меха. Каждый мех равен $2^1/_2$ диргемам. Крупные серебряные диргемы приходят к ним из стран мусульманских, путем мены на их товары».

Итак, вполне ясно, что мы имеем здесь дело с обращением меховых ценностей, уже получивших металлическую оценку. Конечно, наименования предметов, служивших деньгами, переходили на равноценные им денежные знаки. Отсюда позднейшие наименования серебра разного веса меховыми ценностями.

Так, напр., Лапландское слово «рага» (шкура, мех), — говорит проф. Каченовский, — перешло к Финнам в значении денег, таким образом куньи шкуры дали повод к наименованию кунами ходячей мелкой монеты. «Время сокрыло от нас любопытную эпоху

сего превращения шкурки в монету, равно как и многих других перемен и превращений, имевших продолжительные следствия, но тем не менее достоверно событие, когда признаки очевидны. Названия зверка, куницы или куны (киниа или кина) на славянских наречиях везде сходны между собою. На славянской же земле в латинском документе XIII века (булла папы Григория IX 1232 г.) приказывается платить духовенству хлебом, а не кунами или белками» [1]). «Не подлежит никакому сомнению, — говорит тот же автор, — что немцы называли кунами уже монету, а не шкуру кунью, не Marder, тем более, что грамотным из них должны быть памятны древние куны или хунны Салических Франков. Эти chunnae некогда заключали в себе известное количество солидов и динариев, налагаемых судебным приговором на виновного [2]).

Все вышеизложенное убеждает нас не только в наличности в свое время у нас меховых денежных ценностей, но и в общераспространенности этого явления. Конечно, отсюда нельзя делать вывода, что все наши древние денежные ценности кунной системы были мехами и что все денежные ценности, носящие наименование мехов и кож, и в действительности являлись таковыми. Между тем, это, по своему роковое, обобщение и сделали представители меховой теории, что конечно, не могло не повести к ее энергичному опровержению. Развитие меховой теории коренилось в «свидетельствах современников» О существовании меховых денег прямо говорят еще Ибн-Даста, Ибн-Фоцлан и Рубруквис [3]), а позднее писатели XVI и XVII вв. Так, известный в свое время знаток русских древностей—протоиерей Григорович утверждал, что в Новгороде в 1410—11 году торговля была меховая, причем вещи для показания их цены клеймились куньими мордками, и что в том же году были введены литов-

---

[1]) См. *Каченовский, М. Т.* Кожаные деньги. Москва, 1849, стр. 72.

[2]) См. *Каченовский, М. Т., проф.:* «Кожаные деньги», в сборн. «Два рассуждения о кожаных деньгах и о Русской Правде». Москва, 1849, стр. 73 — 74.

[3]) *Рубруквис* посетил Россию в 1253 году; на его свидетельстве и базирует Карамзин (т. I, прим. 524). См. также *Вильгельм де Рубрук:* Путешествие в восточные страны, пер. А. Малеина. Спб., 1910.

ские гроши и немецкие артуги, а для внутреннего употребления «куны были заменены беличьими лобками» [1]).

Гипотеза о циркуляции в древней Руси меховых ценностей в качестве денег нашла себе подтверждение в явлении более позднего времени, прежде всего в определенных указаниях на возврат к такого рода деньгам.

Под влиянием развившегося в XVIII веке бумажно-денежного обращения была придумана своеобразная циркуляция кожаных денег, снабженных особыми государственными клеймами, в качестве особых кредитных билетов. Такое же сближение куньей системы с государственными кредитными знаками делал знаменитый «историограф» Карамзин. Он объяснял: «Славяне российские, — говорит он, — ценили сперва вещи не монетами, а шкурами зверей, куниц и белок: слово куны означало деньги. Скоро неудобство носить с собою для купли целые шкуры подало мысль заменить оные мордками и другими лоскутками куньими и бельими. Надобно думать, что правительство клеймило их (?!) и что граждане сначала обменивали в казне сии лоскутки на целые кожи» [2]). В другом месте (том V) Карамзин говорит: «Наконец мы столько имели серебра, что могли отменить мордки и куны, древние наши ассигнации (?!), бывшие не менее пятисот лет в обращении и весьма полезные для успехов промышленности за недостатком в металлах» [3]).

Ревностным защитником меховой теории был профессор

---

[1]) Ср. *Мрочек-Дроздовский*: Опыт исследования, стр. 44 и 162.

[2]) *Карамзин:* История Государства Российского, т. I, гл. X. В другом месте (примеч. 298-а I тома) Карамзин говорит «... как ходячая монета древних Россиян была действительно не серебряная, а кожаная»...

[3]) Происхождение кожаных денег Ланге усмотрел в старинной древнерусской дани и предположил, что лицу, уплатившему дань, выдавался в виде удостоверения кусок принесенного им меха: головка зверя, «мордка» с ушами или без них. Приемщики дани ставили, по Ланге, особое клеймо князя. Получились не кредитные билеты, а «подлинная настоящая монета». *Ланге:* «Исследования об уголовном праве Русской Правды» в Архиве Калачева, т. I, стр. 49, а также стр. 25—36, 44—46, 48—54. К этому примыкают *И. Бекетов, барон С. де-Шодуар* и *В Н. Лешков* в своем «Обозрении русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен».

Никитский [1]). «Куны, — говорит он [2]), — были не денежными знаками, а денежными суррогатами, они не были простыми лоскутами кожи, а настоящими мехами, имевшими свою рыночную ценность».

Меховая теория неограниченно царила до конца 40-х годов 19 столетия, хотя имелись и другие объяснения кунной системы. Подорвало научный престиж меховой гипотезы [3]) замечательное сочинение даровитого ученого Каченовского, вышедшее в 1849 г. («О кожаных деньгах»).

Итак, с конца 40-х годов выступает на сцену другое объяснение кунной системы, именно «металлическое». К нему мы и обратимся.

II. Куна — металл.

Согласно металлической гипотезе все раньше упомянутые мордки, резаны и куны были нечто иное, как металлические ценности, а «меховые и кожаные деньги» — плод досужей

---

[1]) Из других защитников этой теории, нами раньше не упоминавшихся, следует отметить еще Рейхеля, Соловьева, Заблоцкого, Шуберта и Орешникова.

[2]) *Никитский.* Экономический быт Великого Новгорода, стр. 101 и следующ.

[3]) Каченовский стал на металлическую точку зрения. Приверженцами его теории были: Френ, Круг, Строев, Казанский, Куник, Иверсен, Савельев, Погодин, Сонцев, Бартоломей, Прозоровский, Забелин, Мрочек-Дроздовский, Чернов, Череннин, Марков, гр. И. И. Толстой и др. Историческая справедливость требует указать, что задолго до Каченовского металлическая теория была уже формулирована Успенским в его «Опыте повествования о древностях русских» (Харьков, 1818 г.). «Может статься,—говорит Успенский,—что вскоре по основании монархии и употреблялись вместо денег звериные кожи и даже лоскутки сих кож. Весьма вероятно предполагать можно, что упоминаемые в летописях наших, напр., бельи лобки и куньи мордки суть не части сих зверьков вещественные, как многие сие утверждают, почитая оные, якобы по неимению вещественной или действительной монеты, за настоящие или подлинные лобки и мордки, но звания особых и ценою различных монет с изображением оных частей или самых зверьков в малом виде, а потому, хотя монеты сии были и металлические, но или удерживали старинное название или именованы так по находившимся на них изображениям». *(Успенский.* Опыт повествования и пр., 1818 г, стр. 664).

фантазии и плохого знакомства с историческими документами. «Басня о кожаных деньгах, как государственной монете, — говорит приверженец второй теории, Каченовский, — с древних времен владела умами писателей чужих и наших, и мы, вслед за ними, точно как бы околдованные каким-нибудь безжалостным чародеем, толковали о кожаных лоскутках, о беличьих лобках, о куньих мордках» [1]).

Так как металлические деньги повсеместно употреблялись на вес, то и у нас они выделывались из серебра и взвешивались старинною весовою единицей — гривною. Так, например, несколько кун мелких монет, равнявшихся по весу гривне, или кусок серебра соответствующего веса назывались гривною кун [2]). Это название употребляется в древних документах вплоть до XV века. При этом различались куны «*новые*» и «*старые*», т.-е. куны нового литья и куны старой чеканки. По Каченовскому, наши металлические деньги выделывались из двух сортов серебра, хорошо известных и средневековой Европе, а именно — из серебра *белого и черного* (argentum album и argentum nigrum). Черное серебро, по его мнению, называлось в России *куной* (мех куницы темного цвета), а белое — *белкою* [3]). Это различие отнюдь не особенность одного только русского языка. То же тождество двух наименований металла и меха наблюдается и у других народов. Римские монеты asperioli, перешедшие потом в Византию, следы которых видны и доныне в турецких асперах, назывались в средние века aspra, asperi. В то же самое время asperiolus и aspra означают также и животное белку. Двойственность этих названий, хотя и в других комбинациях («белый» и монета, и пр.), встречается у народов востока. Металлическая теория подкрепляет свои суждения весьма вескими историческими

---

[1]) *Каченовский:* Рассуждение о кожаных деньгах, 1849, стр. 8.

[2]) *Казанский, П.:* Исследования о древне-русской монетной системе в XI, XII и XIII ст. Записок Имп. Арх. Общества, т. III.

[3]) Например, посол кн. Данилы Костянтин собирает у ятвягов «черные куны и бель серебро» (Полн. Собр. Рус. Летописей, т. II, 194). В летописи под 1066 годом есть следующее место: «Двор же княж разграбиша бесчисленное множество злата и серебра кунами и белью». *(Соловьев:* История России, т. III, гл. I, стр. 715).

доказательствами. Последние распадаются на несколько групп. Во-первых, во всех исторических документах, где говорится о скоте, кунах и пр., всегда параллельно делаются прямые неоспоримые указания на металл. Так, напр., если в летописи Нестора говорится, что князь Олег собирал подать с каждого жителя Древлянского племени по одной *черной куне*, то там говорится, что тот же князь взял с каждого Радимича по щьлягу или щелягу (шеллингу, солиду). Славяне одно время уплачивали хозарам дань «по щелягу с рала». Если в Лаврентьевской летописи говорится, что новгородцы собирали с каждого мужа по 4 *куны*, то через несколько слов далее говорится, что со старост нужно брать по 10, а с боярина по 18 *гривен*. В летописи рассказывается, что Владимир Мономах, желая при одной торжественной процессии очистить дорогу духовенству, бросил в народ, для его отвлечения, различные драгоценные, по тому времени, материи («поволоци») и «белку». В Киевском списке добавлено характерное разъяснение переписчика: «что то же»—*серебренники*.

Во французской нумизматике, напр., встречаются монеты moutons (бараны) и lions (львы). В одном документе XII века 4 гривны кун пояснены переписчиком добавлением слов «или пенязи», которыми к тому времени стали называться у немцев прежние динарии. Представители металлической теории опровергают меховую тем соображением, что если бы все упоминаемые в источниках куны и белки были бы действительно мехами, то получились бы крупные несообразности. Так, за взвешивание гривны полагалась одна ногата, а за взвешивание гривны серебра—две векши. Очевидно, что ногата значительнее двух векш, так как всегда мех был дешевле серебра. Между тем, при постановке вместо векш и ногат настоящих мехов,—один абсурд [1]). И примеров таких несообразностей довольно много. Далее, защитники металлической теории думают, что нет никакого основания бояться признавать за «куницами» и «белками» металлическое значение, в виду тождественности, двойственности названий монеты

---

[1]) Ср. *Прозоровский, Д. И.*: «О кунных ценностях» Сборник Археолог. Института, т. IV. Еще раньше, не менее определенно, он высказывался в своей книге: «Монета и вес в России до конца XVIII столетия». 1865 г.

и цвета в других языках [1]). К этому, с своей стороны, мы можем добавить, что нет никакого основания не признавать за «куницами» и «белками» металлических ценностей в виду сравнительно значительного обращения в древней Руси драгоценных металлов [2]). Название монет по их внешнему виду было всегда в обычае. Так, в средние века монеты часто вообще назывались или по их размеру: долгие или короткие, большие и малые, или по цвету: белые и черные. И теперь еще в Австрии разменная монета в $^1/_{200}$ гульдена зовется *светлою* («Heller»), а в России бумажные деньги в разговорной речи носят названия по цвету своей окраски. Так, например, при старом режиме народ словом «канарейка», «желтая» — обозначал 1 рубль, «зелененькая» — 3 р., «синенькая» — 5 р., «красненькая» — 10 р., «радужная» — 100 р. Новейшие греки asper'ами (белками) называют мелкую монету белую или серебряную, на которую мастера монетного дела обменивают большую серебряную или золотую монету.

При этом, по-гречески вообще деньги (монеты) называются ἄσπρος и λευκός, что также значит «белый». То же и по-татарски. Там серебряные деньги—*тетари* (tetari)—значит «белый». То же и по-джагатайски: tengh обозначает и белый цвет и белую монету [3]). Эта аналогия цвета и монеты настолько укоренилась в средневековых понятиях, что на одной монете того времени было просто обозначено albus (белый). Эти белые монеты, описанные у Иохима, не что иное, как немецкие Witten или Weiss-pfennige, именем

---

[1]) *Беляев, И. Д.:* Очерк истории древней монетной системы на Руси; также его: «Били ли на Руси монету до XIV столетия?» (См. «Чтения в Императ. Обществе Истории и Древностей Российских», № 3, стр. 6 Москва, 1846 г.).

[2]) Собственно обращалось почти исключительно серебро, которое добывалось и в пределах России, о чем свидетельствует, помимо археологов, и *Марко Поло,* кн. III, гл. 50.

[3]) *Тетари* по-мингрельски значит деньги; слово это означает собственно только белый цвет и первоначально было присвоено серебряной монете, которая, как известно, белого цвета. Греки также имеют монету, называемую аспром, т.-е. белою. Турки—akria,—тоже белый; джагатаи—тонг, белый. Итальянцы имели прежде бианки, а у испанцев они сохранились и поныне. См. сочинения *Иосафато Барбарини* (XV в.) См. Библиотека иностранных писателей о России, т. I, стр. 47.

которых назывались лучшие серебряные монеты, чеканенные без большой примеси неблагородных металлов [1]). Так же точно было и во Франции. Там известны старинные монеты: gros blanc, grand blanc, obole blanche, blancs, blancs à la couronne [2]). Каченовский приводит ряд идентичных примеров для польских и австрийских славян. «В Богемии, — говорит он, — белыми пенязями (pennız bjely) назывались те, которые были лучшей пробы и в которых находилось больше серебра; а худые, содержавшие в себе большую часть меди, назывались черными. У австрийских Виндов белиш, белый (belizch) значит пфенниг, а пол-белиш (pou-belizch) — хеллер, светлый. В Польше также весьма точно понимали различие между монетою хорошего качества и худого. В Польше, на Волыни и на Подлясьи, именем белых и белок назывались монеты металлические. В словаре Кнапского [3]) написано: «Как беличьими шкурками собираема была дань, то они получили ценность монеты, и белки значат также монету, стоющую два пенязька». Далее в «Собрании польских законов» написано: «От кварты «горелки» (взимать) по четыре пенязя, а на Волыни и на Подлясьи по две белые». «Оттого-то и Линде,—говорит Каченовский,—слово bilonowy (сдаточный, разменный), толкует следующим образом: «od bili, czyli bieli, bielki, monety drobney». Но не одни белки и куны ввели, по мнению защитников металлической теории, в заблуждение нумизматику. Другие единицы «кунной» системы, как «бельи лобки» и «куньи мордки», привели к созданию меховой теории. Беличьи лобки вводятся в меховую систему представителями меховой теории на основании уже упомянутого знаменитого места Новгородской летописи, где говорится, что в 1410 году новгородцы оставили куны и начали торговать между собою лобцами, грошами литовскими и артугами немецкими; другими словами, циркуляция серебряных слитков (гривен — кун) сменилась обращением среди новгородского населения иностранной чеканной

---

[1]) См. *Jochim.* Sammlung von Deutschen Münzen, 1753, стр. 124.

[2]) Ср. *Куник:* О русско-византийской монете, стр. 84; *Беляев:* Били ли на Руси монету до XIV стол. «Зап. Импер. Археол. Общ.», т. V, стр. 324.

[3]) *Knapsky:* Thesaurus et cet. Cracovia, 1641. Цит. у *Каченовского,* в примечаниях.

монеты. Это явление наблюдается во всех малокультурных странах, не имеющих собственной чеканки, как, напр., в Румынии до 60-х годов XIX столетия. Все такого рода «старые» или худые монеты очень редки. «Во всех минц-кабинетах, — подтверждает Никитский,—дорожат монетами известного достоинства, хорошо сбереженными, которые имеют на себе признаки места и времени; прочие—до чрезвычайности разнообразные шиллинги и пфенниги «подлого качества»—исчезли: перелиты и растерялись» [1]).

Итак, по приведенным соображениям, куньие ценности представляли собою металлические единицы [2]).

Мы полагаем, что перед нами два совершенно верных, но не взаимноисключающих, а взаимнопродолжающих объяснения. Меховые деньги эволюционировали в металлические «куны», заменились серебром.

Действительно, меха играли видную роль в народном богатстве древней Руси. Дань, налоги и товары измерялись «сороками» соболей, мехами куньими, беличьими и иными, о чем имеется ряд прямых свидетельств в наших памятниках. Достоверные свидетельства иноземцев подкрепляют, а справки из истории культуры и этнографии подтверждают аналогические явления у других народов. При этом перед нами явление, не исключительно имевшее место в «седой мгле времен». Факт существования меховых денег можно проверить и в настоящее

---

[1]) «В нумизматических книгах, однако же, можно видеть изображения шиллингов и пфеннигов, даже брактеатов. Что же касается до нашей мелкой монеты, то, не зная, где найти куны, можем указать на медные пула новгородские, тверские, кашинские, московские, разной величины, с разными фигурами на них и надписями. Бытие сих монет простирается в историческую даль до XIV века и между ними есть пуло Тверское с изображением на одной стороне бычачьей морды с рогами. Возможно, что и они назывались в древней Руси мордками и даже кунами». Ср. *Сонцев:* Деньги и пулы древней Руси. О том же можно найти указания и в нумизматических трудах бар. Шодуара и Черткова; о том же свидетельствует Герберштейн и Гваньини. Повидимому, названные нумизматы дали Никитскому основание искать металлические куны в медных пулах.

[2]) См. *Черепнин, А. И.*: О гривенной денежной системе по древним кладам. М., 1900 г., стр. 40 и след.

время. Помимо упомянутого уже Гудзонова залива, у нас инородцы Сибири до сих пор платят свою подать (так. называемый «ясак») русскому правительству именно мехами, а из сохранившихся, сравнительно не старых, документов видно, что послы московских царей снабжались при путешествиях преимущественно соболями, которые всюду находили себе сбыт, равный сбыту монеты, т.-е. служили деньгами. Этот факт наблюдается в истории и других славянских народов. Так, польский король Казимир Великий в XIV веке постановил, что при апелляции на решение суда необходимо предварительно поднести: кастеляну краковскому мех горностая, кастеляну сандомирскому и люблинскому — меха куницы, помощникам судей — меха лисицы, младшим чиновникам—по 6 гривен, а помощникам последних и другим чиновникам—по 6 скотов, т.-е. по 12 грошей. Меха и деньги (гривны и гроши) в случае неправильного решения первой инстанции возвращались истцу. В области литовского и польского права существуют известия, что при заключении брака взимался мех куницы. Она носила специальное название «свадебной куницы» и впоследствии была заменена денежным сбором. Старое название удержалось за этим видом налога, и в документах XVI столетия встречается выражение заплатить «свадебной куницы»— двенадцать грошей. Кроме «свадебной» куницы, существовали еще куницы: «выводная» и «мировая». Первая платилась за право выхода из подданства, вторая — при заключении мира. Отсюда ясно, как сложились в Белоруссии, бывшей под польско-литовским владычеством, названия «куничник» и «черно-кунцы». Это наименование было, по всей вероятности, присвоено особой группе сельских обывателей, плативших подать «куницею». Мы уже говорили, что свидетельства иностранцев о существовании меховых денег в древней Руси более, чем многочисленны [1]). Сохранились такие свидетельства и в истории дру-

[1]) Так, *Герберштейн* говорит: «ante monetam proboscide et auriculis aspreolorum aliorumque utebantur» (см. Rerum Moscov. Commen., лат. изд, стр. 42); *Гваньини* пишет: «ante usum vero monetae aspreolarum aliorumque pellibus utebantur» (см. Rerum Moscoviae Auctores varii, стр. 158). Защитник металлической гипотезы *Качеповский* опровергает верность показаний Герберштейна и Гваньини на том основании, что они, по всей вероятности,

гих славян. Король Венгерский Андрей издал в 1222 году декрет, из текста которого явствует, что Король Карломан собирал с подвластных ему славян особую дань—куний мех. Эта подать называлась «бонзольмора», что по-венгерски значит «куница». Существуют аналогичные известия для ряда других европейских стран. А именно следующих писателей: Жан де-Ипрес—относительно Людовика IX Французского; Гвидо Папа—о XIV веке во Франции; Антонина Флорентийского—о Фрид-

---

«начитались (де) Ливонских и Польских историков». Такое соображение неосновательно. О меховых деньгах рассказывает также и такой солидный хронист, как *Матвей Стрыковский:* «Перед тем частками сеченого злата и серебра, таже кожицами куньими, бельими, лисьими и прочего зверя товарами противу разных замен Поляки, Русь, Литва и Мазуры обыкли бяху купли свои совершати». (Литовская хроника, кн. X, гл. 4. Старорус. перев., цит. по *Карамзину,* см. т. I, стр. 524). *Шильберт Ланнуа:* Путешествие в Россию (1412—1414 гг.), говорит «est leur même monnaie de testes de gris et martres». Затем то же говорит Рубруквис: «Pour les Russiens, la monnaie qui a cours entr'eux, est de petites pièces de cuir, marquetées de couleur».

Возражения Каченовского против Рубруквиса состоит в том, что он на Руси не был, а «видал Русских только в стане Монгольском на Волге и при дворе Хана». На таком основании следует отвергнуть и Геродота, и свидетельства Ибн-Фоцлана о русских, виденных им в Итиле, и ряд других проверенных исторических свидетельств. Впрочем, и сам Каченовский не решался вполне отрицать существования меховых денег. «Невозможно,—говорит он,—отрицать того, что звериные кожи, или меха (пушной товар), будучи главным произведством страны еще мало населенной, покрытой лесами, скудной дорогами и металлами, невозможно, говорю, отрицать, чтобы звериные кожи, как вещество прочное, для каждого потребное, следственно заключающее в себе не мнимую, а существенную ценность, действительно служили посредствующим товаром при обмене» (стр. 15). В официальном документе—в договоре Новгородцев с Готландцами (XIII в.)—говорится: «quilibet lodia dabit nectoribus III panes et unam scutellam butiri, si panes haberi noluerint, dabuntur eis pro quolibet, pare duc Cunen et pro butiro III capita martorum». Точно также, по догадке Гаммера, у араба Ahmed'a de Thous· Adjaïboul Mahloukat (см. *Hammer:* «Sur les origines russes», С.-Петербург, 1825, стр. 37 и 101). Ахмед из Туса писал: «И у русских кожаные деньги — шкуры белок (серых), а не диргемы и кожи без меха (шерсти) с передними и задними лапками и когтями; если что либо из этого недостает у кожи, то она считается испорченной и не вывозится как товар. Употребляются здесь слитки определенного веса».

рихе II; Архидиакона Гнездинского и Меховия Краковского («Меховского») — о Польше XI и XII вв. Архидиакон Гнездинский о Польше XII в. говорит: «ubi prius cum nigro argento et pelliculis de capitibus aspergelliis graviter farisabant». Матвей Меховский (Miechoviae) сообщает, что в 1298 году пражские гроши заменили в Польше шкурки с головок и лапок белки «pelliculis capitum et extremitatum asperiolorum». Нейштедт, писавший в XVI веке Ливонскую хронику, говорит, что когда Бременские купцы начали торговать в 1184 году с Ливонией, то застали здесь употребление беличьих ушек, украшенных серебряными гвоздиками, в виде монеты. Сами названия денежных ценностей: векоши, веверицы, куны, белки, лобки, ушки, мордки, обеушные мордки, ногаты, скора ногатая — показывают, что все они происходят от мехов и шкурок. Таким образом существование меховых ценностей в древней Руси не подлежит сомнению.

Киевская Русь в древнейший период своей истории несомненно имела дело с мехами. Проповедник той эпохи, в слове на св. Четыредесятницу, осуждая богатство, прямо говорит, что в землю скрывают «куны и порты (т.-е. платье) на изъядение моли».

Итак, можно считать вполне доказанным наличность обращения в древней Руси мехов в качестве денег и признать для ранней эпохи товароденежного обращения меховую теорию верной.

Что же касается металлического объяснения, то тут все данные, начиная от общих соображений Каченовского, кончая теми многочисленными фактами, которые приведены в следующей главе, также бесспорно указывают на обращение в древней Руси металлических кунных ценностей — металлических денег, воспринявших эквивалентные им по ценности меховые наименования. Таким образом, в роли денег мы имеем и меха и металлы, две, так сказать, валюты: меховую и металлическую. Правильность этого мнения подтверждается наличностью двойных расчетов. В. О. Ключевский приводит один документ XII века, где говорится: «а пять ногат за лисицу, а за три лисицы—40 кун без ногаты» [1]) а дальше «за 2 лисицы—22 куны».

[1]) *Ключевский, В.*, — Курс русской истории, ч. I, стр. 266.

Отсюда ясно, что одна ногата равнялась в XII веке $2^1/_2$ кун. В «Русской Правде» также несколько соотношений между обеими валютами. Так, здесь устанавливается добавочная пошлина к судебным пеням в 5 кун, а именно «на мех две ногаты». «Это значит, — говорит тот же историк, — что 5 металлических кун могут быть заменяемы двумя меховыми ногатами. Итак, мех-ногата равнялся $2^1/_2$ металлическим кунам» [1]). Такое же соотношение встречалось и у волжских болгар.

Общий ход событий подсказывает нам соотношение мехов и металлов в древнем хозяйстве. Бесспорно, меха были формою более примитивною, а следовательно, и древнею, металлы — позднейшею, пришлою. Металлы на общем основании вытеснили меха, удержав и наименования и известную скалу ценностей предыдущей системы [2]). Обе системы, оказавшие одна на другую историческое взаимодействие, как бы служили отражением борьбы денежного хозяйства с натуральным. По мере роста торгового и политического значения России, натуральное хозяйство уходило вглубь страны, и связанная с нею меховая система отходила в область переживания. Но стоило только экономической неурядице выступить на сцену, как первобытная система вновь выплыла на первое место. Так, в конце XVII столетия при Петре I вновь появились кожаные, уже за несколько веков до этого исчезнувшие, деньги. Это интересное возрождение произошло следующим образом: когда в 1663 году от медных денег правительство перешло к серебряным, то население за недостатком монеты начало прибегать к изобретению нового вида разменной монеты. В обращении появились половины и трети рассеченной серебряной копейки, в Малороссии появились медные монеты соседних стран, в Калуге и других городах — «кожаные и иные жеребья». Чтобы положить этому конец, Петр Великий издал 10 марта 1700 года указ, восстановивший медное обращение. Новые монеты вводились, согласно указу, с тою целью, чтобы в городах, за уменьшением серебряных денежек, «копеек не

[1]) Тоже, стр. 266.

[2]) Точно также старые формы быта отразились только на легендах монет, изображавших зверей. См. Нумизматические атласы *Черткова, Толстого, Долгорукова* и других.

секли» и «кожаными и иными жеребьями» не торговали [1]).

Эти «жеребья» видел впоследствии в Калуге Карамзин [2]), не оставивший, к сожалению, их описания. У Черткова и барона Шодуара, двух солиднейших русских нумизматов, приведены и рисунки кожаных денег. Чертковские рисунки, к сожалению, без объяснения и с одною только надписью: «кожаные деньги» [3]). Барон де-Шодуар [4]) также опубликовал пять изображений кожаных денег или «значков», как они у него названы.

При этом барон Шодуар сообщает следующие любопытные сведения: «М. Н. Макаров сообщил в статье «Русские предания», напечатанной в «Московском Наблюдателе», ч. XII, сего 1837 г., на стр. 504, сведение, что в бывшей Александровской слободе (ныне с 1778 г. уездный город Александров Владимирской губ.), существовала некогда мастерская для делания

---

[1]) См. «Российский магазин» Ѳ. Туманского, часть 2-я, за 1793 год, стр. 307.

[2]) «Ходячая монета древних Россиян была действительно не серебряная, а кожаная (т. I, прим. 298). В Девичьем Александровском монастыре, во Владимирской губ., еще недавно хранились в бочонке вместе с другими старинными вещами многие кожаные лоскутки, внесенные в опись монастырскую под именем кожаных денег; я с любопытством рассматривал оные. Некоторые такой величины, другие менее; на первых изображен крючок, на вторых звездочка. На одном — напечатано слово Кудма: так именована в Большом Чертеже река, впадающая в Северную Двину, недалеко от нынешнего Архангельска (следовательно в древней Новгородской области). Сии лоскутки—бесполезные, кажется, для всякого иного употребления—действительно могли быть монетами: но каких времен? Указ Петра I, 1700 года, марта 8(10?) (данный из приказа Большой Казны), свидетельствует, что и в это время еще ходили кожаные деньги в Калуге и в окрестных областях. В воронежском цейхгаузе хранились — думаю, хранятся и ныне—мелкие и кожаные монеты: Царь и Великий Князь Иван (см. *Шлецер:* Nestor's Jahrbücher, стр. 58)».

[3]) *Чертков, А.:* Описание древних русских монет. Москва (тип. Селивалова), 1834 г. (рисунки на обложке).

[4]) Барон *Станислав де-Шодуар:* Обозрение русских и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Перевод с франц. В. А. С.-Петербург, 1837 г., т. III. (Собрание изображений). О кожаных деньгах говорится у него в примечании на стр. 23.

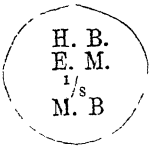
кожаных государственных ассигнаций. Около 1807 года там можно было еще видеть несколько инструментов у александровских жителей. Г. Макаров сам видел несколько таких денег, которые иные называли ушками, а другие как-то иначе». Затем де-Шодуар добавляет: «Александровский исправник В. Н. Бариков доставил 5 или 6 образцов таких знаков бывшему Владимирскому гражданскому губернатору князю И. М. Долгорукову. Говорили, что такие деньги выдуманы царем Грозным. Доставленные Бариковым были сделаны из тонкого темного сафьяна; цвета отгадать нельзя, вид их — неправильный четвероугольный и больше обыкновенных (?) ассигнаций: одна из них была с бордюром (каймою) на лицевой стороне, а на другой стороне надпись: за рубль плата. Прочие слова не разбирались, тут каймы не было, а полагалось клеймо, вроде печати с двухглавым орлом. Делались еще и такие сего ж рода ассигнации (знаки), на коих плата не означалась, а вся их ценность (valeur) заключалась только в цифре и клейме с государственным гербом. О сей мастерской не упомянуто ни в Географическом словаре Щекитова, ни в Энциклопедическом Лексиконе».

Установить в точности соотношение ценностей меховой системы между собою теперь невозможно. Повидимому, основною единицею был куний мех, затем частями системы служили части меха; к одной из последней приравнивался мех беличий. С появлением в обращении металла, который легче поддавался дробному учету, соотношения были определены на металл, как это имело место в сходной, изложенной выше, системе древне-ирландской. Поэтому, части металлической (гривенной) системы получили меховые наименования. Такой перенос названий, как мы видели,—явление обычное.

Можно привести еще один интересный пример из области соотношения. мехов и металлов, наблюдавшийся мною лично в Канаде зимою 1907/8 года.

Здесь в пределах грандиозной территории, которою фактически владеет всемирно известная Компания Гудзонова Залива, Hudson Bay C^{0}, издавна циркулирует своеобразная монета, изготовляемая администрацией Компании; эта монета — знак, служа-

щий здесь для расплаты, — имеет строгое соотношение с циркулировавшими здесь ранее мехами бобра. Монеты, циркулирующие здесь, имеют три достоинства: вполовину, четверть и в одну восьмую бобрового меха. У меня в руках была монета в $^1/_8$ бобровой ценности. На одной стороне ее стоял герб Гудзоновой Компании, а на другой—один под другим, — следующие знаки:

——— Диаметр действительной величины.

НВ—Hudson Bay C°.
Е. М.—Инициалы директора.
$^1/_8$—Размер стоимости.
М. В.—Mead Beaver (Бобер).

Монета Гудзоновой Компании.

Возвращаясь к вопросу о кунах и их постепенной замене металлом, нельзя не проследить исчезновения самого выражения куны.

В XII в. о металле еще нет речи; он появляется впервые в XIII столетии, когда оба выражения, куны и серебро, естественно попадаются еще вперемежку, хотя второе, серебро, еще редко [1]). «Все изучавшие памятники древней русской письменности», — полагает проф. И. И. Кауфман, — «хотя и отлично знают факт употребления слова серебро в смысле денег, но не приводят этого факта в связь с переходом от употребления слова куны к употреблению слова «деньги» [2]). В XIV и XV веках наименование денег серебром — обыденное явление В XV веке появляется уже и современное наименование — деньги [3]).

---

[1]) Наприм., «Ехав же Костятин, поима на них черные куны и бель серебро» или «Повелеша на новгородских сребро имати, а на волостех куны брати» (Из II-го тома Полного Собрания русских летописей).

[2]) *И. Кауфман:* Серебряный рубль в России. СПБ., 1910 г., стр. 2.

[3]) Нумизматические сочинения в России многочисленны. *Круг:* Критические розыскания о древне-русских монетах, 1807 г. — *Мальчин, Т.*: Опыт исторического исследования о древности монет в Российском Государстве. 1810 г.—*Френ* (Frähn), De origine vocabuli Rossici: Деньги. 1815. — *Каченовский:* О кожаных деньгах. Москва, 1849. *Заблоцкий:* О ценностях в древней Руси. СПБ., 1854. — *Сонцев, Д.*: Деньги и пулы древней Руси. М., 1862 (с приложениями). Ценные сведения можно найти в нумизматических тру-

Итак, мы получили три этапа развития: 1) денег-скота, 2) меховых денег и 3) примитивных металлических кунных ценностей с меховыми наименованиями.

Эта «эволюция» или исторический процесс развития был сравнительно непродолжителен: он занял не более четырех столетий нашей первоначальной истории.

ГЛАВА II.

Развитие металлического обращения в древней Руси.

Итак, мы видели, что Киевская Русь IX — XI веков уже знала металлическое обращение; единицы металла к этому последнему времени вытеснили деньги-скот и деньги-меха (куны). Усвоению оценки обращавшихся ценностей на металл способствовала наличность в стране монет тех государств, где денежное обращение достигло более высокой степени развития. Но циркуляция на Руси иноземной монеты, особенно восточных диргем, считавшихся, как мы выше видели, на вес, не сразу привело к медальной монете. В эту эпоху в Киевской Руси шло развитие своей собственной металлической денежной системы. Система эта — *гривенная* — первоначально и счетная и весовая. Гривны — серебряный слиток — общеславянская мера, которую знают от муромских лесов до Карпат и от Москвы до Праги.

Из крупной гривенной единицы с течением времени развивается новая, мелкая — *рублевая*. Старая гривна приходила в соотношение еще с кунами, отсюда *гривна кун*. Новая *рублевая гривенка* развивается при новых условиях, при внедрении металлических денег и исчезновении старых систем. Эта эволю-

---

дах *Черткова, Де-Шодуара, гр. И. И. Толстого, Д. Прозоровского* (Мера и вес в древней Руси), *И. И. Кауфмана* (Русский вес, 1906), *А. Маркова* и пр. По вопросам о происхождении металлического обращения у нас писали *А. Н. Миклашевский* (Деньги, 1896) и *И. Лучицкий:* «Возникновение денежных знаков и мерила их веса», «Мир Божий», 1894 г., кн. XII. Обширные и важные сведения находятся в наших первоисточниках: летописях, договорах и пр., а также в показаниях иностранных писателей от Иордана до Рубруквиса и Герберштейна.

ция произошла не сразу. Первоначально гривна была также в реестре тех предметов первобытного уклада, которые служили деньгами. Как в современной Африке золотые обручи определенной величины служат и деньгами и украшением, так и в домонгольской Руси гривна являлась и украшением и деньгами.

1. Гривна, как украшение.

Золотые, а в особенности серебряные изделия, как и вообще благородные металлы, были заурядным явлением в пределах Киевской Руси. Уже в первых сохранившихся документах попадаются известия о ношении их в качестве различных украшений. Так в договоре 945-го года говорится, что русские послы носят печати золотые, а купцы — серебряные. То же свидетельствуют арабы, Марко Поло и др. Благородные металлы носят в виде ожерелий (гривен, цепей) серег, колец и проч. Украшение становится деньгами, хотя бы они шли на украшение идолов, а позднее — на предметы христианского культа. Золотом и серебром украшались гробницы князей, иконы, кресты, кадила и другие предметы церковного обихода. Помимо многочисленных свидетельств памятников, и самые предметы сохранились в значительном количестве до настоящего времени [1]). Они или привозились из чужих земель (Византия) или были изготовлены мастерами вроде Лазаря Богши (особенно известен его знаменитый крест св. Евфросинии, кн. Полоцкой), Макара Тишки и др.

Помимо церкви, драгоценными металлами обладали князья и отдельные богачи. Сохранились сведения о золотых и серебряных блюдах, о тельных крестах, о чашах различной величины, употреблявшихся в домах частных лиц [2]). Это подтвер-

---

[1]) Многочисленные сведения об этом рассыпаны в трудах Аристова, И. Срезневского, Муравьева, Куника, Казанского, Кеплена, Буслаева, в многотомных «Материалах по археологии России»; прекрасны рисунки гривен у *А. Черепнина:* О гривенной денежной системе по древним кладам. М., 1900 г.

[2]) См. рисунки их в роскошном издании *Сонцева:* «Древности государства Российского», в «Русских древностях» *гр. И. Толстого и Кондакова,* в «Кладах» *Кондакова,* в знаменитых «Византийских эмалях» *Звенигородского* и пр.

ждает и содержание многочисленных *кладов*, открытых по настоящее время, последнее дает еще более красноречивую картину.

Из всех этих предметов, роль менового товара приобрела *гривна*. В древней Руси употребление гривны восходит к глубокой доисторической древности, так как шейные ожерелья сопровождают все найденные остатки первобытного человека, начиная с каменного века. В музеях сохранились ожерелья (бусы) из сплава в виде стекла, глины, янтаря, раковин, зубов. К началу исторической жизни славяно-руссов, такие ожерелья постепенно отживают. Летописцы знают и гривну *металлическую* ранее 1060 г.; судя же по арабским штемпелям, гривны уже были в России еще в VIII веке.

Нет сомнения, что гривна пришла к славяно-руссам с Востока и, вернее всего, из Персии. В III веке по Р. Х. очагом цивилизации становится, как известно, Византия, развившая у себя стиль, вкусы и идеалы Персии. Отсюда были заимствованы и парадные наплечники из дорогих материй, украшенные жемчугом, драгоценными камнями и металлами. Такая полуметаллическая гривна-оплечье называлась «*манчас*». По свидетельству арабов, славяне жаждали подобного рода украшений. «Лучшее украшение у них (у руссов) зеленые бусы из глины. Они стараются всеми силами достать их и нанизывают ими ожерелье своих жен» (Ибн Фоцлан). По смерти богатого славянина в гроб клали и его «браслеты золотые» (Ибн Даста). Ко времени Марко Поло русско-славянское украшение состояло уже только из металла, т.-е. гривна вполне укрепилась. Тот же процесс наблюдается и у большинства других славян.

Драгоценные металлы обращались в киевском населении и в изделиях и прямо в виде *слитков гривен*. Они начали обращаться в VIII веке по Р. Хр., ибо древнейшие из гривен археологами найдены вместе с арабскими омайядскими диргемами VIII века. Несколько экземпляров из этих находок хранится в Эрмитаже — это слитки с пробою от 72 до 93. О том же сохранилось прямое свидетельство летописей. Так в Лаврентьевском списке 882 года сказано: «Олег устави дань даяти триста гривен». Псковская летопись под 1055 годом отмечает: «Ходи Изяслав на Ссолы и дань заповедал даяти 2000 гривен».

У перса Ахмета из Туса в его сочинении «Аджай-буль Махлукат» (1160 г.), где говорится: «и обращаются у них (русских) слитки металла определенного веса». Араб Ибн-Батура (1333), говоря об орде Джучидов, сообщает, что в орде обращается «*саум*», т.-е. серебряные слитки, на которые руссы продают и покупают. Каждый саум весом в 5 арабских уккий (унций). Эти саумы знает наша археология, и нумизмат А. К. Марков находит в русских денежных древностях подтверждение слов арабского писателя. «Так как дошедшие до нас, — говорит А. К. Марков, — экземпляры так называемых черниговских шестиугольных гривенок, обращавшихся в XIV веке в Южной России, весят от 150 до 160 граммов, а вес 5 арабских унций (по 31 грамму — унция) будет 155 грамм, то точность известия Ибн-Батуры не подлежит сомнению» [1]). О наличности гривен в населении еще позднее, а именно в XIV и XV в.в., свидетельствуют Гваньини и Герберштейн.

Иречек в своем труде: Das Recht in Böhmen und Mähren, (т. I, стр. 39) говорит: «Весом золота и серебра служила «griwna» или «marca», название, которое перешло от «*гривны-юбы*», шейного украшения или ожерелья, ставшего позднее единицею веса». Ко времени употребления гривны у славян, на Западе уже забыли об этом обычае, и неудивительно, что иностранцы обращали на гривны усиленное внимание. Ибн-Фоцлан и другие арабы отмечали эти гривны у русских купцов, заходивших к хозарам. В известной записке Фоцлана, представленной багдадскому калифу, говорится, что славяне носят на шее золотые и серебряные цепи. То же свидетельствуют и наши источники [2]). Наконец, в музеях хранятся многочисленные образцы ожерелий самых различных типов [3]). Встре-

---

[1]) *Марков, А. К.:* Русская Нумизматика. Лекции, читанные в С.-Петербургском Археологическом Институте в 1899—1900 акад. году, стр. 12.

[2]) Киевское сказание говорит о Моисее, иноке печерском, что у него был брат Георгий, слуга кн. Бориса; «на него же св. Борис *возложи гривну злата*, его же убиша со св. Борисом на Алте и главу его отрезоша, *златыя* ради *гривны*».

[3]) Главная часть гривны — спиральный круг; детали были весьма различны. Так, гривна Московского Исторического Музея (зал 4, № 556),

чаются ожерелья из одних монет, из одной только витой железной, бронзовой, бронзовой с позолоченными частями, серебряной и, крайне редко, — золотой проволоки. Имеются гривны кольцеобразные и в виде серпа. Но в общем наша народная фантазия не ушла далеко от обычных форм этого рода украшений. Наши гривны часто вполне идентичны с таковыми же «фибулами», найденными в Ирландии и в различных местах Африки и т. д. [1]).

Шейные украшения именуются в наших документах различно: гривна, монисто, барма, чепь, ожерелок, обруч и пр. Из этих наименований особенно важно значение слова *гривна*. Для объяснения его происхождения имеются три теории: Круга-Погодина, Муравьева и Куника-Казанского.

Первая — в лице Круга («Forschungen in der älteren Geschichte Russlands») и Погодина («Исследования по Русской Истории») — считает слово гривна *иноземного*, неславянского, происхождения. Гривна признается производным с норманского, а именно hring, что по-нормански значит — кольцо.

Вторая теория Муравьева («Исторические исследования о древностях Новгорода») основывается на признании известной примитивности в понятиях о мере и весе у северных славянских народов в IX и X столетиях. Муравьев думает, что для определения единицы меры в то время употреблялась «*горсть*», т.-е. то, что можно взять или захватить одною рукою. «Горсть» (горсть серебра), «горсть хлеба» и проч., — по-немецки Grif (откуда выражение Greiffige Waare), а потому горсть серебра — Grif von Silber, горсть меха — Grif von Pelz Waaren. Отсюда могло произойти и слово Grivna, которое к тому же могло, по мнению Муравьева, произойти и от слияния двух слов Grif — горсть и nimm — на, возьми (?).

Третья теория (Мрочка-Дроздовского, Кеппена, Куника, Раковецкого и Казанского) признает гривну чисто славянским

найденная в Рязанской губ., представляет из себя бронзовую шейную гривну из толстого прута.

[1]) Ср. рисунки бронзовых ирландских фибул или железных «маниллъ», служащих деньгами в территории реки Бонней (приведены на стр. 42 труда *В. Риджвея*), с нашими гривнами.

словом. Гривна по более старому начертанию «*гривьна*» («Griw'na»), что произносилось как «гривена», есть прилагательное женского рода в усеченной форме. Полная форма его — «*гривенная*». Коренное слово — существительное «грива», старинное название шеи и затылка. Теперь слово «грива» употребляется только для обозначения волос, растущих на шее лошади, и в слове «загривок» в вульгарном выражении для затылка. Тот же звук слышится и в двух старинных названиях княжеского конюшего «пригривник» и «кологрив».

Таким образом, согласно этому толкованию, «*гривная*» значит «*шейная*». Это вполне соответствует действительному значению слова гривна. Встречаются выражения, где слово гривна играет роль прилагательного, и известны выражения «цепь гривенная». Это выражение как бы снова входит в употребление, когда гривна принимает другое против первоначального значение.

Основываясь на исследованиях Погодина и Срезневского, Мрочек-Дроздовский говорит, что «цепь гривенная есть не что иное, как монисто, почему в чешских глоссах, присоединенных в разное время к известному средневековому словарю Mater Verborum или Glossae Salomonis словом hrivna объясняются слова: torques ornamentum colli, т.-е. цепь, как шейное украшение, монисто; вследствие того же, далее, можно считать гривною и тот annulus, который носила княжна Елизавета Ярославна и который упоминается в Гаральдовой песне: «Puella. Gardis quae est annulo aureo ornata, me fastidit» [1]). Историческое объяснение происхождения у нас более высоких видов шейного украшения весьма удовлетворительно дается проф. Кондаковым [2]). Он видит в русской гривне, сделанной в виде обруча, византийский маниак, который и у византийцев был своего рода стариною, заимствованною, в свою очередь, у персов, где был отличием воина. Маниак возник из бахромы верхней

---

[1]) *Мрочек-Дроздовский:* Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды, стр. 59.

[2]) *Гр. И. Толстой и Н. Кондаков:* Русские древности. Вып. V. СПБ., 1897 г., стр. 130 и след. Здесь маниак везде называется маниакий.

одежды, «воскрылий», «кроссы», «коримбы», и, постепенно видоизменяясь, превратился в царские «бармы» первосвященников и царей. В позднейшем своем виде они уже снабжены различными подвесками, бляхами, медальонами, цатами. У нас известна *гривна цатава*, *гривна месячная* (с опрокинутым полумесяцем в виде подвеска) и т. д. Отсюда очень трудно установить тот тип украшения, который являлся собственно гривною. Если судить по старым переводам Библии, то именно византийский маниакий и царские бармы и названы в русском переводе гривной (в немецком — Kette) [1]). Но, соображаясь с общим смыслом различных документов, можно сказать, что гривною вообще было принято называть всякое металлическое шейное украшение, т.-е. предмет определенный и нередкий в древне-русском быту [2]). Понятно, что гривна определенной величины и формы представляла из себя как бы установленную

---

[1]) *Забелин:* О металлическом производстве в России. Зап. Имп. Арх. Общ., т. V.

[2]) *С. А. Усов* в своей работе «Заметки о древних русских деньгах по Русской Правде», М., 1882 г., дает очень интересную теорию меховой гривны. Соглашаясь, что *гривна* слово славянское, от *грива*, он продолжает: «Заметим, что до сих пор в портняжном деле шов, соединяющий на плечах спину с грудью, или полоски, идущие (как погоны) на плечах между спинкой и грудью, называются гривенками. Итак, если бы гривной называлось что-либо, сделанное из меха, то это было бы меховое оплечье, окружающее шею, — это было бы то, что мы неправильно называем меховым воротником, капюшоном». У с о в дает историческую справку о ношении оплечий и говорит: «Меховому оплечью вполне соответствует лексическое значение гривны... Полагаю, что сопоставления всего сказанного достаточно вполне, если не для доказательства, то для полной вероятности предположения, что гривна обозначала прежде всего меховое оплечье», и дальше: «На древне-русских рынках, в Новгороде и Киеве, своей монеты не было, и размен товаров юга и запада на товары севера России несомненно производился, так сказать, ухо-на-ухо. Проволока серебряная и золотая, известной толщины, по длине достаточная для torques (шейное украшение), по стоимости равнялась стольким собольим мехам, сколько их было нужно для мехового оплечья. Такая проволока и такое оплечье были равными ценностями, а потому могли называться одинаковым именем — и этим путем гривна, оплечье меховое, стало металлическим прутом, годным для гривны-ошейника, torques» (стр. 11—12).

ценность и при всеобщности ее употребления легко превратилась в тот третий товар, который первоначально является измерителем других ценностей. Гривну, как вещь металлическую, можно было определить главным образом по ее весу. И мы видим, что гривна известной величины и веса постепенно превратилась в единицу веса, получилась новая величина — *весовая гривна;* с этою единицею, вес которой определялся обычным и употребительным в массе населения размером, и сравнивались другие гривны и вообще всякие слитки драгоценного металла. Таким образом, «гривна» получает уже двоякое значение, во-первых, как известное *украшение*, во-вторых, как известный *вес.* В древних документах имеются характерные подтверждения этого раздвоения. В одном памятнике (Патерик Печерский) говорится, что в монастырь жертвует некто (Георгий) «гривну шейную, в ней же весу 100 гривен злата». В другом (Лаврентьевская Летопись) говорится, что в 1147 году с одного княжеского слуги киевская толпа сорвала «крест и цепи в гривну золота». Точно так же вес ценных золотых и серебряных сосудов и других предметов роскоши измеряется гривнами (или позднее «гривенками»). Говорится: «кружка золоченая серебряная 13 гривен» (веса) и т. д. Но это разделение произошло, по всей вероятности, много раньше XII столетия, хотя позже гривна-украшение и гривна веса могли быть по весу идентичны. Начиная с IX века, гривна повсюду употребляется, как денежная единица определенной величины. Гривною называется довольно точный определенный вес серебра. В редких случаях гривной обозначается определенный вес золота, но тогда уже всегда добавляется *гривна золота.*

Шейные гривны известны в одно кольцо или звено, затем в два звена и, наконец, более поздние, — в несколько колец. Ряд колец или цепь образуют гривну сложного и, притом, более трудного литья. Такая гривна снабжается в одном месте небольшою привескою. Эта привеска удерживает гривну твердо на шее и стягивает всю цепь вниз. К привеске, которой сообщается та или другая форма, тоже иногда что-нибудь прикрепляется. Привеска, служащая также в качестве пряжки, — в этом смысле она и названа в Вульгате fibula, — принимает

обыкновенно форму полумесяца или круглой медали, с отверстиями для прикрепления цепи [1]).

В различное время понятие шейной гривны сообщается в документах различным предметам. Мы знаем, что гривною называется, во-первых, ошейник в одно или два кольца, или вообще шейное украшение из драгоценного металла, во-вторых, цепь с привеской, в-третьих, наконец, одна только привеска. Задача науки в будущем — точно указать последовательность перехода этих названий.

Одновременно слитки серебра разной формы, обращавшиеся в древней Руси и сохранившиеся в ряде раскопок, также получают наименование *гривны*. Они были или в виде шестиугольников («киевская гривна»), ромбов («черниговская гривна»), лодочек, тонких цилиндров и пр. Часть их, более раннего литья, несомненно, восточного происхождения, более поздние типы — отечественного изделия. Эти слитки-гривны — первоначальная основная денежная единица, но происхождение, вес и составные части ее остаются еще до сих пор невыясненными. Так, одни считают гривну восточного (арабского) происхождения, другие — византийского, одни определяют единицу ее веса в фунт серебра, другие — в пол-фунта. Одни подводят южные типы к византийско-римской метрологии, а северные — к немецкой, другие (по признаку *216*) — только к восточной: одни видят в гривне только счетную единицу, другие — только весовую, третьи — только символическое наименование некоторого количества более мелкой монеты. Несомненно, древне-русская гривна была и *весовою* и *счетною единицею «собирательного»* типа. Она циркулировала по всей Руси, в соседних славянских землях, в Литве и у ближайших финских соседей славяно-руссов.

---

[1]) Привеска — существенная часть гривны, без которой все украшение только простая цепь. Таким образом, гривна должна состоять из цепи и подвески. Это уже сложная гривна. Она служит как бы признаком высшего достоинства. Это преимущественно знак отличия — князя, посла или старшины. Впрочем, Кондаков (см. «Русские Древности», вып. V) это отрицает.

2. Эволюция гривны.

Гривна, как орудие *веса* и *счета*, представляет в своем развитии явление тождественное с первыми этапами других денежных систем [1]).

Гривна, как и талант, ливр, или фунт стерлингов, является единицею *собирательною*, а все остальные денежные ценности, образовавшие с гривной определенную денежную систему, представляют собою только *части* гривны, т.-е. дроби той единицы, которая равноценна металлическому гривенному слитку. Поэтому, та металлическая система, которая установилась в долях гривны, может быть названа системою *гривенною*. В ней раньше всего должна быть определена сама гривна, ее вес и происхождение, ее части и экономическое значение и т. д.

Вопрос о происхождении гривны не решен до сих пор, ибо мы не знаем, строго говоря, что мы имеем перед собою в сохранившихся гривнах, древнейшие ли формы или более новую гривну. Но если взять эти серебряные слитки безотносительно к их названию, то вопрос о них отчасти решается анализом форм сохранившихся гривен и их метрологическим изучением [2]). Те слитки *нескольких* уже определенных типов, которые до сих пор найдены, все почти без исключения *серебряные* [3]). Вес и размеры их в различных местностях были неодинаковы.

---

[1]) Гривное шейное украшение определялось гривною по *весу*. Напр., в Печерский монастырь некий Георгий Симонович «вда гривну шийную, в ней же веса 5 гривен злата». См. Патерик Печерский, из рукописного Сборника библиотеки архимандрита о. Амфилохтия. «Необходимо иметь в виду, — говорит последний, — что весовая единица повсеместно предшествует единице счета». *Мрочек,* «Опыт», стр. 65.

[2]) Их определили только в недавнее время благодаря кладам. В нумизматической литературе первой половины XIX века гривны знали лишь по свидетельствам памятников. Даже И. Д. Беляев со вздохом говорит, что о гривнах можно говорить лишь «по гаданиям или по позднейшим свидетельствам», — таких «монет нет совершенно». *И. Д. Беляев:* Очерк истории древней монетной системы на Руси, в «Чтениях в Обществе Истории и Древностей», Москва, 1846 г. стр. 8.

[3]) В самое последнее время найдены были две, до сих пор единственные; гривны из золота. Они хранятся в нумизматическом кабинете Эрмитажа.

Наши нумизматы и археологи, а за ними и историки, различают *два* главных типа слитков: 32-золотниковый *южный* («киевский») и 48-золотниковый — *северный* («новгородский»). Оба типа, по общепринятому мнению, сложились под иноземным влиянием, что не трудно установить. Но под каким иноземным — это составляет предмет спора. По толкованию русских историков, первый тип — гривна «южная», «киевская» малая, весом в 24, 36 и 38 золотников, равнявшаяся в то же время $^1/_2$ фунта или 2 кельнским маркам, была, по тому же мнению, византийского происхождения [1]); второй тип — гривна большая — северная, весом в 48 золотников, пришла в Россию из Германии. Позднее, первый южный тип, ходивший в Киеве и по Приднепровью, постепенно исчез, заменившись вторым. «Киевская» гривна колебалась, примерно, золотника на два (от 36 до 38) по взвешиванию наших нумизматов, но иногда спускалась и до 30. «Новгородская» колебалась от 46 до 48, смоленская — от 20 до 24. Несколько в стороне стоят «черниговские» гривны с весом от 42 до 46 золотников. По всей вероятности, колебания бывали и еще большие. Так, в раскопках попадаются серебряные слитки, значительно уклоняющиеся от вышеприведенных типов, но причина этого явления до сих пор еще не выяснена. Вес гривен (в 24 [полу́гривна?], 36 и 48 золотников) никогда, таким образом, не был точен в современном смысле, что «по всей вероятности, стояло в зависимости от плохой постановки литья и неискусности мастеров» [2]).

Против такого мнения в 1900 году высказался А. И. Черепнин. Он доказательно объяснил, что древнейшая русская гривна совпадает с весом *арабской* унции серебра VIII в. [3]). В том же году и пишущий эти строки отмечал подозрительную неточность в весе обоих типов гривны [4]). Спустя пять лет

---

[1]) «Киевскими» их кажется впервые назвал Фундуклей в своем (статистическом) описании Киевской губ., стр. 41.

[2]) Там же, стр. 50.

[3]) *Черепнин, А. П.:* О гривенной денежной системе по древним кладам. М. 1900.

[4]) *Святловский, В. В.:* Древнерусские денежные системы, в журнале «Народное Хозяйство» за 1900 г.

и проф. И. И. Кауфман подтвердил неверность упомянутой выше теории [1]). Его замечания по этому поводу сводятся к следующему: мнение о распространенности на юге «южного» типа так же произвольно, как и сложившееся на Москве в 16 и 17 столетии мнение о византийском происхождении весовой единицы в Киеве. Воображаемое заимствование из Византии к тому же неверно, так как византийская либра являлась римскою либрою, сложившеюся в свою очередь под влиянием древне-египетского веса и с нашими весовыми единицами не совпадающею. Русский вес — есть вес арабский (иракский фунт в 96 золотников — основной вес куфических монет). Взвешивание русского серебра указывает на его тожество с арабскими диргемами. Нет сомнения, что «при чеканке серебряной монеты Владимир Святой шел за арабами» (стр. 86).

Но нам лично кажется, что такого тождества для золота нет. Здесь, очевидно, возможно говорить только о несомненном первоначальном влиянии. Проф. Кауфман делает ошибку, считая, что арабская метрология лежит в основе *всех* гривен. С такою категоричностью вывода его никак нельзя согласиться и вопрос здесь должен быть поставлен совершенно иначе. Во-первых, установив *основной* источник веса гривны, нужно проследить его изменения и варианты; во вторых, зная первоначальный вид, генетический, так сказать, ее прообраз, нельзя на этом основании отрицать позднейшие на нее влияния. К тому же и вес первых русских гривен представляет собою как раз средину между весом арабским и византийским [2]). Следо-

---

[1]) *Кауфман, И. И.* Древний русский вес. СПБ., 1906.

[2]) Невозможность итти в этом вопросе далее подтверждается и прорывающимися у проф. *Кауфмана* замечаниями, ослабляющими его позицию и приводящими к позиции более правильной. «Трудно допустить — говорит он, — что Владимир Святой, приступая к чеканке своей собственной золотой монеты, не знал веса византийского и арабского динара; *вероятно, что тот и другой вес принимались во внимание*» (курсив наш). Нетвердость позиции позволяет сказать, что «можно вести бесконечный и едва ли полезный спор о том, к каким монетам, арабским или византийским, по весу ближе подходят золотые монеты Владимира Святого» (стр. 81). Признание, что можно вести *спор* (хотя бы и бесконечный), также указывает на ошибочность мнения проф. Кауфмана в этом вопросе

вательно, указывать на исключительное заимствование от арабов столь же бесцельно, как и доказывать невозможность византийского влияния.

Арабское происхождение веса древне-русской чеканной денежной единицы несомненно. Но в свою очередь система денежного веса арабов, их *ираклийского фунта* в 96 зол., также не есть что-либо самобытное: ираклийский фунт — точное воспроизведение *ассирийской мины*, дошедшей к арабам через Египет. Ассиро-вавилонская культура, под воздействием которой во многом складывалась европейская цивилизация, дошла через ряд заимствований и до древней Руси и дошла притом в наиболее чистом своем виде [1]).

Таким образом, *ассиро-вавилонское происхождение нашей гривны* можно считать достаточно выясненным и установленным.

Гривна Киевской Руси не могла стоять одиноко в общей денежной системе. Единовременно циркулировавшие мелкие денежные единицы естественно вынуждали к установлению *соотношений*. Большой определенный металлический слиток не мог не стать основною собирательною единицею счета и веса. Остальные виды денег составили части этой единицы, а в результате получилась целая *гривенная система*.

3. Части гривенной системы.

Ведя счет на целые гривны, древняя Русь, тем не менее, не отливала целых гривен в 96 золотников, а выделывала только полугривны.

Перейдем к рассмотрению частей гривенной системы, отдельных частей серебряной единицы ее, *гривны* (проба от 70 до 90). До нас дошли следующие наименования частей гривны: *полугривна*, *ногата*, *мордка*, *четвертец*, *деньга*, *лбец*, *куна*, *резана* и *векша*. Все они укладываются в следующей системе:

---

[1]) На этот любопытный факт указывали *В. де-Куэйно* в «Système métrique» и *Леман* в «Das Altbabilonische Maass- und Gewichtsystem», 1889, а у нас *проф. И. И. Кауфман*, в своей работе «Русский вес» подтвердивший и разъяснивший удивление двух предыдущих авторов.

гривна = 2 полугривнам = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 600 векшам, или белкам, или около того [1]).

Нумизмат Прозоровский дает для XV столетия следующую систему денег:

1 *рубль (серебряная гривна)* весом в 34 золотника 4 кочки серебра:

равна = $5^1/_7$ новым гривнам
» = 108 кунам
» = 216 деньгам

1 *новая гривна* серебра весом в 6 золотн. 18 кочек серебра равна . . . . = 3 гривнам денег
1 гривна денег = 2 ногатам
» » = 3 мордкам
» » = 6 четвертецам
» » = 7 кунам
» » = 15 деньгам
» » = 30 лбцам
» » = 60 векшам. [2])

Все денежные единицы Русской Правды выражены в кунах, но в академическом списке ее слово «куна» заменено всюду *резаною*, а в договоре новгородцев со шведскими князьями (1270 г.) слово «куна» заменяется словом «долгея» [3]).

---

[1]) *Ключевский, Курс русской истории*, т. I, стр. 265, говорит: «Резаны подразделялись на векшы, на сколько именно, это точно не установлено». *Усов* («Заметки о древних русских деньгах», стр. 14) считает так же, как Круг и Бэр, что «белка», «бел» — это горностай, и дает следующую систему ценностей: 1 гривна = 20 ногатам = 25 кунам = 50 резанам = 600 виверицам = 1200 белям.

[2]) *Д. И. Прозоровский.* Монета и вес в древней Руси.

[3]) Последнее слово «долгея» определяет как бы форму куны — продолговатая, длинная, — это лишний аргумент в пользу теории Усова. По его мнению, куна не куница, а лишь хребтовый мех, безразлично, соболя или куницы; этот хребтовый мех был самой дорогой частью зверя, к которому приравнивались другие ценности, из которого шилась гривна-оплечье. Если принять это объяснение куны, то ногатой будет целый мех, с ногами, как у нас говорят — крылатый — с крыльями, хвостатый — с хвостом; таково же происхождение и ногаты: ногатая шкура, усеченная форма —

Но нам неизвестно выражение «гривна ногат» или «гривна резан». Известно только одно крайне употребительное выражение *«гривна кун»*. Последнее можно объяснить следующим образом: металлические слитки, употреблявшиеся в качестве денег (кун), а также различные гривны назывались полностью *«гривны кун»* или *«кунные гривны»*, в сокращенном просторечии просто *«гривны»* или *«куны»*. *«Куны»*, собственно говоря, уже с десятого столетия обозначают *«деньги»* [1]). Употреблялись и другие производные слова, напр., «кунщик» (обозначало «сборщик»), «кунолюбие», или «сребролюбие», «кунная подать», «отдавать куны в рези», что значит — отдавать деньги под проценты и т. д.

Кунные гривны были разных типов. Так, была смоленская гривна кун, новгородская гривна кун, старые и новые куны, просто гривны и т. д.

Гривенная денежная система (Система «гривен кун»). Довольно стройную попытку объяснить развитие наших денежных (счетных) единиц и их делений дает проф. В. О. Ключевский. Он утверждает, что во второй половине XII века прилив драгоценных металлов из-за границы сократился, серебро вздорожало, и из памятников конца XII века видно, что вес гривны кун уменьшился вдвое, до $^1/_4$ фунта. Эта перемена изменила и денежный счет. Вследствие вздорожания серебра стала легковеснее гривна серебра, но она сохранила при этом свою прежнюю покупную силу, так как соразмерно с тем и товары подешевели. Догадки В. О. Ключевского имеют известное основание, особенно, если вспомнить, что впоследствии гривна получает два новых деления. Первое состояло в различии между «гривною» и «гривенкою», «большою» и «малою» гривнами. Очевидно, что последняя представляет собою ничто иное, как полгривны или полугривну. Второе деление дало начало образованию впослед-

---

ногата, — действительно, стоит немного дороже куны. Резана, — это та часть меха, которая остается после отрезки куны, хребта, т.-е., так называемый черевий мех, более дешевая часть шкуры.

[1]) По мнению проф. В. Ключевского (т. I, стр. 265), кунами деньги назывались *до* XIII века.

ствии распространившейся *рублевой* системы. Одна гривенка рассекалась еще пополам на две части или *рубли*. «*Рубль*», в свою очередь, опять делился на две половины или полтины. Рубли и полтины впервые упоминаются в документах конца первой четверти XIV столетия. Так в 1321 году князь Тверской Дмитрий и князь Московский Юрий Данилович помирились «на двух тысящах рублей серебра». Итак, из *гривенной* системы органически развилась система *рублевая*, о которой речь ниже.

Выше мы уже говорили о разделении понятий между гривною-*украшением* и гривною-*единицею веса*, а равно и о размерах веса этой единицы. Действительно, археологическими раскопками открыты и слитки серебра постоянного веса, т.-е. очевидно, те самые гривны, о которых говорится в летописях, начиная с 882 года.

Эти гривны (гривны кун) известны в виде слитков следующих форм: полуцилиндрической палочки, ромбической с двумя обрезанными углами и плоские. Южные по своему фасону напоминают вид лодочки с тонкими стенками и, повидимому, заимствованы с китайских образцов. В Китае обращались слитки именно такой формы. На одной гривне, найденной в Глазовском уезде, Вятской губ., в 1897 году, оказалась китайская надпись «*шан*» (ш), что значит «*гора*». Гривенные слитки у нас носят названия сообразно месту их нахождения. Различается несколько типов: одни называются *новгородскими*, другие — *киевскими*, третьи — *черниговскими*. Проба серебра различна, именно от 70 до 93. Вес всех этих гривен (гривен кун?) от 42 до 48 золотников, т.-е. около полуфунта. *Киевские* и *черниговские* гривны по сути одного и того же, идущего от византийского фунта, типа. Они все шестиугольные. Византийский фунт состоял из 72 солидов или златников. Эти гривны, «обрезанные» киевские гривны весили от 36 до 38. Если обрезанные концы этих гривен циркулировали также в качестве денег, то их бы на гривну приходилось по 2 и $2^1/_2$ зол. серебра на отрезок, т.-е. то же, что должна была весить ногата, а ногат на гривну считалось 20. Обыкновенно отливались две *полугривны* и на одну гривну шли 2 лодочки, так было и в Киеве, и в Новгороде. Гривны отливались, сравнительно,

мало тщательно и выделывались почти исключительно из серебра [1]).

Иногда раскопки дают неожиданно пеструю картину веса и пробы гривен. Так, один клад (деревни Бужиски, Бельского уезда) Гродненской губернии дал такие слитки:

первый	в 43 зол.	92	пробы.
второй	» 30 »	63	»
третий	» 23 »	92	»
четвертый . . .	» 22 »	93	»
пятый	» 19 »	89	»

В том же кладе лежали и серебряные гривны различных фасонов, преимущественно витые жгутом и украшенные кружками и черточками. Вес их: трех от 15 до 19, четырех от 44 до 46, одна (обломанная) — 27, одна из крайне низкого серебра (39 пробы) в 60 золотников. Проба остальных колеблется между 49 — 87. Гривны эти подходят, таким образом, по весу и по пробе, к гривнам-слиткам. Золотых гривен, как мы упоминали, найдено до сих пор только две.

Новгородская гривна имела вид или палочки или лодочки, весила от 45 до 48 золотников, что равнялось половине Кельнской марки — в 96 золотников. Гривна долгое время служила измерителем ценности. В кладах IX и X веков гривны встречаются довольно часто, а за долгий период с XI в. по XIV в. сохранились и документальные свидетельства о счете на гривны. Этот счет исчезает только с XV столетия. В западно-русских областях счет на гривны («гривна личбы Польское» и «гривны личбы русское») сменяется счетом на копы грошей. Весовая гривна была весьма устойчива, размер ее сохранился за все время ее существования. Гривна же счетная, денежная, постепенно умень-

[1]) Самое литье гривен не составляло технически хитрого дела. Об нем упоминается иногда и в летописях. Напр., кн. Владимир Василькович перед своею смертью «раздавал убогим имение свое все, золото и серебро и камение дорогое, и поясы золотыи отца своего и серебряные и свое же бяше по отци своем стяжал, все розда; и блюда великаа сребряная и кубькы золотые и серебряные сам перед своима очима поби и полья в гривны, и мониста великая золотая бабы своей и матери своею все полья и розъ сла милостыню по всей земли». Полное собрание русских летописей. Т. II, стр. 219.

шалась. Несомненно, что появляющаяся позднее *рублевая гривенка*, часть гривны, или гривна счетная, послужила переходом к рублевой системе. Но вернемся к кунной системе.

Остальные единицы ее — «*куна*», «*ногата*», «*резана*», и «*белка*».

Куна представляла из себя часть гривны. Некоторые исследователи (Прозоровский, Лешков, Беляев и Ланге) считают куну идентичною резане. Исследование *резан* затруднено тем, что вообще слово «резаны» употреблялось в древней Руси и помимо отношения к кунной системе. Резаною именовался всякий кусок серебра, его обрезок. Профессор Мрочек-Дроздовский, кропотливо собравший летописные свидетельства о частях гривны, говорит о резане следующим образом: «*резана*», так же как *куна* и *ногата*, считается частью гривны и именно, в чем также большинство исследователей согласны между собою, слово «*резана*», по всей вероятности, происходит от корня «*рез*» в глаголе «*резать*»; по крайней мере более подходящего производства в нашей исторической литературе не выставлено. Мы выше приводили слова Страбона о торговле в Испании: там или меняли товар на товар или давали за товар и вообще за купленные вещи отрезанные куски серебряной бляхи (aut de lamina argentea aliquid abscissum dant).

«Если такие отрезанные куски серебра были в употреблении и у Руссов, — говорит Круг, — то они первоначально и назывались *резанами;* по крайней мере мы считаем производство этого от «*резать*» самым естественным» [1]). Впоследствии, когда на Руси стали чеканить монету, эта последняя и получила то же название. Ученый нумизмат начала этого столетия Френ (Frahn), говоря об употреблении на Руси X века арабских диргем, утверждает, что, вместо разменной монеты, ходили части диргем: отрубленные половинки и четверти, словом, всякого рода рассечения монеты, о чем, впрочем, мы уже говорили выше.

Наименьшею металлическою ценностью кунной системы была *векша* (белка или веверица). Векша так же, как ногата, куна или резана, часто упоминается в летописях. В настоящее время нет никакого сомнения, что это была мелкая медная монета.

---

[1]) *Круг:* Zur Münzkunde Russlands, стр. 193 — 194.

Векш давалось на гривну шестьсот. Таким образом, одна векша равна была по весу одной медной византийской монете нуммии, или *фолису*. Название «фолис» происходит от слов follis dinariorum, — мешка с деньгами. При завоевании арабами Византии наименование это перешло в арабскую нумизматику. Арабы стали чеканить свою монету с двумя надписями на них, греческою и арабскою, где на обоих языках повторялось то же слово. От арабов фолис перешел к татарам для наименования медной монеты (*«фул»*). Наконец, от татар это наименование, с легким изменением, перешло к русским, у которых словом *«пул»* или *«пуло»* обозначалась мелкая медная монетка, по всей вероятности, та же *«векша»* [1]).

Вообще же *векша была самою мелкою древне-русскою монетою*, равною, примерно, $^1/_{24}$ части диргемы. В одном послании XI века (Симеона к Поликарпу) векша характеризуется как наиболее ничтожный денежный знак: «Бысть черноризец, именем Арефа, рода полочанин, много богатства имый в келии своей, никогда не подате ни единые векши оубогим, ни хлеба».

Помимо вышеприведенных денежных ценностей существовали и другие, еще совершенно невыясненные, величины: таковы, например, *«мордки»*, *«лобки»*, *«ушки»*. В Двинской грамоте под 1437 годом говорится: «а писцю мордка с сохи»; в Псковской Летописи, под 1401 г.: «а соль по осми мордок и по гривне пуд».

Монеты иноземного чекана. Население древней Руси пользовалось также монетою иностранного чекана, которая, в сравнительно большом количестве, имелась в стране. Об этом свидетельствуют многочисленные исторические и археологические данные. В настоящее время известно несколько тысяч кладов с иноземною монетою. Вообще, по вопросу о распространении и происхождении этих монет образовалась целая литература [2]).

---

[1]) Снимки с медных пул приводятся в сочинении нумизмата *Д. Сенцева:* «Деньги и пулы древней Руси», Москва, 1860, а также в сочинениях нумизматов *Черткова, де-Шодуара. Шуберта, гр. И. И: Толстого* и некоторых других.

[2]) Такова прежде всего книга *Савельева, П. С.:* Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. СПБ., 1847 г. Савельев знает только *куфические* монеты, впервые появившиеся в Европе в 1012 г.

В наших кладах встречаются, главным образом, монеты трех родов: восточные, европейские (преимущественно немецкие) и византийские. Рядом с целыми экземплярами встречаются и монеты рассеченные.

Восточные монеты. Восточные монеты, находимые на территории России, относятся к периоду от V до середины XI столетия, т.-е. к эпохе наибольшого финансового процветания государств востока. Наиболее ранние восточные монеты, находимые в России, чеканились на Востоке, начиная с V века, и принадлежали династии сассанидов (таковы монеты Кобада I, Хозроя I, Ормузда IV и Хозроя II, т.-е. в эпоху от 491 г. по 628 г.), но эти монеты всегда до сих пор находили с более поздними арабскими (омайядскими), что позволяет полагать, что эти монеты появляются у нас с VIII века, т.-е. с началом восточной торговли Руси.

Восточные монеты почти исключительно серебряные. Из нескольких сот находок до сих пор известны только три находки *золотых* монет Востока, так называемых *динаров*. Восточное серебро (диргемы) появилось в России в несколько приемов. Первыми проникли диргемы сассанидских царей VI — VII веков. Мощный поток восточного серебра остановился в самом начале XI века. Вторично серебро, но уже далеко не в таком количестве, появилось во второй половине XII столетия. Но в это время, — справедливо замечает Марков, — сама Россия подпадает мусульманскому владычеству, и диргемы, уже чеканимые на

Савельеву не известны монеты сассанидов; в его книге особенно ценным является приложение перевода статьи *Френа* «О восточных монетах, находимых в России». По-немецки Френ напечатал: «Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem Arabischen Gelde in Russland», см. №№ 212 и 213 «Bulletin scientifique d'Académie de Sciences de St. Pétersbourg», XI, 1842. Для справочных целей прекрасна работа *Кенэ, Б. В.*: «Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России».

Имеет некоторое значение книга *бар Тизенгаузена:* Монеты восточного калифата. Новейшим трудом в этой области является работа *А. К. Маркова*: Топография кладов восточных монет сассанидских и куфических. СПБ, 1910. Марков дает каталог, раза в четыре превышающий каталог Савельева; к тому же он дополняет списки Савельева монетами *сассанидскими* и *бакинскими*, неизвестными ко времени издания книги Савельева и найденными в пределах России уже после 1847 года, когда вышла работа Савельева.

ее территории Джунидами, опять становятся ее ходячею валютою вместе с пражскими грошами чешских королей.

Перерыв в ввозе серебра с востока был вызван экономическими условиями жизни тогдашнего востока и не мог не отразиться на ходе экономической эволюции России. Оставляя здесь пока этот вопрос, обратимся к восточным диргемам. Диргемы, найденные в пределах России, принадлежат в большинстве случаев арабским династиям — Омайядам и Аббасидам, как багдадским, так и испанским династиям Бувейгидов, Тагеридов, Саффаридов и в особенности Саманидов, владевших в IX веке Бухарой и Туркестаном. Встречаются также монеты восточных революционеров, объявлявших «газават» против халифов и эмиров. Особенно много в наших кладах «куфической» или мусульманской монеты VIII, IX и X веков, снабженных надписями особого арабского шрифта «куфи». Как утверждают наши нумизматы, напр., А. К. Марков, почти вся куфическая монета, чеканенная на Востоке, была вывезена в Россию в период от VIII по X вв., так что уже при Тамерлане ее на востоке совсем не было. Она вывезена была с родины в таком количестве, что арабский историк Ибн-Араб-Шах свидетельствует об ее полном отсутствии в XII веке, в эпоху владычества грозного Тимура, в пределах его царства.

Влияние восточных монет было громадно. Эти монеты покоились на весовой системе в 98 золотников (иракский фунт) и повлияли на всю монетную систему до-монгольской Руси.

Обращавшиеся в России восточные монеты, диргемы, ходили или целыми или делились на части. Это деление производилось не только у нас, но и на востоке. Ибн-Гаукал свидетельствует, что в Самарканде диргемы резались на куски, что, впрочем, запрещалось законом Магомета. Впоследствии прибегли и к фальсификации арабских монет, привившихся в торговле [1]), ибо с 1015 года ввоз диргем с востока в Россию прекратился.

---

[1]) «Такие подражания, — говорит акад. Марков, — обыкновенно содержат совершенно бессмысленные надписи, которые только неопытному глазу могут показаться арабскими: буквы эти частью перевернуты, а иногда заменены просто черточками». *А. К. Марков:* «Древняя нумизматика», курс лекций Археологического Института, СПБ., 1899—1900 г., стр. 5 (Типо-литография Курочкина).

Европейские монеты. Европейские монеты по времени чекана относятся к периоду раннего средневековья и не старше XI века. Они чеканены почти исключительно в Германии и принадлежат или германским императорам или англо-саксонским королям. Монеты последних (Этельреда II, Кнута Гаральда I, Эдуарда Исповедника) относятся к 959 — 1066 гг. и проникли в Россию, по всей вероятности, через Швецию. Помимо монет германских императоров, особенно первых трех Оттонов, встречаются монеты всевозможных немецких герцогов, маркграфов, архиепископов и пр. В небольшом количестве найдены были монеты Богемии, Бургундии, Дании, Швеции, Норвегии и даже Ирландии. На территории древней Руси встречаются также монеты римские, византийские и славянские, преимущественно чешские и польские, весьма часто сильно напоминающие по своему чекану древне-русские удельные велико-княжеские монеты.

Западная монета ввозилась в Россию в X и в XI веках. Нумизмат Марков определяет все найденные в России западные монеты (германских и англо-саксонских королей и некоторые другие), как чеканенные в период от 956 по 1066 гг. Она тоже попадается в кладах в целом и резанном виде. Ее резали и в Англии (brokemoney) и, естественно, на Руси. Английский шиллинг дошел к нам под видом «*шляга*». Так, под 855 годом в летописи (Несторов. список) говорится: «Радимичи даша Ольгови по шляху, якоже и хозарам даяху». Под 965 годом вятичи платят хозарам «по щелягу с рала». Из Англии несомненно пришел к нам и «*пенязь*» («penega»). Завоз западной монеты — очевидный результат торговли. Тот же фактор служил несомненно и причиною появления *византийских* монет. Но для Византии имелись и другие источники. Славяне получали византийскую монету в виде вознаграждения за военные услуги, которые они в значительных размерах оказывали византийским интересам, а также в виде военной добычи.

Таким образом, мы видим, что иноземная монета с Востока (особенно куфическая) была весьма распространена в пределах Руси и не могла поэтому не войти в обиход населения. На это указывает обычай русских, отмеченный еще Ибн-Даста, класть иноземную монету в могилу умершего.

Византийские монеты *«миллиарсии»* найдены были в России в губерниях Псковской, Курской и Киевской. Все они, по чекану, принадлежат к X веку. Вместе с миллиарсиями найдены были и византийские *златники*, упоминающиеся в первых договорах.

Рядом с целыми монетами, в кладах находят множество *разрубленной* монеты еврейской и восточной. Употребление таких отломков и отрубков было обычно в денежном счете многих народов: в Германии, до введения талеров, вместо разменной монеты употребляли отрубки динариев; в Англии было известно употребление разрубленных пфеннигов, при чем на цельных пфеннигах, для большего удобства разрубки их на четыре части, делался, обыкновенно, четвероугольный крест. В Англии также рубили монету и ее обломки назывались brokemoney. В Богемии до введения в VIII веке франкских оболов также вместо разменной монеты употреблялись отрубки динариев. Наконец, то же самое встречается и в истории Польши до XII века, когда правительство стало выпускать во множестве легковесную разменную монету в виде мелких брактеактов. Таков общераспространенный обычай употреблять для размена отдельные части ходячей монеты. Что касается до нашего отечества, то обычай этот сохранился вплоть до введения Петром Великим медной разменной монеты, и резаны употреблялись, по свидетельству указа 1700 года, вместе с иными *«жеребьями»* до начала XVIII ст.

Дробили монету иногда на очень мелкие части: так, под Рязанью найден клад, в котором оказалось 15 целых диргемов и 900 кусочков, самые мелкие из которых равнялись $^1/_{40}$ диргема. Клады с дробленой монетой так распространены, что среди крестьян сложилась легенда об их происхождении. «Многие клады,— говорит она, — зарыты в землю с каким-нибудь зароком и вверены охране чорта. Когда богу угодно наградить доброго человека кладом, то чорт ничего не может поделать против предназначения господа бога и волей-неволей должен уступить клад счастливцу. Однако, нечистый не может отдать клад без пакости и чтобы хоть чем-нибудь досадить человеку, так перетолчет деньги, точно их по заказу ломали или рубили» [1]).

[1]) *Черепнин:* «О гривенной системе по древним вкладам», стр. 60.

4. Начало собственной чеканки монет.

Восточно-европейская равнина, занятая руссами, по своим природным геологическим условиям, лишена собственной добычи металлов. Здесь нет ни горных хребтов, ни кряжей, приближающих к дневной поверхности соответствующие металлоносные пласты. Исключение составляло только нахождение железа в некоторых центральных местностях. Поэтому древняя Россия пользовалась исключительно иностранными металлами, драгоценными особенно. Прежде всего золото и серебро получалось с северо-востока. Некоторые кочевые инородческие племена Сибири еще с XI века добывали серебро и золото, делая при этом все необходимые орудия из меди [1]). Их рудники, известные еще Марко Поло (так называемые Чудские копи на Урале), местами сохранились еще до сих пор и в свое время послужили началом разработки драгоценных металлов русскими. Серебро новгородцев в древности называлось «югорским». Сохранились кое-какие известия о сношениях новгородцев с югрaми, от которых первые получали серебро и соболей. Затем, на другой русской окраине, в пределах нынешних губерний Екатеринославской и Херсонской, найдены заброшенные древние рудники драгоценных металлов. Наконец, драгоценные металлы шли с дальнего Востока, из Персии, Аравии и пр., с юга из Греции, с запада из Германии. Драгоценные металлы получались русскими первоначально путем войны, разбоя и меновой торговли, а впоследствии одной только торговли. Многочисленные набеги русских на соседние более культурные страны, в случае успеха, всегда сопровождались, между прочим, и уносом значительного количества драгоценных металлов. Перечисленные выше предметы (из золота и серебра) древней Руси указывают на некоторую распространенность их и среди простого народа. Также говорили мы и о сохранившихся известиях относительно древнерусских мастеров. Таким образом, нет никакого сомнения, что еще в X веке литье драгоценных металлов было хорошо известно на Руси, и это тем более, что вообще литье — свинца, олова, железа и меди — было хорошо известно русским и ранее. Относительно умения населения обращаться с благородными ме-

[1]) См. *Грушевский.* История киевской земли, т. I. 1911 г., гл. металлы.

таллами также нет сомнения. Так, например, кн. Владимир (конец X века) приказывает (согласно летописи) *выковать* из серебра ложки для своей дружины. Богатые люди оковывают свои чаши золотом. Кн. Владимир Волынский приказывает из своих больших *серебряных блюд вылить гривны* и т. д. По другим известиям летописи, в 1200 году в Литве был убит один русский *серебренник*. В том же веке путешественник Плано Карпини видел одного пленного русского *золотых дел мастера* (Козьму), сделавшего для султана (хана) драгоценный трон. И Козьма был не единственный: на древне-русских монетах встречаются имена мастеров: Александрова, Арефьева, Заманина, Федотова и какого-то Аристотеля, очевидно, греческого мастера.

Золото и серебро продавалось на вес. За взвешивание взимался особый налог, а само взвешивание производилось опытными людьми — «*весцами*». В договоре смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою, Готландом и немецкими городами Любеком, Мюнстером, Грюнигом и пр., заключенном в 1288 году, подробно регламентированы постановления о продаже иностранных металлов. Иностранному купцу, «латинскому гостю», по выражению договора, приходилось претерпеть при желании купить в Смоленске золота или серебра следующие мытарства:

«Если случится, говорит 35-я статья договора, что придут латинские гости в город с Волока (т.-е. с пути из Германии), дать им княгине кусок частой материи, тиуну (наместнику князя) на Волоке дать пару рукавиц, чтобы перевозил без задержки товар».

«Латинскому гостю надлежит дать с каждых двух капей (капь — около 12 пудов) воску весцу (взвешивающему) *смоленскую куну*» (статья 36-я). «Купит латинский (купец) *гривну золота*, даст взвесить, должен дать весцу смоленскую *ногату*. Если же продаст, не дать ничего» (статья 37-я). «Если купит латинский (купец) серебряные сосуды, дать ему весцу от гривны — смоленскую ногату; если продаст — не дать ничего» (статья 38-я). «Если латинский (купец) купит гривну серебра, дать ему весцу две векши» (статья 39-я). «Если латинский (купец) даст жечь серебро (очевидно, определять пробу), дать ему от каждой гривны серебра по смоленской куне» (статья 40-я). «Если же «капь»

(мера, которою взвешивают) будет легче (чем нормальный вес) или будет сломана, то взять обе (образцовые меры), которые лежат одна в церкви св. Богородицы на горе, а другая в латинской церкви, положить их в одно место (на одну сторону весов и сравнять с ними меры, которыми обыкновенно производится взвешивание)» (статья 41-я).

Литье кусков благородных металлов, при единовременной циркуляции иностранной монеты, не могло не повести к мысли о собственной чеканке, тем более, что и с технической стороны это не представлялось невозможным.

Теперь возникают вопросы о времени первой чеканки и о весе этой монеты, являющейся, как и при всяком первоначальном чекане, весовою, а не счетною единицею.

Краткая история вопроса.

Определение времени начала чеканки монеты на Руси представляло один из труднейших вопросов русской нумизматики. Первоначально предполагалось, а некоторые и до сих пор еще держатся этого мнения, что первые монеты русской чеканки появились у нас только в конце монгольского периода, примерно, ко времени княжения великого князя Дмитрия Донского. Все найденные монеты с изображениями князей из дома Рюриков домонгольской Руси признавались монетами греческого, южнославянского или галичского происхождения. Со времени открытия известного Нежинского клада в 1852 году, в котором было свыше двухсот монет с именами первых русских князей, русские нумизматы стали отрешаться от прежнего взгляда, и многие из них признали, что начало чеканки русской монеты относится к домонгольской эпохе. Теперь это мнение составляет уже твердо установленный факт. Самая история вопроса не безынтересна.

Первое известие о нашей монете до-монгольского периода появилось за-границею и относится к самому концу XVIII столетия. Оно было напечатано в Лейпцигском журнале: «Allgemeiner Litterarischer Anzeiger» за 1797 год в статье Фалькнера: «Введение к очерку первой и второй эпохи истории Россов» (по-немецки). Здесь сообщалось о монете с надписью «Серебро

Ярославле», принадлежавшей графу Мусину-Пушкину. Автор считал эту монету подлинной и притом русской чеканки. Немецкие исследователи русской истории Шлецер и Круг усомнились в подлинности монеты, не допустив мысли о возможности чекана в ту эпоху. Затем в 1816 году стали известны золотые и серебряные монеты с именем Владимира, попавшие в коллекцию Могилянского. Все последующие авторы отнеслись к этой монете скептически. И Шлецер, и Шодуар, и Шуберт, и Кене, особенно Рейхель считали эти монеты медалями или монетами южнославянскими и не допускали возможности русской чеканки до татарского нашествия. Уверенность нумизматов поколебала и историков. Круг, Карамзин, Бекетов, Погодин, Лелевель и другие колеблются в признании найденных монет за русские и, принимая их преимущественно за одноименные сербские или болгарские, лишь в крайнем случае решаются признавать их медалями или печатями. Последнего мнения держался между прочим Калайдович. Первым восстал, правда, очень осторожно против этого мнения П. С. Савельев. Знатоки русских древностей, как Соловьев и Снегирев, тоже противились мнению ученых иностранцев, но, кажется, более из патриотизма, чем руководствуясь серьезными доказательствами. Фундуклей полагал, что их чеканили для России в Греции.

Таково было положение вопроса до открытия Нежинского клада, давшего в руки сторонникам русского происхождения первых монет неоспоримые доказательства. Клад этот, содержащий до 200 монет с именем Владимира, был описан киевским профессором Волошинским в 1853 году [1]) и Куником в 1861 году [2]). Оказалось, что найденные монеты стоят в тесной связи с известными уже ранее экземплярами, из-за которых и возник спор, и что они ни в каком случае не могут быть признаны чем-либо иным, кроме как за монеты чисто русские. Мнение Волошинского и Куника поддержали, основываясь на ряде новых находок, Д. Сонцев

---

[1]) *Волошинский, Я.*: Описание древних русских монет. Труды комиссии для описания Киевского учебного округа. Киев 1853 г.

[2]) *Куник:* О русско-византийских монетах Ярослава 1-го Владимировича, СПБ. 1860 г.

(1860), граф Уваров и граф Ив. Ив. Толстой [1]). Было установлено, что *все найденные до сих пор монеты, числом свыше трехсот, принадлежали к XI веку и чеканены в княжение великих князей киевских: Владимира, Святослава и Ярослава.* Оставалось решить интересный вопрос, имевший важное значение при суждении о степени экономического развития до-монгольской Руси: служили ли эти монеты действительно *ходячей монетой* или имели какое-нибудь другое значение, напр., *медалей*, выбитых для ознаменования какого-нибудь события или знак *для награждения* знати? В пользу первого мнения говорят как значительное количество найденных монет, так и стертость (изношенность) большинства экземпляров и самый их внешний вид. К этим двум аргументам граф Ив. Ив. Толстой прибавляет еще следующие доказательства. Отдельные монеты были найдены в таких местах, куда едва ли могли попасть «приближенные к князю», которые по своему сану могли получить от него подобного рода знаки отличия. Наоборот, места находок соответствуют древне-русским торговым пунктам, и, очевидно, что они попали сюда в силу торговли, к тому же отдельные экземпляры встречаются в перемежку с ходячей иностранной монетою, что прямо выдает их назначение. Наконец, самый факт находки значительного числа монет в одном и том же кладе, напр., Нежинском, служит очевиднейшим доказательством истинного характера этих знаков. «Мыслимое ли дело,—спрашивает граф И. И. Толстой,—чтоб один человек собрал столько медалей?».

Первая чеканная монета древней Руси появляется в месте наибольшего торгового оборота в Киеве, в XI веке. Киевские князья усердно чеканят в течение столетия свою монету.

Серебряные монеты Владимира, Святослава и Ярослава были чеканены под несомненным влиянием более культурных центров, каковым в данном случае был Восток, с его, так называемыми, куфическими монетами [2]).

---

[1]) *Гр. И. И. Толстой*: Древнейшие русские монеты великого княжества Киевского. СПБ. 1882 г.

[2]) Это наше определение, опубликованное в 1900 году в журн. «Народное Хозяйство», подтвердил подробным анализом веса *проф И И. Кауфман:* «*Русский вес*», 1906 г., стр. 86.

Начало чеканки монет на Руси совпадает со временем прекращения подвоза их с востока.

Экземпляры наших первых монет хранятся в нумизматических кабинетах Эрмитажа, Академии Наук и в Московском Историческом Музее. Эти *монеты чеканились только из серебра и золота.* Все медные — подделка недавнего времени. Вес монет сравнительно очень точный. Они чеканились до середины XI века. Все серебренники на левой стороне носят изображение князя, но по своей оборотной стороне они разделяются на два главных типа: на серебренники с изображением Спасителя и серебренники с каким то малопонятным знаком. Последний различно объясняется нашими нумизматами. Одни видят в нем хоругви, другие — птицу и т. д. [1])

Эти монеты, несомненно, русского чекана, искусство которого, как мы упомянали, на Руси было уже хорошо известно. Так, мы знаем о чекане русскими особых печатей, которые носили послы и купцы в знак своего достоинства. Эти дошедшие до нас сведения указывают, что искусство металлической чеканки было не чуждо мастерам до-монгольской Руси.

Наиболее раннее историческое известие о печатях относится к 994 году, когда послы и купцы киевские получают таковые от своего князя. Послы получали печати из золота, купцы — из серебра. Можно думать, что их носили на цепи, с которою оне и составляли гривну («шейная гривна» или «чепь»). Впрочем, это одно только предположение. Затем металлические печати привешивались к ценным документам. Такая печать была прикреплена к договору русских с греками (в конце X столетия). О печатях упоминается и в замечательном древне-русском памятнике, — в «Сказании о Голубиной книге». «Голубиная книга» упала на землю, запечатанная семью печатями, которые составляли непременную принадлежность всех важных древних актов.

Многие древние печати, прикреплявшиеся к документам, дошли и до нашего времени. Древнейшая из известных относится к первой трети XII столетия. Она находится, — говорит Ари-

[1]) Свод различных мнений приведен в нумизматическом сочинении *гр. И. Толстого*: *Древнейшие монеты великого княжества Киевского*, СПБ., 1882.

стов, — при грамоте, данной Юрьеву монастырю Мстиславом Новгородским (1130 г.) и состоит из двух тонких позолоченных листков, которые скреплены друг с другом и скрепляли шелковый шнурок, на котором была привешена печать к грамоте» [1]). Две двухсторонних серебряных печати привешены также к договору князя Мстислава с Ригою (1229 г.) и т. д. [2]).

Все вышеизложенное доказывает, что чеканка монет была делом вполне обычным в до-монгольской Руси. С 1054 года, т.-е. со времени смерти Ярослава Мудрого, эта первая чеканка прекратилась, — факт необычный в европейской истории. До сих пор не найдено ни одной монеты, чеканенной при преемниках Ярослава. Затем наступает период усиленного обращения татарских денег. Последние чеканились в Булгаре от имени великого хана монголов. Именем его пользовались и некоторые ханы Золотой Орды, как напр., Батый и Берке, которые обязаны были выбивать на своих монетах имя своего верховного властителя. Судя по крайней многочисленности найденных в России кладов татарской монеты, последняя обращалась в древней Руси в громадном количестве и тем самым оказала решающее влияние на все последующее развитие русской денежной системы. В XIV веке в обращении, как мы уже видели, появилась европейская монета, но в количестве, значительно уступавшем восточной.

Вторично чеканка возобновляется со времени возрождения Руси. В Киеве чеканят серебряную монету кн. Роман Михайлович II (1356 — 1364), кн. Феодор Романович (1364 — 1374), кн. Владимир Ольгердович (1374 — 1392). Их монеты, довольно плохого чекана имеют татарскую тамгу [3]). Несколько позднее победитель татар, Дмитрий Донской, заводит в 1384 году собственную чеканку монет, но, так как связь с ордою к этому времени еще не была окончательно порвана, то на русские деньги прихо-

---

[1]) *Аристов:* Промышленность древней Руси, стр. 125.

[2]) Многочисленные примеры собраны в особой науке о печатях, в сфрагистике, преподаваемой с недавнего времени в России в Петербургском Археологическом Институте проф. Лихачевым. См. *Юрий II*, издание Академии наук, 1907 г.

[3]) *Болсуновский, К.:* Монеты Киевских князей XIV ст Киев, 1909, стр. 15.

дилось накладывать арабские знаки, чего неуклонно требовали ханы, выдавая «ярлык». Ко времени Василия Темного арабские надписи почти исчезают. При Иоанне III, вполне освободившем Русь от татар, на всех монетах стоят только русские надписи и при том уже однообразные: «Государь всея Руси» или «Осподарь всея Руси». Таким образом, русский чекан с внешней стороны освобождается от своего восточного влияния.

Что касается требований хана — ставить свои знаки, «тамги», на монетах покоренного народа, то это требование вытекало из двух мотивов — экономического и политического.

Экономические отношения с татарами сводились к уплате дани со всего населения, между тем, татары застали во многих областях обращение серебряных гривен, тяжелых слитков или их частей (рублей). Взимание гривенной дани сводились бы лишь к обложению более зажиточных слоев населения. Отсюда естественно татарское требование чекана мелкого серебра.

Впрочем, чеканки мелкой монеты требовали и условия тогдашней торговли и введения системы внутренних пошлин.

Политические причины не менее ясны. Согласно мусульманскому праву, считается, что в число прерогатив державной власти включено и право чеканки монеты, циркулирующей в пределах всех владений хана. Так, Тамерлан, при завоевании Грузии, потребовал, чтобы в знак подчинения Грузии его имя чеканилось на туземных монетах. Джелапридский султан Хасан с тою же целью послал в Каир монету, чеканенную в Багдаде. В летописях есть упоминание подобного требования татар. Так, Эдигей во время войны Витовта с ханом Тимур-Кутлуком, ставленником Эдигея, требовал от Витовта, чтобы «во всем твоем княжении на твоих деньгах литовских моему ордынскому знамени быти», т.-е. чтобы было имя хана и его «тамга». Тохтамыш, желавший отомстить Дмитрию Донскому за унижение татар, потребовал, вероятно, также чеканки монеты со своим именем после погрома 1382 года. Таким образом, когда в XIV веке вновь возродилась самостоятельная чеканка русских монет, она носит следы политической зависимости, т.-е. полутатарский характер. Киевские князья XIV века чеканят монету с татарскою тамгою — двух соединяющихся сердец. На лицевой сто-

роне монет московского князя Дмитрия Донского стоит: «Султан Тохтамыш Хан» и надпись: «Да упрочится царство его», а на другой стороне: — «печать великого князя Дмитрия», изображающая или петуха, или человека с секирой. На одной стороне монет великого князя Дмитрия встречается также имя хана Абдуллаха, но надпись изображена очень неправильно и вряд ли верно прочтена, так как Абдуллах правил с 1362 года по 1369. Имя Тохтамыша встречается и на монетах сподвижника Дмитрия Донского — Андрея Владимировича Храброго Серпуховского (1410 г.), и Юрия Дмитриевича Галицкого, и Бориса Константиновича Городецкого. Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, чеканил свою монету с надписью: «Князя великого Василия Дмитриевича и Тохтамыш Хан», а Василий Васильевич Темный с надписью: «князя в. Василия Васильевича» и по-арабски — «Тохмамыш Хан». Но уже и в это время появляется ряд монет совсем без арабских надписей.

Встречающиеся позднее на некоторых монетах — Иоанна III и Михаила Тверского († 1486 г.) — арабские надписи уже совершенно другого характера. Это простые переводы русской легенды на арабскую, например: «Ибан» — Иоанн, «Михаила Теверча» — Михаил Тверской, «Москов акчасы будырь» — «есть деньга московская» и пр.

Само собою понятно, что монголы должны были оказать сильное влияние на все ближайшее к их времени монетное дело. Можно смело утверждать, что значительная часть обращавшихся во время монгольского ига монет в России, (т.-е. со второй половины XII века и на протяжении всего XIII века), — была чеканена в Орде, по мусульманским образцам. С татарским владычеством устанавливалась и татарская терминология, на долгое время укоренившаяся затем в русском языке. Отсюда несомненно восточное происхождение главнейших терминов русской нумизматики. Таково, наприм., происхождение слов: *алтын*, *пуло*, *деньга* [1]).

[1]) Филологи производят русское слово *деньга* от санскритского корня: «*танк*». За несколько столетий до Рождества Христова в Индии была в ходу серебряная монета танка двух видов: рата-танка и гадма-танка. Отсюда танка перешла в Персию и стала известна писателям классической

Монеты в древней Руси чеканились во многих местах. Так, известны следующие монеты: *московские*, *новгородские*, *псковские*, *тверские*, *рязанские*, *суздальские*, *каширские*, *микулинские*, *можайские*, *боровские*, *дмитровско-углицкие*, *ярославские*, *рыльские*, *верейские*, *ростовские*, *волоколамские* и *городенские*. Типы их, как и вытисненные на них рисунки, весьма разнообразны. Монеты мелких уделов, легко утрачивавших свою политическую самостоятельность, известны в очень небольшом количестве. Больше всего найдено монет московских, за ними идут монеты Великого Новгорода и его «меньшого брата» Пскова.

Монеты Москвы, *Новгорода*, *Пскова*, *Твери* и др. Своя монета в Новгороде появилась очень поздно, а именно в середине XV столетия; до этого времени новгородцы обходились меховыми ценностями, металлическими слитками и иноземной монетой. Последняя была довольно разнообразна. В VIII и до конца IX века здесь обращаются арабские диргемы и их подражания (болгарской работы); в следующем веке появились сребреники и «златники» великих князей киевских, а в XII и XIII—монеты западного чекана [1]).

Греции. Они называли ее δανάχη. Танка просуществовала в Индии около полуторы тысячи лет. Так, в XIII столетии правители Дели чеканили танку величиною с нашу медную двухкопеечную монету. Чеканили ее, около того времени и позже, и в других местностях Индостана Понятно, что она стала хорошо известна и монголам, где тенга или танка стала синонимом «деньги». В конце XIV века теньга монголов равнялась восьми диргемам, уже уменьшенного к этому времени веса. Теньги крымского чекана известны с именами преемников хана Тохтамыша: Шада-Бека, Пулада, Тимура, Кунелука и др. Таким образом, теньги или деньги являлись для русских синонимом монеты татарской. В XV веке наименование деньги начинает входить в обиход также и в теперешнем смысле этого слова В том же веке денег считалось в России на рубль — сто штук. В XV веке счет этот изменился, хотя в Новгороде и Пскове продолжали давать сто денег на один рубль, но в Москве они уже ценились вдвое дешевле, и в ней только двести денег равнялись одному рублю.

[1]) Клады с монетами VIII — V столетий в Новгородской области особенно многочисленны. См. ряд указаний у *Савельева* (Мухаммеданская нумизматика), у *Бережкова* (О торговле Руси с Ганзою) и в Журнале Мин. Нар. Просвещ., № 12 за 1896 г., стр. 385, а также у *А. Маркова*: Топография кладов восточных монет СПБ. 1910.

Таким образом, в эпоху своего торгового расцвета Новгород обходился с одной стороны чужеземною монетою, с другой — весовым серебром, предшествовавшим деньгам чеканным [1]).

В житии Антония Римлянина, составленном в XVI веке, говорится, что «у новгородских людей не бысть денег, но имаша слитки серебряные, ово в гривну, ово в полтину, ово в рубль и тем куплю деяху» [2]).

В одном Нюренбергском сочинении 1493 года говорится, что в Новгороде: «серебро взвешивают и не чеканное употребляют [3]).

Переход к чеканке своей монеты был для Новгорода большим событием, несколько раз отмеченным в Летописях [4]).

Начало собственной чеканки в Новгороде относят ко времени 1420 — 1430 годов. Эта чеканка не была правительственною регалией, а разрешалась и частным лицам — «ливцам», т.-е. литейщикам серебра. В 1447 году в Новгороде обнаружили и первое злоупотребление. Больше дюжины фальсификаторов, — по доносу некоего Федора Жеребца, — было брошено в Волхов. С этого времени впервые был учрежден контроль за чеканкой металлической монеты. Этот контроль был возложен на пять особых должностных лиц, «денежников» [5]). За труд «ливцам» платили полденьги с гривны, что считалось в то время весьма обременительным.

---

[1]) См. *Толстой, И. И, гр.* Деньги Великого Новгорода СПБ. 1884, а также рецензия на эту книгу *П Петрова* в Журнале Министерства Народного Просвещения за 1885 г.. № 12.

[2]) См. статья *Казанского* в томе II «Записок Археологического Общества», стр 485.

[3]) «Die Rewssen (русские) stossen and die Littawer, ein grobs vngeschichts Volck. Alda ist gross statt Nogartle (Новгород). Dahin die Teutschen Kawlewt mit grosser arbai raijsen. Alda ist grosse habe, vil silbers vnd köstliche rauhe war («рухлядь») Kawffende vnd verkawffende. Das silber gewegen und gepregt Gebrauchende». (Register des Buchs der Chroniken und Geschichten . . ., aus den Latemischen übersetzt durch Georgium Alten. Nürnberg, 1493, лист 248).

[4]) Под 1410 г. сказано: «Того лета (6918) начаши торговати, промежи себе, лобци и гроши.

[5]) Об литейщиках и весчиках денег, «денежниках», см. Полн. Собрание Русских Летописей IV, 23, а также Новгород. Синодальн. Летопись, 178, 244.

Первые новгородские монеты не составляют особой редкости и обстоятельно описаны нашими нумизматами; они не разнообразны по своему типу. Нормальный вес необрезанных «новгородок» равнялся 17 — 18 долям. Проба их вдвое выше пробы всех обращавшихся в Новгороде иноземных монет и равна 80—93. Одна «новгородка» составляла одну сотую часть рубля или двухсотую гривны. Гривна при этом весила 96 золотников.

Различают несколько типов новгородских монет:

А. *Серебряные* с надписью Великого Новгорода на одной и на другой:

1) со стоящим великим князем, перед которым склонилась символическая фигура Новгорода с даром («с овальным» и «из точек»);

2) с сидящим великим князем («без букв и точек», «с одною буквою», «с двумя» и «с тремя»);

3) с надписью: «печать и деньга Великого князя» (после 1478 года);

4) с надписью: «Осподарь всея руси».

В. *Медные*:

1) Полушки, похожие на серебряные;

2) пулы, обыкновенно с изображением птицы с распущенными крыльями и надписью «князя великого».

Из нумизматических описаний новгородских денег ясно видно обилие различных разновидностей «новгородок», что, конечно, в свою очередь указывает на мощный товарообмен и значительность новгородского денежного оборота [1]).

Почти одновременно с новгородцами стали чеканить монету и псковичи, которые, по словам летописи, в 1424 году «отложиша

---

[1]) См. важнейшие описания: бар. *С. де-Шодуар* «Обозрение русских денег и иностранных монет», т. I, 1837, т. II, 1841, т. III, 1837.

А. Чертков. Описание русских монет. М. 1834, и 3 приложения.

Д. Сонцев. Деньги и пулы древней Руси. М. 1860, и прибавления 1862.

Шуберт, ген.-лейт. Описание русских монет и медалей. Русск. изд. т. I, 1842, 1843, фр. изд. 1858.

Гр. *Э. К. Чапский.* Удельные деньги древней Руси. СПБ. 1875.

Гр. *И. И. Толстой.* Русская допетровская нумизматика, вып. I. Монеты великого Новгорода. СПБ. 1884 г.

пенязьми и артуги торговати и приставиша мастеров денги ковати в чистом серебре» [1]). За образец монеты псковичи взяли себе лифляндский «*артуг*» с изображением дерптского епископа Дитриха, правившего в то время (1413 — 1443) в г. Дерпте; но некоторые типы, впрочем, совершенно схожи с монетами польскими, напр., Владислава II или Казимира Великого. По весу псковские монеты подходят к новгородским, но проба от несовершенства техники довольно сильно варьирует (70 — 91). На монетах псковичи писали: «деньга псковская» или «а се деньга псковская». Своя монета долго не вытесняла всей иностранной. Так, когда спустя полвека через Псков проезжала невеста великого князя Московского (позднее царя Иоанна III), то псковичи поднесли ей 50 рублей — «пенязями» [2]).

Почти в то же время началась чеканка монет в Твери, первые монеты которой принадлежат князю Ивану Михайловичу Тверскому († 1425). Большинство тверских монет чеканилось без имени князя и носило на себе только одни символические изображения птиц, зверей, человеческих лиц. Некоторые тверские монеты несомненно чеканились по образцу западных. Так, например, монеты кн. Михаила Борисовича Тверского совершенно сходны с динаром *польского* короля Владислава II (1139 — 1148). Деньги в Твери также назывались «*кунами*». В I томе Актов, собранных Археографическою Экспедициею и касающихся Твери, об одном расчете XIV века говорится: «с половинки даст по десятку кунами». Тверские деньги чеканились из серебра и меди [3]). На медной монете стояла одна лаконическая надпись: пуло «тверское» или «тферское».

---

[1]) Под 1420 году в летописи (Псковской) значится. «В тоже лето начаша Псковичи деньгами торговати чистым серебром». Некоторые исследователи полагают, что это известие записано неверно. В том же году записано солнечное затмение, но астрономически доказано, что оно было в 1423 году. Но *гр. И. П. Толстой* в своем сочинении Монеты Псковскиѣ. СПБ. 1886 г. стр. 18, устанавливает год начала чеканки — *1425-й*.

[2]) О Псковских монетах см. также *Григорьев, В.*, в «Записках Арх. нумизмат. общ.» за 1850 г., т. II, стр. 159.

[3]) См. *Жизневский, А. К.* в Трудах Московского нумизматич. общества, т. I; *Колюбей*, в Сборнике Тверского Общества любителей истории и пр., Тверь, т. I, 1903 г.

Чеканили монеты и в других местах: в Городне, Кашине, Микулине. Но нумизматы монеты городненские, кашинские и микулинские относят к тверским, так как это были уделы великого князя Тверского.

Помимо приведенных мест монету чеканили еще в Рязани, Ростове, Ярославле, Угличе. Серебряная монета этих городов была известна еще в XIV столетии [1]). До нас дошли и монеты Рязанские, отличавшиеся особенно крупным размером [2]).

Позднее началась чеканка в Москве, где долго не было своей монеты. Здесь, несмотря на рост и усиление могущества, продолжали пользоваться новгородскими денежными счетом и знаками, даже после покорения Новгорода (1478 г.). С новгородским счетом были связаны весьма серьезные интересы. Московской казне было очень выгодно собирать налоги и сборы в крупных новгородских рублях, гривнах и деньгах. Вот, быть может, почему и в дальнейшем вместе с московским рублем и «гривной» сохранилась «*новгородская* (копейная) *денга*» или «*копейка*».

Вместе с ростом политического могущества Московского княжества, московские деньги стали вытеснять остальные монеты того времени, чеканка которых служила признаком политической самостоятельности. При этом и самые типы московских монет становятся более однообразными.

Ко времени царя Иоанна III количество монетных типов сокращается, и неопределенность их в значительной мере исчезает. Иоанн IV, в 1536 году, окончательно придал московским деньгам однообразие. «Повеле, — говорится об этом в Софийском Временнике (II, 387), — «делати деньги серебряные новые, на свое имя, и учени знамя на деньгах; князь на коне, а имея копье в руце».

Этим заканчивается долгий «предварительный период развития нашего денежного дела, и дальнейшая история русских денег входит в новое русло.

---

[1]) См. статьи *Люценко, Е. Е.* в Трудах Ярославского статистического комитета, т. II, стр. 5, т. V, стр. 3.

[2]) См. *Каталог* Рязанского музея, Нумизматическое отделение, за 1891 г.

Таким оброзом, первоначально случайная чеканка монеты — в XIV — XV веках становится обычным явлением; иноземные монеты постепенно исчезают, а в XVI веке окончательно вытесняются монетами своей чеканки, в конечном итоге — московской.

Но как прежде гривна и в весе и в счете определилась подражанием востоку, так и теперь новые деньги своей чеканки еще сохраняют то же влияние. Татарский денежный счет удерживается в течение XIV века в «русской» денежной системе. Все русские ценности оценивают на «*деньги*» и «*алтыны*», но гривна исчезает; ее заменяет рублевая система, система части бывшей гривны. Новая система по внешнему виду порывает со стариной: ее «*рублевая гривенка*» или в просторечии «рубль» (в 48 золотников) вытеснил старую гривну. Про рублевую гривенку скоро забыли, и в денежной системе навсегда укоренился новый термин — рубль.

---

5. Завершение эволюции гривны.

(Рублевая система.)

Теперь вернемся назад к гривне. Мы видели, что это был значительный *слиток серебра*, единовременно служивший и для веса, и для счета. С течением времени эта единица, — как и вообще повсеместно первые крупные основные единицы, — становится черезчур громоздкой для народно-хозяйственного оборота. Она заменяется более мелкою, сохраняющею, конечно, особенности своей первичной формы — служить для нужд и счета и веса. Такую «архаическую двойственность» удержала и европейская марка, сменившая в XI веке более крупный ливр. То же случилось в конце XIII века и с древне-русской гривной, измельчавшей до *рублевой гривенки* весом в 48 золотников. В таком виде она продержалась до конца XVII века, хотя уже в XV веке получила сокращенное наименование *рубля*.

Указанное уменьшение основной денежной единицы пришло с юга, «*с низовья*». Отсюда рублевая гривенка вначале определяется, как единица «Низовского веса». Под 1316 и 1317 годами летопись говорит о новом низовском весе, который рас-

пространился уже в Твери и в Великом Новгороде. В XIV веке рублевая гривенка приобретает повсеместно права гражданства, именуясь в сокращении просто рублем.

Итак, *рублевая гривенка* вытесняет в XIV столетии гривну. Рублевая гривенка или «*рубль*» является отныне основною единицею нового денежного и весового счета.

Вес монет князей Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича, впервые в помонгольское время начавших чеканку, и вес более старых монет новгородских доказывает, что рублевая гривенка равнялась первоначально 48 золотникам и от этого веса производился расчет. Но затем в рублевой системе *вес* изменяется. Происходит важное явление: в середине XV века вес и счет отделяются друг от друга. Рублевая гривенка отныне *весит* иное, чем «рубль», становящийся только единицею *счета*. Итак, рубль с XV века только денежная *счетная* единица, а гривенка *весовая* — «скаловая». При том размер этой единицы, как имевший в основе неодинаковый вес гривны, был неодинаков в Москве и в Новгороде. В Москве, где гривенка или рубль постепенно уменьшается, рублевая гривенка первоначально делится на 200 денег. В Новгороде, где гривенка до конца самостоятельного новгородского чекана остается неизменною, гривенка делится на 216 денег, причем каждая деньга весит $21^1/_3$ долю серебра (гривенка = 48 золотн. серебра). Это происходит от естественной связи с татарским денежным счетом, где единица дробилась на 108 [1]).

Великому князу Иоанну III приходится поэтому чеканить два сорта денег — *новгородские* (копейные) и *московские* (мечевые). На новгородских деньгах ставилось с этого времени популярное клеймо, «знамя» великого князя: всадник с копьем.

---

[1]) Вопрос о числе 216 (2×108), т.-е. о происхождении системы, часто занимал наших нумизматов. *И. И. Кауфман* в своем исследовании: «Русский вес, его развитие и происхождение» (СПБ. 1906, стр. 34 и след.) выводит новгородский из татарского путем обычного удвоения (Татарские слитки «саум» или «сум» содержат 108 татарских денег: $108 \times 2 = 216$). Он полагает также, что до Новгорода этот рубль был в ходу в XIV веке только у Дмитрия Донского (См. *Кауфман, И.*, loc. cit., стр. 41).

Новые деньги, вернее денежки, которых, кстати сказать, довольно много шло на фунт, начали чеканиться с 1385 года. В 1435 году они еще раз были уменьшены и в новом виде дошли до царя Алексея Михайловича, делавшего некоторые попытки улучшения денежного дела. Но действительная реформа пришла позже; она связана с именами Петра I в XVIII в. и Александра I в начале XIX в. С этого времени наступает эпоха окончательной европеизации наших денег; ее мы здесь не касаемся.

Итак, мы проследили внешнюю историю денежных систем древней России, начиная с примитивных денежных знаков IX века и кончая чеканною монетою современного типа, установившейся к началу XVI столетия. Начало этого восьмивекового периода уходит в глубь времен доисторических. IX век застает уже в полной силе обращение неметаллических ценностей и притом в очень интересный момент. Совместное обращение различных ценностей и единовременное существование нескольких товаро-денежных систем постепенно вытесняется единою системою, — системою металлических ценностей, или системою кун. Из трех нам известных денежных систем древней России: денег-скота, денег-мехов и денег-украшений, одновременно обращавшихся в населении, первые две исчезают, уступая место последней. От систем денег-скота и меховых денег остаются только переживания в виде номенклатуры. Чужая монета и свое литье металлических слитков с одной стороны, переход населения к земледелию и падение звероловства с другой — облегчают путь к введению системы кун. Металлы, таким образом, побеждают в России, как и повсюду на земном шаре, остальные виды денежных ценностей. В XIII и XIV веках старые системы кончают свое многовековое существование.

Но наступление эры куниой системы не совпадает с началом циркуляции монетных (медальных) денег. Кунные деньги переживают еще длинную историю, пока их окончательно вытесняют медальные деньги: последние первоначально не тузем ного происхождения, а иностранного образца.

Есть возможность предполагать, что первоначальные деньги, «*ветхие куны*», сильно разнились от последующих денег хоро-

шего серебра. Гривны кун употреблялись при этом и как фактические монетные ценности и как весовые, а впоследствии и счетные единицы. Вес их образовался под влиянием крупнейшего культурного соседа старой России — арабского Востока.

Мелкие монетные единицы стояли в известном отношении к гривне, но гривна кун постепенно падала по отношению к гривне серебра. Гривны серебра в слитках впоследствии были разбиты на рубли, а рубли на полтины. Постепенно образовалась рублевая система, вполне сменившая куниую. Рублевая система уже окончательно основалась на *медальной* монете, систематическая чеканка которой уже не прекращается со второй половины XIV столетия. Рубль, составлявший первоначально четверть большой гривны и имевший высокую покупательную стоимость, постепенно упал в цене. Историческая схема этого падения впервые была разработана проф. *В. О. Ключевским* в его маленькой, но весьма интересной монографии о русском рубле [1]).

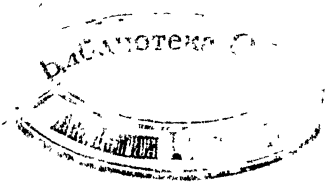
Мы, как уже сказано, проследили смену целого ряда денежных систем древней Руси, начиная примитивною системою товаро-денег, выраженных в штуках скота и меховых шкурках, и кончая правильною чеканкою монеты. Эта эволюция совершилась на пространстве нескольких столетий от IX века, когда ее впервые застает документальная история, до середины XV в., когда появляется систематическая чеканка русской монеты. Это очень короткий срок для развития и изменений обыкновенно столь устойчивых форм жизни, тем более, что, строго говоря, эпоху Ярослава можно уже считать временем завершения денежной эволюции.

Правда, процессы начались, несомненно, значительно раньше, чем они были отмечены нашими первыми документами, но, принимая и это в соображение, нельзя не обратить внимания на необычайную быстроту смены форм денежного обращения. Единственно возможное, и к тому же вполне совпадающее с фактами, объяснение этому явлению мы можем найти в быстроте темпа

---

[1]) *Ключевский, В.*: «Русский рубль в XVI — XVII столетии». М. 1881 г.

общей экономической эволюции древней Руси. Только страна, быстро сменявшая более ранние экономические отношения на новые, могла так быстро сменять одну форму мерил ценностей на другую, хотя бы внутренняя сущность этих ценностей оставалась неизменною или преемственною. Но, определив общий ход *экономической* эволюции как причину изменения форм *денежной* эволюции, мы еще тем самым отнюдь не указываем истинных причин эволюции, так как «общий ход» представляет собою только сумму некоторых слагаемых, часть которых является еще «искомыми». Таким основным слагаемым являлась в древней Руси прежде всего торговля, а затем позднее и некоторые зачатки промышленности.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

			стр
Глава	I.	Вопрос о происхождении денег в экономической науке	3
Глава	II.	Первобытный обмен и его развитие	11
Глава	III.	Первобытные товаро-деньги и их виды	17
		1. Раковины и раковинная валюта	18
		2. Ткани	26
		3. Домашняя утварь	28
		4. Меха и шкуры	29
		5. Скот	30
		6. Рабы	33
Глава	IV.	Системы товаро-денег	33
Глава	V.	Металлы в роли денег	38
Глава	VI.	Металлы и их взвешивание	44
Глава	VII	Начало чеканки монет	49
Глава	VIII.	Первые шаги экономической теории, как теории денег	52
Глава	IX.	Бумажные деньги и металл	54
		1. История бумажных денег	54
		2. Валютные системы	58

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Происхождение денег в России.

Глава	I.	Древнерусские денежные системы	61
		1. Деньги-скот	61
		2. Деньги-меха	68
		3. Кунные гипотезы	73
Глава	II.	Развитие металлического обращения в древней Руси	91
		1. Гривна, как украшение	92
		2 Эволюция гривны	100
		3. Части гривенной системы	103
		4. Начало собственной чеканки монет	114
		5. Завершение эволюции гривны	128

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

МОСКВА — ПЕТРОГРАД.

Главное Управление: Москва, Софийка, уг. Рождественки, д 4—8.

Общественные знания.

Бухарин, Н. — Теория исторического материализма. Популярный учебник марксистской социологии. Изд. 2-е. Стр. 385. Ц. 85 к.

Вольфсон, М. Б. — Очерки обществоведения. Изд. 2-е. Стр. 428.

Зиновьев, Г. и Ленин, Н. — Против течения. Сборник статей. Изд. 3-е. Стр. 555. Ц. 1 р. 20 к.

Каутский К. — Критика теории и практики марксизма («Антибернштейн»). Стр. 297. Ц 75 к.

Кунов, Г. — Возникновение религии и веры в бога. Перев. и пред. И. Степанова. Изд. 3-е. Стр. 182. Ц. 35 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.). — Собрание сочинений, т. II. Экономические этюды и статьи (1894—99 г. Стр. 552. Ц. 1 р. 30 к. в пап.

Его же. — Собрание сочинений, т. III. Развитие капитализма в России. Стр. 548. Ц. 1 р. 30 к. в пап.

Его же. — Собрание сочинений, т. IV. «Искра». 1900—03 г.г. Стр. 335. Ц. 80 к.

Его же. — Собрание сочинений, т. VI. 1905 г. Стр. 528. Ц. 1 р.

Его же. — Собрание сочинений, т. VII, ч. I. 1905—06 г. От октября 1905 г. до роспуска 1-й Гос. Думы. Стр. 352. Ц. 70 к., в пап. 80 к.

Его же. — Собрание сочинений, т. VII, ч. II. 1905—06 г. От роспуска 1-й Гос. Думы до начала избирательной компании во 2-ю Гос. Думу. Стр. 303. Ц. 75 к., в пап. 1 р.

Его же. — Собрание сочинений, т. VIII. 1907 г. Стр. 663. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 26 к.

Его же. — Собрание сочинений, т. X. Материализм и эмпириокритицизм. Стр. 328. Ц. 65 к., в пап. 70 к.

Ленин, Н. (Ульянов, В.) — Собрание сочинений, т. XIV, ч. I. Буржуазная революция 1917 г. От Февральской революции до июльских дней. Изд. 2-е. Стр. 324 Ц. 1 р. в пап.

Его же. — Собрание сочинений, т. XIV, ч. II. Буржуазная революция 1917 г. От июльских дней до октябрьской революции. Изд 2-е. Стр. 536. Ц. 1 р. 45 к., в пап. 1 р. 50 к.

Его же. — Собрание сочинений, т. XV. Пролетариат у власти. 25 окт. 1917 г.—31 дек. 1918 г. Стр. 692. Ц. 1 р. 20 к., в пап. 1 р. 30 к.

Его же. — Собрание сочинений, т. XVII. Пролетариат у власти. 1920 г. Стр. 477. Ц. 1 р. 25 к. в пап.

Его же. — Собрание сочинений, т. XVIII, ч. I. Пролетариат у власти. 1921 г. Стр. 455. Ц. 1 р. 50 к. в пап.

Его же. — Собрание сочинений, т. XIX. Национальный вопрос. (Статьи 1910—21 г.). Стр. 300. Ц. 50.

Маркс, К., и Энгельс, Ф. — Полное собраоие сочинений, т. III. Исторические работы. Стр. 519. Ц. 1 р.

Их же. — Коммунистический манифест. С введением и примеч. Д. Рязанова. Изд. 2-е. Стр. 33. Ц 70 к., в пап. 75 к.

Маркс, К. — Капитал. Критика политической экономии, т. III, ч. I. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Главы: I — XXVIII. Под ред. В. Базарова и И. Степанова. Стр. 447. Ц. 1 р.

Его же. — Капитал. Критика политической экономии, т. II, ч. III. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Под ред. И. Степанова и В. Базарова. Главы: XXIX — LII. Стр. 424. Ц. 1 р.

Его же. — Нищета философии. Ответ на «Философию нищеты» Прудона. С пред. и примеч. Ф. Энгельса. Стр. 165. Ц. 50 к.

Его же. — Замечания на программу германской рабочей партии. Критика Готской программы. С вступит. статьей К. Корша. Перев. Н. А. Алексеева Стр. 97. Ц. 20 к.

Аграрное

Цены на книги переведены в золото. Расчет на дензнаки 1923 г. по курсу котировальной комиссии, ежедневно публикуемому в газетах.